

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

КОНТИНУАЛЬНОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Материалы IX Всероссийской научной конференции
Краснодар, 22–25 ноября 2023 г.

Краснодар
2023

УДК 801:371.122.1

ББК 81

К 651

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. Л.А. Исаева (отв. ред.)

д-р филол. наук, проф., член-кор. РАН С.А. Мызников

д-р филол. наук, проф. С.Г. Воркачев

К 651 Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы IX Всероссийской научной конференции / ответственный редактор Л.А. Исаева; Министерство высшего образования и науки Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – 177 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-8209-2336-4

Данное издание посвящено памяти видного лингвиста, доктора филологических наук, профессора кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, члена-корреспондента Международной академии наук высшей школы, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации А.Г. Лыкова. Представлены работы учеников, последователей и коллег, охватывающие широкий круг проблем современной лингвистики.

Адресуется преподавателям, аспирантам, студентам-филологам, а также всем, кто интересуется вопросами лингвистики.

УДК 801:371.122.1

ББК 81

ISBN 978-5-8209-2336-4

© Кубанский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Фундаментальные свойства вербальных систем: диалектика континуального / дискретного

<i>Байбуз Г.В. (Краснодар). Детерминологизированные единицы в медийном дискурсе (на примере специальной единицы «атавизм»).....</i>	<i>7</i>
<i>Криворучко И.С. (Краснодар). Новая лексика возрастной стратификации в англоязычном деловом дискурсе.....</i>	<i>10</i>
<i>Сердюкова Е.В., Лесняк Д.С. (Ростов-на-Дону). Лексико-семантическое поле «преступление» в посланиях Андрея Курбского Ивану Грозному.....</i>	<i>13</i>
<i>Липириди С.Х., Шитухина А.Ю. (Краснодар). Лингвистическая интерференция как результат интенсификации сотрудничества между странами (на примере английского и корейского языков).....</i>	<i>16</i>
<i>Мызников С.А. (Москва). Теория историко-культурных зон в топонимических и этимологических исследованиях.....</i>	<i>21</i>
<i>Немыка А.А., Ахмадсафина Е.М. (Кранодар). Эффективность понятийной составляющей современных эргонимов (на материале наименований образовательных платформ).....</i>	<i>24</i>
<i>Пономаренко И.Н., Арсенова Д.А. (Краснодар). Реализация лингвистической оппозиции «красное/белое» в русской фразеологии.....</i>	<i>26</i>
<i>Разумова Л.В. (Москва). Системность и консервативность аффиксальных средств квебекского варианта французского языка XIX в.....</i>	<i>29</i>
<i>Сокур Е.А. (Майкон). Особенности реализации системных семантических отношений в группе соматических фразеологизмов русского языка.....</i>	<i>32</i>
<i>Шемелева Т.В., Демиденко А.А. (Краснодар). Словообразовательная активность полимотивированных наречий.....</i>	<i>35</i>
<i>Шишкин Б.А. (Краснодар). Конфликтогенные языковые средства японской лингвокультуры.....</i>	<i>39</i>

Анализ художественного текста: континуальность процесса – дискретность его результатов

<i>Бирюкова П.С., Коваленко А.А. (Краснодар). Сопоставительный анализ оригинала и перевода рассказа Р. Даля «Путь на небо» («The way up to heaven»).....</i>	<i>43</i>
--	-----------

<i>Буянова Л.Ю., Ким Ин Гю., Янг Сун Ен (Краснодар). Художественный текст в аспекте отражения народной ментальности и языка.....</i>	<i>46</i>
<i>Исаева Л.А., Мартиросова А.В. (Краснодар). Репрезентация категории интенсивности в рассказе В.В. Набокова «Гроза».....</i>	<i>49</i>
<i>Копоть Л.В., Балашова А.А. (Майкоп). Способы конструирования маскулинности в художественном дискурсе Е.Г. Водолазкина.....</i>	<i>52</i>
<i>Сомова Е.В., Новикова Е.С. (Краснодар). Апокалипсис или утопия: поэмы В. Хлебникова «Журавль», «Змей поезда» и «Ладомир» как альтернативные пути человеческой цивилизации.....</i>	<i>56</i>
<i>Шетеля В. (Москва). Названия породы лошадей в тексте мемуаров XVII в. шляхтича Я.-Х. Пасека.....</i>	<i>62</i>
<i>Эркенова А.Н. (Ставрополь). Прецедентные феномены в эпической поэме «Беовульф» как репрезентанты предкультуры англов.....</i>	<i>66</i>

Концептуализация и прецедентизация как процессы и их результаты

<i>Беданокова З.К., Петренко А.С. (Майкоп). К концептуализации имени собственного «Китай» в русском сознании.....</i>	<i>70</i>
<i>Буданова С.Г., Почтарева Т.С. (Краснодар). Интертекстуальность в творчестве фолк-рок-группы «Мельница».....</i>	<i>73</i>
<i>Володина Д.Е. (Краснодар). Языковые средства сознания лингвокультурного образа города.....</i>	<i>76</i>
<i>Дробан В.В., Белоусова О.А. (Краснодар). Концепт «мир» как компонент лингвокультурного пространства современного города (на материале эргонимов).....</i>	<i>79</i>
<i>Исаева Л.А., Остроухова С.К. (Краснодар). Образные парадигмы концепта «любовь» в поп- и рок-текстах XXI в.....</i>	<i>82</i>
<i>Кабаньян Б.С., Ерицян С.Р. (Краснодар). Особенности заимствований в массмедийном дискурсе.....</i>	<i>86</i>
<i>Кокора Ю.В. (Краснодар). Концепт «мечта» в русской языковой картине мира (на материале народных исторических песен).....</i>	<i>89</i>
<i>Любина Г.С. (Краснодар). Концептуализация понятия «прощение» в православной культуре.....</i>	<i>92</i>
<i>Пономаренко И.Н., Соболев С.Е. (Краснодар). Концепт «смерть» в русской национальной картине мира (по материалам словаря В.И. Даля).....</i>	<i>94</i>

Чернова И.В. (Краснодар). Пространство отеля как один из базовых компонентов концептуализации понятия «отель».....96

***Дискурсивный континуум и дискретность форм существования
текстов различных типов***

- Борисова О.Г., Костина Л.Ю. (Краснодар). Региональная маркированность/немаркированность устных рассказов-воспоминаний жителей Кубани.....100*
- Буданова С.Г., Петрова А.И. (Краснодар). Москва в русской языковой картине мира (сравнительный анализ паремиологических единиц и рэп-текстов).....104*
- Буданова С.Г., Ткаченко А.Н. (Краснодар). Роль экспрессивных знаков препинания в публицистике.....108*
- Вульфович Б.Г. (Краснодар). Лингвистический способ провоцирования конфликтов в интернет-комментариях (в контексте СВО на Украине).....111*
- Гусева С.Э. (Краснодар). Дискурс как объект лингвистического исследования.....116*
- Лягунова С.В. (Краснодар). Спортивный комментарий как коммуникативная единица спортивного дискурса (на материале репортажа по баскетболу).....118*
- Нехорошева О.А. (Краснодар). Лингвистическое исследование особенностей экономического дискурса.....122*
- Пономаренко И.Н., Балан Ч. (Краснодар). Концептуальный заголовок как сильная позиция медиатекста.....125*
- Рябинина А.Г. (Краснодар). Особенности репрезентации лингвокультурного типажа «учитель / преподаватель» во вторичных текстах современной рекламы.....127*
- Сегал Н.А., Мищенко А.Н. (Симферополь). Метафорическое моделирование политической реальности в текстах русскоязычных СМИ (на примере цирковой метафоры).....132*
- Хамраева А.А. (Краснодар). Интертекстуальные характеристики метафоры в проповедях протоиерея А. Ткачева.....135*

Человек в языке: диалектика континуального / дискретного

<i>Бирюкова П.С., Штанченко З.А. (Краснодар). Современные тенденции изменения ценностной картины общества (на примере англоязычных неологизмов).....</i>	<i>139</i>
<i>Катермина В.В. (Краснодар). Языковая личность в контексте цифровой культуры.....</i>	<i>143</i>
<i>Костина Л.Ю., Котовец М.А. (Краснодар). Стратегия самопрезентации в устных воспоминаниях рядового носителя языка.....</i>	<i>146</i>
<i>Силина О.Е., Костина Л.Ю. (Краснодар). Речевые особенности диалектного повествования (на материале устных воспоминаний жительницы станицы Камышеватской Ейского района П.С. Фенько).....</i>	<i>149</i>
<i>Шушура Е.Е., Костина Л.Ю. (Краснодар). Мемораты о труде: коммуникативная стратегия самопрезентации (на материале автобиографических рассказов жительницы с. Новое Село Брюховецкого района Шушура Т.В.).....</i>	<i>152</i>
<i>Петросян М.С. (Краснодар). Взгляд на современные ценности через призму неологизмов в медицинском дискурсе.....</i>	<i>156</i>
<i>Литвиненко Д. А. (Краснодар). Фитопортрет «картофель» (на материале кубанских говоров).....</i>	<i>159</i>
<i>Матвеев О.В. (Краснодар). Из лингвистического наследия В.А. Водарского.....</i>	<i>162</i>
<i>Милюк Н.М., Матель М. (Краснодар). Образы животных и птиц в русской и малийской лингвокультурах.....</i>	<i>167</i>
<i>Немец Г.И. (Краснодар). Методика подготовки иностранных учащихся к устному туру олимпиады по русскому языку.....</i>	<i>170</i>
<i>Сведения об авторах.....</i>	<i>174</i>

Фундаментальные свойства вербальных систем: диалектика континуального / дискретного

Г.В. Байбуз
Кубанский государственный медицинский университет
Краснодар, Россия

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ «АТАВИЗМ»)

В статье рассматривается вопрос об особенностях функционирования медицинского термина «атавизм» в текстах СМИ. Уделяется внимание исследованиям, посвященным анализу детерминологизации – выходу специальной единицы за пределы научного дискурса. Доказано, что семантика термина «атавизм» в текстах русскоязычных СМИ меняется, приобретая дополнительные коннотации.

Ключевые слова: детерминологизация, узуализация, медицинский термин.

Особый характер медицинской терминологии, включающей понятия, обозначающие структурные и функциональные элементы организма, патологические состояния, заболевания, симптомы, синдромы, методы диагностики, лечения и профилактики, медицинские препараты, не мог не повлиять на развитие языка, зеркально отражающего все глобализационные процессы.

Исследуя терминологию медицины, лингвисты анализируют не только общие, но и частные проблемы подязыка медицинской сферы. Так, С.Г. Казарина исследовала эмоциональную окрашенность медицинского термина [5]. В работе Ю. Б. Жидковой особое внимание уделяется функционированию терминов медицины в художественных текстах [4]. Работы Г.Т. Каримовой посвящены лингвопрагматике медицинского рекламного дискурса [6].

В макротерминосистеме языка медицины можно выделить отдельные подсистемы (терминологию акушерства и гинекологии, хирургии, стоматологии, эндокринологии, педиатрии, онкологии, дерматологии и др.). Термин является элементом той или иной подгруппы, однако, будучи частью общей макротерминосистемы медицины, специальные слова взаимодействуют друг с другом и находятся в определённых смысловых отношениях [12, с. 46–47]. Это отражает, с одной стороны, дифференциацию медицинских наук, а с другой – их интеграцию.

Являясь важным аспектом человеческой жизни, медицина выходит за рамки сферы науки, и это проявляется прежде всего в использовании специальной медицинской лексики в СМИ, литературе, бытовом общении людей, что подтверждают исследования Ю. С. Сорокина, связывавшего начавшуюся в 1830-е гг. экспансию терминов в литературный язык «с глубоким интересом со стороны демократической интеллигенции к данным точных и естественных наук, с широкой популяризацией естественно-научных знаний» [9, с. 35].

Популяризация терминов медицины в настоящее время – актуальный вопрос. Существует большое количество источников (газет, журналов, телепередач) на медицинскую тематику, которые обогащают знания людей в этой области и «санкционируют продвижение медицинских терминов в общее употребление... с целью

воздействия на умонастроение читателей, то есть приобретает дополнительную, прагматическую функцию» [8, с. 41].

Напомним, что термины в научном тексте несут основную информативную нагрузку и обладают следующими признаками: моносемичностью, экспрессивной, модальной и эстетической нейтральностью, системностью, однозначностью, краткостью и др. [10, с. 308–313]. Однако вследствие миграции в другие типы дискурсов, в частности художественный, термин «теряет особенности, свойственные специальной лексике, и приобретает все признаки, характерные для общеупотребительных слов» [7, с. 9].

Детерминологизация – утрата термином конститутивных свойств, переход за пределы терминосистемы и приобретение признаков общеупотребительного слова – активный лексический процесс. Д.В. Салмина и И.С. Куликова выделяют 4 ступени детерминологизации:

1) функциональная детерминологизация – сохранение термином своего содержательного ядра, но обрастание коннотациями в аксиологических контекстах;

2) частичная функционально-содержательная – смысловое варьирование термина в различных дискурсах;

3) полная окказиональная содержательная детерминологизация – не зафиксированная словарями метафоризация термина;

4) полная узуальная содержательная детерминологизация – словарная фиксация производного нетерминологического значения, в том числе и фразеологизированного [7, с. 15].

Узуализация – процесс вхождения какого-либо наименования в узу, т.е. во всеобщее пользование. Основным признаком узуального термина является его воспроизводимость. Следствием этого процесса в плане содержания является формирование определенного лексического понятия, зафиксированного в языковом сознании всех носителей данного языка и предопределяющего выбор узуальной номинативной единицы в речевой деятельности [2]. Д.В. Салмина и И.С. Куликова отмечают, что число терминов, имеющих узуальные, т.е. зафиксированные в словарях, производные значения, сформировавшиеся на основе метафоризации термина, незначительно [7, с. 45]. Узуальная детерминологизация также характеризуется потерей основополагающего свойства терминов – обозначать и выражать специальное понятие. Такой взгляд восходит к точке зрения А.А. Реформатского, согласно которой специальные слова, ставшие широко употребительными в общелитературном языке, изменяют семантику и перестают быть терминами [11, с.15].

Анализ путей развития лексемы «**атавизм**» приводит к выводу о полной узуальной содержательной детерминологизации медицинского термина. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой «**атавизм**» фиксируется в двух значениях: «1) наличие у потомка признаков, свойственных его отдалённым предкам (обычно о явлениях вырождения, уродства); 2) перен. О ком-л., чем-л., являющемся пережитком прошлого» [3, Т. 1, с. 137]. Для текстов русскоязычных СМИ характерно использование медицинского термина «**атавизм**» в переносном значении: *«Это советский атаквизм. Но и Грузия ошибается в выборе тактики и стратегии»* («Московские новости», 2003); *«И я полагаю, что право народов на самоопределение — если, как и большинство исследователей, подразумевать под ним право на самостоятельную государственность — это довольно опасный или, во всяком случае, неприятный атаквизм»* («Неприкосновенный запас», 16.07.2003); *«Атаквизм СССР, которого нет нигде в мире»* («Известия», 21.07.2002); *«При советской власти слово «Бог» было заменено словом «Свет», сегодня символ «Свет» стал восприниматься в продвинутых кругах по большей части как атаквизм из царства «тоталитарных ценностей»* (Знамя. 2018. №5).

Как показывает анализ медиатекстов, переносное значение «пережиток прошлого», производное от специального медицинского термина «*атавизм*», прошло указанные этапы полной узуальной содержательной детерминологизации.

Отметим, что в непрямом значении «*атавизм*» становится частью политического дискурса. В общественном сознании отражаются разные фрагменты действительности, особые состояния общества и происходящие в нем социальные процессы. Медицинский термин, обозначающий негативные стороны политики, экономики, общественной жизни, является примером образного описания происходящего и средством выражения эмоциональной оценки.

Данный факт подтверждает Ю.В. Аникин, согласно работам которого «при детерминологизации термин, получая новое значение, участвует в создании аддитивных образов явления, предмета, действия и так далее в несвойственном для нее регистре или отражает события, происходящие в мире» [1, с. 26].

Библиографический список

1. Акинин Ю.В. Детерминологизация английской экономической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010.
2. Голев Н.Д. Стихийная узуализация номинативных единиц. URL: <https://lingvo.asu.ru>.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006.
4. Жидкова Ю.Б. Функционирование медицинской терминологии в художественных произведениях русских писателей XIX – начала XXI века: на материале прозы А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова, Ю.П. Германа, В.П. Аксенова, Л.Е. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
5. Казарина С.Г. Типы экспрессивных единиц в терминосистемах. Самара, 1998.
6. Каримова Г.Т. Лингвопрагматика медицинского рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012.
7. Салмина Д.В., Куликова И.С. Проблемы современного терминоведения. Лингвистические термины за пределами специального текста: учеб. пособие. М., 2022.
8. Смирнова А. Г. Функционирование терминов медицинской науки в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985.
9. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е годы XIX века. М., 1965.
10. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: в 3 т. М., 1995. Т. 2.
11. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии: учебник. М., 1986.
12. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии. М., 2000.

НОВАЯ ЛЕКСИКА ВОЗРАСТНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья исследует англоязычный деловой дискурс как отражение многообразия языковых и культурных влияний. Внимание уделяется разнообразной лексике, которая формируется в деловом сообществе, представленном людьми разных возрастных групп и социокультурных сред. Особое внимание уделяется лексике, характерной для молодого поколения, которое сталкивается с уникальными вызовами и проблемами, а также неологизмам, имеющим отношение к представителям старшей возрастной группы.

Ключевые слова: деловой дискурс, неологизмы, бизнес-персоналии, возрастной компонент, гендерный компонент, колоратив.

Англоязычный деловой дискурс, как и любая другая область общения, отражает разнообразие языковых и культурных влияний. Англоязычное деловое сообщество включает людей из разных культур и социальных сред, каждая из которых может вносить свой вклад в формирование новой лексики. Социальная составляющая новой лексики может быть представлена возрастным компонентом, характеризующим особенности определенного поколения. Такая лексика способствует описанию и адаптации бизнес-практик и стратегий под изменяющиеся потребности разных возрастных групп. В нашем исследовании анализируется функционирование лексики возраста в англоязычном деловом дискурсе. Вместе с О. Б. Волкоморовой под возрастной лексикой мы понимаем «номинации, в значении которых присутствует сема “возраст”: возраст человека, период жизни, признаки / свойства / качества какого-либо жизненного отрезка или возраста» [2, с. 39]. «Изучение использования специализированных слов в контексте может предоставить инструмент для отображения этих действий, оценки их потенциального воздействия и учета мнения людей, работающих в различных соответствующих областях интересов» [1, с. 16].

Англоязычный деловой дискурс представлен огромным разнообразием неонинаций, относящихся к молодому поколению, обладающему своими уникальными особенностями, предпочтениями и ценностями: **generation pause** (“*young adults who are not able to do things previously typical for their age group such as buy a home or start a family because of lack of money*” – «молодые люди, которые не могут совершать поступки, ранее типичные для их возрастной группы, такие как покупка дома или создание семьи, из-за нехватки денег»). Актуальность проблем, связанных с приобретением своего собственного жилья, обусловила выбор определения поколения, столкнувшегося с этими проблемами: **generation rent** (“*young people in the UK and the US, most of whom cannot now afford to buy their own homes and consequently rent them*” – «молодые люди в Великобритании и США, большинство из которых сейчас не могут позволить себе купить собственное жилье и, следовательно, снимают его»). Молодежные неологизмы могут быть краткими и удобными в использовании, что делает их подходящими для быстрой коммуникации в мире, насыщенном информацией. Для такого рода лексики характерен специфический контекстуальный смысл, который понимается только теми, кто

внутри этой культуры: **yopro** (*informal “a young professional” – неформ. «молодой профессионал»*).

Считаем необходимым отметить отдельную группу неологизмов, содержащих компонент, относящийся к представителям более старшего возраста. Мы объясняем это тем, что за последнее время в связи с улучшением условий жизни возникли предпосылки к увеличению ее продолжительности. Как следствие, все больше и больше людей более старшего возраста могут позволить себе вести активный образ жизни, в области бизнеса в том числе: **superager** (*“someone over the age of 65 whose memory and thinking skills are similar to those of someone in their 20s” – «человек старше 65 лет, чья память и мыслительные способности аналогичны таковым у человека в возрасте 20 лет»*), префикс “super-” в данном случае подчеркивает умственные способности возрастных бизнес-персоналий, исключительность которых в том, что они похожи мышлением и памятью на более молодых коллег.

В следующем примере структурный анализ лексемы **nevertiree** (*“a person past retirement age who still works” – «человек пенсионного возраста, который продолжает работать»*) позволяет утверждать, что эта двухкомпонентная единица образовалась в результате слияния полной основы первого слова с конечным фрагментом второго (*never + retiree*). Речь идет о так называемом блендинге. По мнению исследователей, «в настоящее время данный способ словообразования переходит из второстепенных в категорию основных» [4, с. 68]. Коннотация данного примера отчасти ироническая, поскольку биологически невозможно совсем не оставлять активную трудовую деятельность, но она не является отрицательной, это значит, что участники делового дискурса принимают более старших коллег в свое сообщество, приветствуют их и даже восхищаются ими: *“The research has highlighted an interesting and, perhaps, unexpected phenomenon amongst wealthy individuals across the world. Instead of planning a conventional retirement or making plans to retire early, most of our respondents aspire to keep on working in some form – to become a Nevertiree rather than a retiree”* [6] – *«Исследование выявило интересное и, возможно, неожиданное явление среди богатых людей по всему миру. Вместо того чтобы планировать обычный выход на пенсию или планировать досрочный выход на пенсию, большинство наших респондентов стремятся продолжать работать в той или иной форме – стать никогда не стареющим, а не пенсионером»*.

Тенденция продолжительной профессиональной активности проявляется в номинации с тем же компонентом “retire” – **unretirement** (*“the act of going back to work after you have retired” – «возвращение на работу после выхода на пенсию»*). Позитивность нейтральной дефиниции данного понятия придает тот статистический факт, что большинство людей, принявших такое решение, делают это не только из-за финансовых ограничений или недостаточного уровня пенсионных доходов. Для некоторых людей работа представляет собой источник дохода, а также источник удовлетворения и смысла жизни. Они могут продолжать работать из-за страсти к своей профессии или бизнесу. Кроме того, работа может предоставить им социальные возможности для общения и участия в коллективе. Это особенно важно для людей, чьи профессиональные связи были значимой частью их жизни. Поддержание активности ума также имеет решающее значение для общего благополучия. Все эти факторы положительно характеризуют тенденцию “unretirement” и возводят ее в ранг как экономических, так и социальных ценностей.

Для неологизмов, относящихся к более пожилому возрасту, характерен колоратив “silver” – «серебряный», символизирующий цвет волос («седой»), т. е. возраст, а не материал («серебро»): **silver striver** (*“someone who continues to work after*

they have passed the typical retirement age” – «*тот, кто продолжает работать после достижения пенсионного возраста*»); **silvfluencer** (“*a middle-aged or elderly person who encourages people to buy items such as clothing and make-up by recommending them on social media, and is paid by companies to do so*” – «*человек среднего или пожилого возраста, который побуждает людей покупать одежду и косметику, рекомендуя их в социальных сетях, и получает за это деньги от компаний*»). Как отмечают В. В. Катермина и С. Х. Липириди, «неологизмы с колоративами отличаются образностью, ассоциативностью и национально-культурной окрашенностью» [3, с. 80]. В рассмотренных примерах мы видим, что образный потенциал цветообозначений помогает отобразить возрастную принадлежность участников делового дискурса.

Выражение **granny track** (“*to sideline older women in the workplace*” – «*отстранять пожилых женщин от работы*») выступает примером, в котором возрастной компонент сочетается с гендерным (“*granny*” – «*бабушка*», т. е. женщина пожилого возраста), отображая проблемы, связанные с отстранением пожилых женщин от рабочего процесса. Такого рода дискриминацию Т.С. Непшекуева называет «социально-гендерным конфликтом» [5, с. 99], одну из возможных причин которого исследователь видит в семейном статусе персоналии.

Таким образом, огромное разнообразие неологизмов, содержащих возрастной компонент, в англоязычном деловом дискурсе отражает динамичность и разнообразие самой языковой среды, а также стремление адаптироваться к меняющимся условиям и потребностям различных возрастных групп в бизнесе и обществе. Актуальность и перспективность исследования лексики возраста в деловом дискурсе подтверждает употребление окказиональных возрастных номинаций. Важным аспектом выступает необходимость разграничения общего и индивидуального в восприятии возраста посредством контекстуального и концептуального методов.

Библиографический список

1. Айвазян Н.Б. Слова, идеи, эмоции – дискурс // Язык. Общество. Культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.С. Усенко. Краснодар, 2019.
2. Волкоморова О.Б. Возрастная лексика в лингвистических исследованиях // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 38–42.
3. Катермина В.В., Липириди С.Х. Аксиология неологизмов с колоративным компонентом (на материале онлайн-словарей) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27, № 1.
4. Криворучко И.С. К вопросу классификации способов образования англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2022. №3 (89).
5. Непшекуева Т. С., Здановская Л.Б. Социально-гендерный коммуникативный конфликт «поклонники против жен гениев» и средства его языковой реализации // Язык. Образование. Культура: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2019.
6. The neverTiree. URL: <https://www.thenevertiree.com/>

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ»
В ПОСЛАНИЯХ АНДРЕЯ КУРБСКОГО ИВАНУ ГРОЗНОМУ**

В статье на материале двух посланий Андрея Курбского Ивану Грозному подробно анализируется лексико-семантическое поле «преступление» и входящие в него лексемы. На основании анализа представляется возможным сделать выводы о языковой картине мира Андрея Курбского.

Ключевые слова: *лексико-семантическое поле, полевой метод, Андрей Курбский, Иван Грозный, преступление.*

Князь Андрей Курбский – фигура неоднозначная. Существуют различные взгляды на его образ: кто-то считает его первым предателем и врагом народа, кто-то, напротив, романтизирует его поступок. Важно отметить то, что оценка личности Курбского практически всегда исходит из контекста эпохи, в котором его, собственно, и оценивают. Эпоха диктует новый взгляд на вещи, особенно касающиеся периода правления Ивана Грозного, как периода особого становления российской государственности. Попытки пересмотреть значимость личности Курбского предпринимаются и по сей день, что объясняет актуальность нашего исследования. Цель исследования – рассмотреть конфликт Курбского и Грозного с точки зрения Курбского с опорой на лексику, использованную князем в переписке с царем. Для работы с лексикой Курбского нами был выбран полевой метод.

Полевой метод является не единственным способом исследования лексики в современном языкознании, но одним из самых эффективных. Данный метод основывается на формировании лексико-семантических полей – групп лексических единиц, объединенных общей семантикой. Существует множество подходов к пониманию полевого метода и множество определений лексико-семантического поля. В нашей работе за основу было взято понимание поля И. А. Стерниним: лексико-семантическое поле «представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями» и «образуется из составных частей – микрополей, число которых должно быть не меньше двух» [2; с. 30]. Также Стернин выделяет ядерные и периферийные конститuenty.

Ночью 30 апреля 1564 г. князь и воевода Андрей Курбский бежал в литовский Вольмар, откуда и отправил царю свое Первое послание. В нем он обвинял царя в неслыханных гонениях против воевод, жестокости и несправедности. Царь ответил своему бывшему союзнику, и таким образом завязалась многолетняя переписка, включающая в себя три послания Курбского и два послания Грозного, что и стало уникальным явлением в публицистике XVI века. Ее особенность состоит не только в том, что в ней сошлись умнейшие и образованнейшие люди своего времени, первые лица государства, но и то, что переписка носила открытый характер: оба ее участника понимали, что их слова останутся в истории, поэтому использовали такую возможность для продвижения своей точки зрения, для убеждения не только своего оппонента, но и стороннего читателя в своей правоте.

Ключевой темой посланий Курбского Грозному является обвинение в преступлениях и, следовательно, оправдание своей политической измены. Преступление как явление характеризуется резко негативным восприятием, преступник, совершая

противоправные деяния, совершает зло, и, поскольку категории добра и зла на Руси XVI в. являлись предметом исключительно религиозного дискурса, попадает в сферу влияния дьявола. Также необходимо учитывать, что преступление совершается против кого-то, то есть, у преступника всегда есть жертва.

В поле Курбского лексема *преступление* не встречается ни в одном из трех посланий ни в каких вариациях, однако этот концепт подразумевается. Курбский перечисляет, в чем Грозный виноват перед богом и перед непосредственно от его рук пострадавшими. Уверенность Курбского в виновности Грозного выдает его предсказание Страшного Суда, на котором, без сомнения, царь будет осужден: *«Не радуйся о сем, аки одолением тощим хваляся; разсеченныя от тебе, у престола господня стояще, отомщения на тя просят, заточенные же и прогнанные от тебе бес правды от земля к богу вопием день и ночь на тя!»* [1; с. 8].

Лексемой, воплощающей в себе концепт преступления в языковой картине мира Курбского по своему лексическому значению и частотности употребления, является лексема *беззаконие*: *«...не усрамился от господа наказания и обличения <...> беззакония ради твоего, еже в Руси никогда же бывали»*. [1; с. 113]. К беззакониям Грозного Курбский относит как несколько абстрактные понятия (*гнузости, злодейства* и вообще *прескверные, непреподобные дела*), так и вполне конкретные (*гонения, лютость, муки, напасти, облыгание, смерть* (в значении «казнь»), *бесчисленные крове*). Очень большую семантическую нагрузку в посланиях Курбского имеют глаголы: *побить* (в зн. «убить»), *зубить, (смертьми) расторгать, пустошить (землю)* и т.д.

Курбский создал два подробнейших портрета – царя и свой собственный, и мастерски противопоставляет их друг другу (эти портреты будут соотноситься с микрополями «портрет преступника» и «портрет жертвы»). Обращаясь к Грозному, Курбский называет его *мучителем, прогубителем, совесть прокаженну имущим*, наделяет его такими качествами, как *непримирительная ненависть, гнев, ярость, лютость, недуги душевные, невоздержание и преизлишняя похоть*. Курбский акцентирует внимание на лексеме *кровь* и производных от нее, таким образом составляя образ жестокого тирана: *кровопийство, кровопийца, кровопролитие, кровопийственный (род)*; *«...святую кровь их во церквах божиих пролиял еси и мученическими кровьюми праги церковные обагрил еси»* [1; с. 7]; *«...могу по истинне реци со дерзновением, в тот ваш издавна кровопивственный род»* [1; с. 109].

Если при описании Грозного Курбский старается избегать слишком жестких обвинений и, следовательно, несдержанной лексики, то при описании царского окружения он прибегает к более резким высказываниям. Окружение Грозного Курбский называет *маньяками, палачами, скоморохами, вселукавыми советниками, кромешниками, паразитами, пагубниками*, творящими волю *дьявола*: *«...бесчисленными и невыразимыми злодействами отличились, которыми вечно губящий нас дьявол издавна совращает род человеческий...»* [1; с. 116]. Интересно использование в данном контексте лексемы *кровоядный*, с помощью которой Курбский не только ввергает царских слуг во что-то животное, нечеловеческое, но и дописывает портрет Грозного, как бы продолжая цепочку лексем с корнем «кровь»: *«кромешников, или опришнинцов, кровоядных, тмы тмами горших...»* [1; с. 116]. Таким образом Курбский целиком демонизирует окружение противника, используя при этом семантически близкие лексемы, при этом затрагивая самого Грозного как бы косвенно, не напрямую, но распределяя его личность на «кровоядных палачей», являющихся его продолжением.

При описании собственной фигуры Курбский использует следующие лексемы: *критьянский предстатель, христианин, презвитер, бедный, убогий, смирившийся,*

оскорбленный, неповинный, (без правды) изгнанный, предобрый, богоугождающий, горести сердечные, очи сердечные и муций, скорби, слезы, в общем, *простой человек*. Курбскому важно показать себя как, во-первых, жертву, безвинно пострадавшую, во-вторых, обосновать свой поступок потребностью защититься, для чего и используется данная лексика.

Вообще для Курбского очень важен образ жертвы несправедливого царя, поэтому бояр, пострадавших от сурового режима, он возносит на невероятную высоту. В первом послании пострадавшие воеводы у него «от бога данные», их пролитая кровь *мученическая*, а в третьем послании он называет их *правоверными* и даже *святыми* мужьями: «...*иже правоверных и святых мужей дьяволом нарицаешь и духом божиим водимых духом бесовским не срамляешь потворяти*». [1; с. 107]. Курбский разграничивает пространство по принципу аналогии: пострадавшие бояре – святые, сам Курбский относится к пострадавшим, но поскольку он «многогрешен и человек простой», не может прямо отнести себя к святым, однако он претендует на то, чтобы встать в один ряд с ними, что приближает его к богу. Этот же метод реализуется Курбским, когда он причисляет себя к группе правоверных христиан: «*А кто христианина правовернаго оклеветует, не того оклеветует, но самаго духа святаго, пребывающаго в нем*» [1; с. 107]. А поскольку Грозный противопоставляется Курбскому, то, следовательно, он находится в оппозиции к богу: «*В каковую пропасть глубочайшую дьявол, супостат наш, самовластие в волю нашу низвлачит и вревает!*» [1; с. 117]. Микрополе «дьявол» у Курбского формируется лексемами *дьявол, всегубитель, злодейство, грех*.

Бог – это энергия блага и добра, и в христианском сознании не возникает вопросов, почему именно им и его заветами необходимо руководствоваться во всех начинаниях. У Курбского оно наполняется лексемами *благодать, душа, мздовоздатель, закон, судья, суд*. Таким образом Курбский демонстрирует христианское понимание божественной сущности в качестве дарителя блага и судьбы. Поскольку мотив Страшного суда является ключевым в христианском понимании справедливости, божественную сущность судьбы Курбский отмечает особо: «*Он есть — Христос мой, сядящ на престоле херувимстем одесную величества в превысоких, — судитель между тобою и мною*» [1; с. 7], «*Бог — сердцам зритель*» [1; с. 8]. По мнению Курбского, когда царь совершает преступление против него, правоверного христианина, он совершает преступление против бога.

Итак, лексико-семантическое поле «преступление» состоит из микрополей «портрет преступника», «собственный портрет», «жертва», «дьявол» и «бог». Конфликт Курбского и Грозного представляется конфликтом добра и зла, причем Курбский стремится привлечь на свою сторону бога в качестве защитника и судьбы, таким образом выявляется соотнесенность Курбского и бога и Грозного и дьявола соответственно.

Библиографический список

1. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. Наука, 1979.
2. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: ВГУ, 1985.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕНСИФИКАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена исследованию феномена лингвистической интерференции, обозначены ее характерные особенности и подходы к трактовке данного понятия. Рассматривается роль английского языка как одного из языков-участников лингвистической интерференции на примере языкового явления «конглиши». Сделан анализ значения сотрудничества между США и Республикой Корея как одного из факторов становления конглиша.

Ключевые слова: лингвистическая интерференция, английский язык, корейский язык, конглиши, США, Республика Корея.

Сейчас никто не удивится, если услышит в речи русскоязычного человека такие слова, как «фрилансер», «репостнуть», «пиар», «фитнес» и другие хотя еще несколько десятилетий назад подобных англицизмов в русском языке не было. Необходимо понимать, что язык как важный социальный фактор развития общества не может отставать от развития самого общества, он постоянно меняется и подстраивается под новые реалии, смешиваясь с другими языками. Подобное «переплетение» языков трактуется языковедами как лингвистическая интерференция.

Интерференция (от лат. *inter* – между и *ferens* – несущий, переносящий) – это сложное языковое явление, которое подразумевает расхождение речи билингва с языковыми нормами родного или второго языка, происходящее независимо от воли говорящего.

Впервые данный термин был использован членами Пражского лингвистического кружка, однако широкое применение получил лишь после публикации в 1953 г. монографии Уриэля Вайнрайха «Языковые контакты».

В своей работе У. Вайнрайх дал следующее определение данному термину: «Лингвистическая (языковая) интерференция – это случаи отклонения от норм, которые происходят в речи билингвов в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» [3, с. 22].

Впоследствии данное понятие было несколько иначе интерпретировано В.В. Виноградовым, выдающимся советским лингвистом. По его мнению, интерференция – это «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка, выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [4, с. 197].

В самом широком смысле интерференция рассматривается языковедами как «все изменения в структуре языка, возникающие вследствие взаимодействия с языком, находящимся с ним в контактной межъязыковой связи» [8, с. 6]. Таким образом, любое влияние одного языка на другой, результатом которого становятся качественные изменения языковых норм, можно классифицировать как интерференцию.

Языковая интерференция – явление универсальное, смешиваться между собой могут как родственные языки (трасянка – смесь русского и белорусского языков; португюль – смесь испанского и португальского языков), так и языки, принадлежащие к

разным языковым семьям (таглиш – смесь английского и тагальского языков). Как правило, один из языков – участников интерференции является более употребительным и распространенным, чем второй. В последнее время подобным «доминантным» языком, активно влияющим на другие языки, стал английский.

Английский язык – самый востребованный для изучения язык, по текущим оценкам занимающий третье место по количеству носителей, уступая лишь китайскому и испанскому языкам [19]. На данный момент более пятидесяти стран мира объявили об официальном статусе английского языка в своих государствах [9]. Некоторые футурологи утверждают, что через сто лет, а возможно и меньше, понятие «языковой барьер» исчезнет совсем, и люди по всему миру станут использовать английский как лингва франка (от итал. *lingua franca* – франкский язык; язык-посредник, функционирующий как средство межнационального или межэтнического общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов [7, с. 267]). Неизвестно, окажутся ли их предсказания верными, однако повышение роли английского языка во всех сферах человеческой деятельности невозможно не заметить.

Популярность английского языка связана не только с относительной простотой и легкостью в его изучении, но и с политикой Соединенных Штатов Америки – государства, подавляющая часть населения которого говорит на английском. США – активный участник международных политических и экономических процессов. Государство является членом-учредителем Организации Объединённых Наций и Североатлантического альянса, постоянным членом Совета Безопасности ООН. В 2022 году совокупный экспорт из США составил 2,06 трлн дол. Многие государства стремятся к сотрудничеству с Соединенными Штатами Америки, а страна, в свою очередь, использует это в собственных интересах.

Со второй половины XX в. государство активно создавало и продолжает создавать притягательный образ американского стиля жизни. По словам Збигнева Бжезинского, советника президента Картера по национальной безопасности, «возглавляемая Америкой коалиция в массе своей воспринимала в качестве положительных многие атрибуты американской политической и социальной культуры <...> Америка широко воспринималась как представитель будущего, как общество, заслуживающее восхищения и достойное подражания» [2, с. 19]. Одной из основных составляющих продвижения социальной культуры стал язык – ведущий инструмент политики «мягкой силы». Программы международного обмена и предоставления образовательных грантов, голливудские фильмы и сериалы, Интернет – все это способствовало распространению английского языка, приданию ему универсальности.

Следствием подобной политики государства стало ускоренное смешение английского языка с другими языками, что привело к формированию новых пиджинов и креольских языков, ранее считавшихся продуктом колониальной эпохи. Конглиш (Ko(rea) + E)nglish = Konglish) – один из ярких примеров такого смешения.

В настоящее время общепринятого определения слова «конглиш» нет, однако существует ряд интерпретаций данного лингвистического явления. Дэвид Кент, профессор корейского университета Вусонг, говорит, что конглиш – это элементы английского языка, включенные в повседневную речь жителей Южной Кореи [12]. Ан Хеджон, южнокорейский лингвист, дает следующее определение термину: «Конглиш – это разновидность английского языка, используемого корейцами» [11, с. 30]. Как правило, под понятием конглиш понимаются все заимствованные из английского языка слова, активно используемые корейцами как в устной, так и в письменной речи.

В конглише можно выделить следующие группы заимствований:

1) прямые заимствования, например: 오케이 [okei] – OK, все в порядке, хорошо; 커피 [keopi] – coffee, «кофе»; 피자 [pija] – pizza, пицца;

2) ложные заимствования (квази-заимствования), например: 헤어 밴드 [heeo baendeu] (hair + band) – head band, лента для волос; 핸드폰 [haendeupon] (hand + phone) – mobile phone, мобильный телефон; 네임 카드 [neim kadeu] (name card) – business card, – визитная карточка;

3) сокращенные заимствования, например: 에어컨 [eikeon] (air + con[ditioner]) – air conditioner, кондиционер; 노트 [noteu] (note) – notebook, тетрадь; 나이트 [naiteu] (night) – night club, ночной клуб;

4) гибридная лексика, например: 몰래 + camera = 몰래카메라 [mollaekamela] – скрытая камера; team +員 = 팀원 [timwon] – член команды; vinyl + 봉투 = 비닐봉투 [binilbongtu] – пластиковый пакет;

5) кальки, например: устойчивое выражение «to wash money», которое на корейском звучит как 돈세탁하다 [donsetaghada] – «отмывать деньги» (букв. «деньги мыть»);

6) фонетически изменившиеся слова, например: visa → 비자 [bija] виза; sport → 스포츠 [seupocheu], спорт [6].

Конглиш – это типичный для лингвистики результат смешения языков. Подобное языковое явление нередко встречается в обществе, где язык, хоть и не является родным, составляет неотъемлемую часть лексического состава родного языка и широко применяется в повседневном общении. Английский язык настолько глубоко проник в корейский, что сегодня англицизмы составляют более 90% заимствованных слов в корейском лексиконе [14].

Английский язык в Корее рассматривается как необходимый фактор для выживания страны в глобализированном мире. Знание английского высоко ценится как важнейший ресурс в экономике, культуре, политике. Английский является вторым по популярности языком после корейского в Республике Корея. В 2022 г. Корея заняла 13 е место среди 41 страны мира по среднему баллу сдачи международного экзамена TOEIC. Средний балл жителей Южной Кореи, сдающих международный экзамен на знание английского языка TOEIC, составил 675 баллов (максимальный результат – 990 баллов) [10].

По мнению большинства исследователей, высокий интерес жителей государства к английскому языку обусловлен тесными политическими, экономическими и культурными контактами двух держав: США и Южной Кореи [5]. Исследователи традиционно рассматривают американо-корейское сближение начиная с периода после Второй мировой войны, однако фактическое проникновение американской культуры в Корею, хоть и завуалированное, началось намного раньше, еще в эпоху японского колониализма. В тот период большое количество иностранных заимствований пришло в корейский язык через японский (например, слово «квартира» (англ. apartment) на японском звучит как アパート «apāto», а в корейском – 아파트 «apateu»).

После освобождения Кореи от японской оккупации в 1945 г. северную часть Корейского полуострова заняли войска СССР, а южную часть – армия США. В тот период самостоятельные государства, такие как КНДР и Республика Корея, ещё не были

сформированы, поэтому СССР и США помогали странам оправиться от последствий войны, восстановить экономику и влиться в систему международных отношений. Именно с этого момента связи между США и образовавшейся впоследствии Республикой Корея становятся более тесными.

Занятие армией США южной части полуострова усилило влияние американцев на данной территории. Стал актуальным вопрос об изучении английского языка, который был необходим для свободного контактирования корейцев и американцев друг с другом. Так, в стране начали открываться первые институты английского языка, позднее – университеты иностранных языков [15]. В период нахождения у власти президента Пак Чон Хи (1963–1979) английский язык был включен в южнокорейскую систему образования. В те времена прослеживалась четкая связь между английским языком и экономическим развитием Кореи. Экономическая политика Пак Чон Хи была направлена на привлечение иностранных инвестиций, увеличение объема экспорта и индустриализацию экономики, а США представлялись для страны важным стратегическим партнером и перспективным рынком сбыта. Английский стал языком предпринимателей и торговцев.

В дальнейшем влияние английского языка только усиливалось. Развитие научно-технического прогресса в США повлекло за собой появление в Корее новых предметов обихода, названия для которых были заимствованы из английского: 컴퓨터 [keompyuteo] – computer, компьютер; 키보드 [kibodeu] – keyboard, клавиатура; 디카 [dika] – digital camera, цифровая камера.

Английский язык стал глубже проникать в сознание корейцев, примеры конглиша можно встретить в газетных заголовках, телевизионных программах и рекламах, вывесках и текстах песен. На данный момент в стране печатается более десяти англоязычных газет [13], среди которых такие известные издания, как The Korean Herald и The Korea Times.

В наши дни владение английским для корейца – не только показатель престижности и элитарности, но и средство расширения возможностей для трудоустройства. Английский язык является профилирующим при сдаче вступительных экзаменов в высшие учебные заведения [17]. Подавляющее большинство крупных фирм организует бесплатные языковые курсы для своих служащих, не говоря о том, что владение английским входит в систему государственного поощрения [18]. Некоторые корейские компании, получившие мировую известность (LG, Samsung), даже объявили английский язык своим официальным рабочим языком [16].

Среди корейских лингвистов постоянно разгораются споры о статусе английского в Республике Корея. Часть исследователей считает, что необходимо сделать английский язык официальным языком Южной Кореи, что не только поможет закрепиться на мировом рынке, где господствует английский язык, но и значительно расширит возможности государства в политической, культурной и образовательной сферах. С подобной позицией согласны далеко не все. Среди языковедов бытует мнение, что конглиш лишь понижает авторитет Южной Кореи на арене международной конкурентоспособности, а его использование на южнокорейских сайтах, на телевидении, в официальной деловой переписке иногда делает корейцев предметом насмешек и недоумений из-за частых ошибок, совершаемых носителями корейского языка.

Безусловно, конглиш обогащает корейскую лексику путем замены описательной единицы одним словом, но одновременно с этим корейский язык испытывает негативное влияние, теряя свою самобытность от чрезмерного количества заимствований. Основная

задача государства на данный момент – сохранить уникальность корейского языка и не допустить его обеднения.

Библиографический список

1. Беликов В.И. Пиджины и креольские языки Океании. Социолингвистический очерк. М., 1998.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев., 1979.
4. Виноградов В.А. Лингва франка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
5. Еретнова Е.А. Влияние английского языка на языки Азии – «Конглиш» // VI всероссийский фестиваль науки. Томск., 2016.
6. Ефремов Е.Е. Конглиш – феномен в современной языковой ситуации в Республике Корея / Российское корееведение. Альманах. М., 2007. Вып. 5
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
8. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвист. проблематика. Ленинград, 1972.
9. Список официальных языков разных стран. URL: <https://web.archive.org/web/20070613004519/https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2098.html>
10. Средний балл корейцев по TOEIC в 2022 году. URL: <https://newsrebeat.com/world-news/166768.html>
11. Ahn H. Attitudes to World Englishes: Implications for Teaching English in South Korea. UK, 2017. P. 30–33.
12. David K. Speaking in Tongues: Chinglish, Japlish and Konglish. URL: https://www.academia.edu/28273808/Speaking_in_Tongues_Chinglish_Japlish_and_Konglish
13. Hadikin G. Korean English: A corpus-driven study of a new English. Amsterdam, 2014.
14. Kiaer J. The Routledge Course ni Korean Translation. UK, 2018.
15. Moon W. 해방이후 현대 영어교육 형성기 영어교과서 연구: 교수요목기와 제1차 교육과정기를 중심으로. – Сеул: 국제영어대학원대학교, 2005.
16. Paik K. The English language in Korea: its history and vision. URL: https://www.researchgate.net/publication/325470300_The_English_language_in_Korea_its_history_and_vision
17. Shim Rosa J. Nativization of English loanwords in Korea and Englishization of Korea, USA, 1988.
18. Shin H. English Language Teaching in Korea. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-0-387-46301-8_
19. Summary by language size. URL: <https://web.archive.org/web/20190228122335/http://www.ethnologue.com/statistics/size>

ТЕОРИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЗОН В ТОПОНИМИЧЕСКИХ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В работе представлен экскурс в некоторые проблемы топонимических и этимологических исследований на основе идей А.С. Герда, который предлагал исследование какого-либо региона как ареальное единство, выделяемое по данным археологии, антропологии, этнографии, лингвистики и т.п. В статье приводятся примеры этимологического почтения некоторых топонимов и связанных с ними апеллятивов.

Ключевые слова: *историко-культурная зона, этимология, топоним, трансформация, диалект.*

В настоящее время предпринимаются попытки исследования ряда проблем путем интеграционного взаимодействия гуманитарных наук. Так, например, имеются работы ученых-археологов, этнологов, антропологов, экологов и других специалистов, посвященные изучению проблем интеграции археологических и этнографических исследований по большому кругу историографии, археологии, этнографии [2]. В выдвинутой А. С. Гердом теории историко-культурных зон на научной основе предлагалось осуществлять исследование какого-либо региона как ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, истории, геологии, географии, а также ряда других дисциплин (фольклористики, этномузыковедения). Историко-культурная зона обычно складывается постепенно, на определенной территории, в условиях конкретного климата и ландшафта и нередко определяются физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи [9, с. 8]. Отмечается, что каждая историко-культурная зона является обычно итогом смешения (языков, культур, традиций и т.п.), а каждое смешение порождает свой тип культуры. Довольно часто этот новый тип продолжает развиваться в тех же границах как свой особый тип смешения и интерференции. Представляется вполне справедливым заключение, что диалекты дописьменной эпохи могут быть выделены и хронологически расчленены только при условии предварительной экспликации древнейших историко-культурных зон [9, с. 9]. Причем крайне важен не атомарный, а общий подход к формированию населения в какой-либо историко-культурной зоне, где, в частности, выделяются разные этапы анализа исторических процессов, таких как история ее границ, формирование ареала, населения этих зон, что рассматривается как демогенез. Причем выделяется формирование отдельных этносов как в границах, так и за пределами выделенных зон, определяемое как этногенез. Этногенез и непрерывную этническую историю конкретного этноса можно понять только на фоне общих процессов демогенеза путем выявления тенденций и закономерностей развития населения в том или ином ареале в русле формирования историко-культурных зон [9, с. 11].

Таким образом, внимание к крайне важной региональной составляющей любого гуманитарного знания, может служить важным основанием при исследовании как апеллятивов, так и ономастических данных, поскольку нередко региональная составляющая топонима определяет его происхождение, особенно, когда речь идет о

данных, зафиксированных в контактных зонах. Следует отметить, что в такого рода зонах обычно представлены разнородные языковые пласты, различной хронологии, причем топонимия представляет более древний хронологический срез, чем апеллятивная лексика. В этом случае исследование неисконных апеллятивных и топонимических данных происходит на разных методических установках лингвистического анализа. Так, например, при рассмотрении неисконного апеллятива основной задачей является приведение его к совершенно конкретному этиму, который отвечает заданным параметрам этимологизирования. Обычно проведение этимологического сопоставительного анализа опирается на данные языка-донора, которые имеют научное описание. При анализе субстратных апеллятивных материалов в языке-реципиенте в большинстве случаев реконструируемые типы лексем гипотетического, не существующего ныне языка-донора можно верифицировать данными родственных языков, тогда как исследование неисконных топонимов заключается в том, что первое направление представляет собой лингвистическую дисциплину, в которой поиск источника слова является конечной задачей; а второе – при лингвистической доминанте и всегда требует добавления фактов истории и географии. Довольно часто материалы топонимии рассматриваются как основные при вспомогательных диалектных апеллятивных заимствованиях, хотя уровень достоверности этимологии апеллятивов значительно выше по сравнению с анализом топонимических данных.

Однако вполне возможно неверное прочтение происхождения топонима, гидронима и т.п., без учета данных апеллятивной лексики. Так, например, название реки, зафиксированное в Подпорожском районе Ленинградской области, - **Веранда** 'река' Подпорож. (Юксовичи), при сходных единицах на этой же территории **Верандозеро**, **Верандручей** [7, с. 2], следует сопоставлять с **вера'нда** 'куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания' Медвежьегор. (Шильтя, Великая Нива, Вырозеро, Палтега, Фомино, Толвуя, Шуньгский Бор, Тязвизя, Падмо-зеро, Ольфимово), Пудож. (Римское, Песчаное), Кондоп. (Гангозеро, Лижма), Прионеж. (Суйсарь) Карел.; Подпорож. Ленингр. (Юксовичи) [6]. Причем следует учитывать, что могут фиксироваться данные с трансформационными изменениями, которые могут быть обусловлены своеобразием локальной диалектной фонетической системы: **Выра'нда** 'куча хвороста, приготовленная для сжигания' Олон.; 'большая куча веток, сучьев и т.п., предназначенная для сжигания на месте, очищенном от леса под пашню' Няндом. Арх. **Вы'рында** 'выжженое место в лесу' Каргоп. Олон. **Ва'ранда** 'груда поваленных деревьев' Пудож. Карел. **Вора'нда** 'большая куча сучьев, обрубленных с поваленных деревьев, предназначенная для сжигания' Няндом. Арх. **Бора'нда** 'куча хвороста, предназначенная для сжигания' Няндом. Арх. **Вира'ш** 'куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания' Плесец. Арх. **Быра'нда** 'место, которое выжигают в лесу, для посева льна, конопли' Каргоп. Арх. [8, с. 128]. Причем в данном случае и апеллятивы, и топонимы восходят к прибалтийско-финским источникам, ср.: люд. *verand* 'куча хвороста на поле', при вепс. *verand* 'костер при сжигании подсеки', входящее в гнездо вепс. *viritada* 'зажигать, разжигать', *vir'itez* 'растопка' [14, с. 87; 7, с. 635–636].

Кроме того, весьма актуально для детального этимологического анализа проследить начало процесса, перехода апеллятива в разряд микротопонима и далее в полноценную ономастическую единицу. При этом крайне важно сопоставление ареалов субстратных апеллятивов, смешанных языковых зон и топонимических ареалов. Однако в ряде случаев не вполне понятно, идет ли речь об апеллятиве или ономастической единице, например: **Ви'да** 'урочище, место с частым еловым лесом, покос, расположенный в еловом лесу' Онеж., Шенк. Арх. **Ви'ды** 'поле' Вытегор. Волог. [14, с.

131]; при сопоставлении этих данных с кар. *viida* 'густой ельник на сыром месте; высокий сосняк или березняк' [14, с. 131].

В ряде случаев, исходя из контактных языковых параметров историко-культурной зоны, через семантическую реконструкцию апеллятива возможно выдвижение верифицированной этимологической версии. Например, не вполне понятно, на какой основе рассматривать единицу **Куленик** 'название низкого озерного островка, заливаемого весной' Каргоп. Арх. [12: 16, с. 59]. Но, рассматривая этот оним в общерегиональном контексте, можно предположить его связь с апеллятивом **ку'ла** 'прошлогодня некошенная трава' Пудож. (Гакукса, Бураково, Авдеево, Колгостров, Каршево, Римское, Куганаволок), Медвежьегор. (Челмужи) Карел., Каргопол. (Нокола, Лекшмозеро, Троица, Тихманьга), Плесецк. (Пекшлахта) Волог., Вашк. (Новец, Ухтома, Екимово, Пиксимова), Харов. (Азла) Волог. [4]. Я. Калима предлагает карельско-ливвиковскую этимологию: кар. *kulo*, ливв. *kulo* 'прошлогодня трава' [12, с. 140]. Ср. также новые данные: ливв. *kulo* 'прошлогодня трава на корню' [9, с. 163], вепс. *kulo* 'прошлогодня трава' [3, 244], кар. твер. *kulu* 'сухая прошлогодня трава' [10, с. 121], кар. сев. *kulo* 'о сожженной солнцем, оставшейся нескошенной или слишком поздно скошенной траве' [15: 2, с. 426, 427].

Обычно апеллятив можно рассматривать как опору при этимологическом прочтении топонима, поскольку они функционируют и фиксируются только в одной зоне, редко выходя за ее пределы. Так, например, единицы **ке'рас**, **ке'рос** 'возвышенность, поросшая лесом' Усть-Цилем. Арх., 1951 [12: 13, с. 183], при том, что единица **Керас** отмечается в качестве 9 названий урочищ и населенных пунктов в юго-восточной части Архангельской области [5, с. 30]. Данный материал восходит к коми данным, ср. коми *керѳс*, *керес* 'возвышенность, гора, иногда покрытая лесом' [13, с. 153].

Таким образом, рассмотрение регионального лексикона наряду с ономастическими исследованиями с целью выявления субстратных слоев, современных межъязыковых, внутриязыковых связей, в частности в диахронии, может представлять собой целый исследовательский комплекс, направленный на конструирование историко-культурной, в том числе языковой картины региона. А.С. Герд рассматривал такого рода работу в рамках регионального этимологического словаря, который был реализован в ряде выпусков [1]. На наш взгляд, остается бесспорной идея А.С. Герда, что несмотря на определенную асистемность лексики, именно она представляет собой бесконечно богатый источник для проблемно ориентированных историко-диалектологических и этногенетических построений [4, с. 148].

Библиографический список

1. Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. 1995; 1999; 2008; 2009. Вып. 6–10.
2. Демин М. А. Использование данных археологии, этнографии и топонимики в трудах А. П. Уманского по истории телеутов // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. / гл. ред. Н. А. Томилов. Барнаул; Омск, 2015.
3. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
4. К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья // Севернорусские говоры: межвуз. сб. Вып. 5. Л., 1989.
5. Матвеев А.К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. Т. IV, № 1.
6. Материалы, зафиксированные автором в ходе экспедиционной работы.

7. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб., 1997.
8. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.
9. Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001.
10. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект), сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск. 1990.
11. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
12. Словарь русских народных говоров. М., Л., СПб., 1965–2021. Т. 1–52.
13. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
14. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
15. Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU. Vol. XVI, № 1–5. Helsinki, 1968–1997.

Сокращения языков и диалектов

вепс. — вепсский язык,

кар. — карельский язык,

кар. твер. — тверской диалект карельского языка,

ливв. — ливвиковский диалект карельского языка,

люд. — людиковский диалект карельского языка.

А.А. Немыка, Е.М. Ахмадсафина
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОНЯТИЙНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ЭРГОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ)

В данной статье рассматриваются когнитивные аспекты современной эргонимии, эффективность понятийной составляющей названий образовательных онлайн-платформ, анализируется выбор лексических единиц, используемых для их наименования, и соответствие эргонима сути определяемого контента.

Ключевые слова: эргонимия, коммерческое наименование, онлайн-платформа, словообразование, эргоним.

Коммерческие наименования – это особый пласт лексики, апеллирующий к когнитивным аспектам языковой личности [3]. Для того чтобы название считалось удачным, оно должно быть не только привлекательным, но и понятным адресату. Успешность понятийной составляющей обеспечивается путём использования знакомых носителю языка лексем, а также соответствия этих лексических единиц сути определяемого контента. Как правило, наименования, вызывающие ассоциации в языковом сознании, являются наиболее коммерчески успешными [2].

Анализируя наименования популярных платформ онлайн-образования, необходимо описать лексические единицы, входящие в состав эргонимов, и их связь с

определяемым контентом. Для анализа было выбрано 10 названий российских образовательных онлайн-платформ на английском и русском языках, которые признаны самыми популярными среди россиян в 2022 году (по версии сайта Brand Analytics): Skillbox, GetCourse, «Инфоурок», Skyeng, «Учи.ру», «Нетология», «Фоксфорд», GeekBrains, Skysmart, «Яндекс.Практикум». [4] На данных платформах представлены обучающие программы: курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации, вебинары, репетиторские занятия с преподавателем и в группе и т.д.

Skillbox. На данном ресурсе представлены образовательные курсы и вебинары по различным направлениям: психология, программирование, искусство, дизайн, английский язык и т.д. Название образовательной платформы указано на английском языке. Перевод названия – *коробка навыков*, что отражает деятельность платформы – возможность получить образование в разных областях.

GetCourse. Платформа предназначена для создания курсов, онлайн-школ, проведения вебинаров. Название указано на английском языке, образовано с помощью сложения слов Get и Course с выделением согласного на стыке прописной буквой. Перевод – *получить курс*. Данное название отражает деятельность платформы: возможность создания и просмотра онлайн-курсов.

«Инфоурок». На данной платформе приведены рабочие материалы для разных сфер деятельности, курсы повышения квалификации и профессиональной подготовки. Название образовано сложением русских слов: информация и урок. Согласно «Толковому словарю» Т.Ф. Ефремовой первые два значения слова *урок* связаны с учебной деятельностью: «учебная работа, задание, которые даются учащемуся для подготовки к следующему занятию», «учебный час или иной промежуток времени, установленный для проведения учебного занятия» [1], поэтому название платформы скорее вызывает ассоциации с деятельностью педагога, учителя, репетитора, что не вполне отражает сферу деятельности сайта.

Skyeng. Школа изучения английского языка. Согласно данным интернет-журнала Skyeng magazine, слово образовано сложением sky (от Skype – платформа для видеозвонков) и eng (от English – английский). Также слово sky переводится как *небо*, что, согласно мнению основателей, отражает стремление к высокому уровню знаний. Таким образом, название школы довольно точно отражает сферу деятельности компании.

«Учи.ру». Платформа предлагает занятия с учениками 1-11 классов, подготовке к ОГЭ, ЕГЭ, курсы по внешкольным предметам. Название на русском языке и представляет собой кальку названия сайтов: *учи* (глагол в повелительном наклонении) и *.ру* (транслитерация домена ru). Таким образом, название отражает специфику образовательной деятельности платформы и онлайн-формат работы.

«Нетология». На платформе представлены образовательные курсы по разным профессиональным направлениям. Название образовано сложением с помощью соединительной гласной о: часть *нет* (сокращение от *интернет*) и *логия* (от др.-греч. λόγος – наука) – по аналогии с названием наук (биология, геология и др.). Название даёт четкое понимание того, что деятельность платформы – предоставление услуг интернет-образования.

«Фоксфорд». Платформа предлагает занятия по всем предметам для учеников 1-11 классов и курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации для учителей. В названии используются сложение, транслитерация и каламбур: «Фоксфорд» созвучно с названием университета «Оксфорд», однако в название добавляется начальная буква ф. Первая часть названия – отсылка к слову *фокс* (англ. fox – лиса,

является логотипом компании). Номинация частично определяет вид деятельности образовательной платформы и гармонично дополняет концепцию наименования.

GeekBrains. Платформа предлагает обучение по восьми интернет-профессиям, а также программы обучения для школьников. Название на английском языке, образовано сложением слов *geek* (англ. – технарь, фанат, в узусе употребляется в значении «чрезвычайно увлечённый чем-либо», раньше использовалось преимущественно по отношению к людям, увлечённым высокими технологиями) и *brains* (англ. – мозг, интеллект) с использованием прописной буквы на стыке. Название отражает профиль работы платформы: интернет-образование, получение интернет-профессий.

Skysmart. Предназначена для работы с учениками 1-11 классов по школьным предметам, подготовке к ОГЭ, ЕГЭ. Название на английском языке. Первая часть *sky* является отсылкой к названию *Skyeng*, вторая часть – *smart* (англ. – умный, интеллектуальный). Наименование будет наиболее понятно людям, которые уже знакомы с платформой *Skyeng*.

«Яндекс.Практикум». На платформе представлены курсы, направленные на получение интернет-профессий, а также курсы английского языка. Название образовано по модели, характерной для всех сервисов «Яндекса»: к слову *яндекс* через точку присоединяется слово *практикум*. Слово *практикум* в названии, вероятно, означает практическую направленность образовательных курсов, возможность быстрого получения новой профессии.

Таким образом, прагматическую составляющую эргонимов – названий популярных образовательных онлайн-платформ можно считать достаточно эффективной. Как в англоязычных, так и в русскоязычных названиях основатели ресурсов прибегают к лексике, которая в сознании носителя выстраивает ассоциацию с образовательной средой. Однако не во всех случаях коммерческое имя в полной мере отражает содержание и направленность курсов интернет-платформы.

Библиографический список

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
2. Перефильева Н.В., Новоспасская Н.В., Лазарева О.В. Эффективность коммерческого имени // Вопросы психолингвистики. – №4. М., 2021.
3. Прокудина О.А. Коммерческие именованя как фактор социально-культурной коммуникации // Научная мысль Кавказа. – №4. Ростов-на-Дону, 2013.
4. Топ-20 российских образовательных онлайн-платформ, 2022. «Внеклассные уроки». URL: <https://br-analytics.ru/blog/top-20-education-2021-2022/>

И.Н. Пономаренко, Д.А. Арсенова
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «КРАСНОЕ / БЕЛОЕ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена анализу реализации лингвистической оппозиции «красное / белое» в русской фразеологии. Цель статьи – продемонстрировать, как при вербализации бинарная пара представлена в различных фразеологизмах. Предметом

исследования являются специфика семантики, ассоциативный ряд и социокультурная значимость устойчивых единиц.

Ключевые слова: *фразеология, лингвистическая оппозиция, цветовая лексика, «красное / белое», исторические ассоциации, современная коммуникация.*

Известно, что лингвистические оппозиции маркированы на сверхтекстовом уровне и, следовательно, соотносятся с системой ценностей в русской языковой картине мира, во многом определяя значения и коннотативные приращения новых языковых единиц и формируя образы массовой культуры. Анализ подобных единиц позволяет раскрыть многообразие семантических оттенков и коннотаций, присущих вербализации оппозиций.

Одна из значимых для русской культуры оппозиций – «красное / белое», имеющая не только лингвистическую, но и социокультурную значимость. Современная коммуникация и массовая культура активно используют лингвистические средства для формирования образов. Оппозиция «красное / белое» оказывает влияние на создание эффектных и запоминающихся выражений, а также помогает передать сложные концепции и эмоции. В массовой культуре данная оппозиция может быть использована для усиления символического значения и многозначности образов [1, с. 71].

Отражая актуальные этические ценности, базовые для отечественной культуры, вербальная реализация находит отражение в русском фразеологическом фонде. Фразеологический корпус языка – особенно богатый материал для исследований гуманитарного цикла в рамках антропоцентрической парадигмы, поскольку именно во фразеологии «концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры. Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [3, с.9].

Противопоставление «красное / белое» в русской фразеологии реализуется, например, в следующих фразеологизмах: «как красное платье на снегу» и «как белый на черном». Они демонстрируют эту оппозицию в контексте ярких контрастов. Эти фразы выражают явное противопоставление и используются для описания несоответствия, выбивающегося на фоне общей картины [2, с. 4].

Красный цвет, например, часто ассоциируется с яркостью, страстью и эмоциональной насыщенностью. Фразеологические образы, такие как «красная тревога» (предвещает чрезвычайную ситуацию), «красные глаза» (следы недосыпания или слез), «красный флаг» (символ опасности) и др., разнообразны и глубоко семантически насыщены. Однако «красный» может также символизировать красоту и естественную привлекательность, как в случае с фразеологизмами «красная девушка» (о привлекательной особе) или «красные губы» (символ сексуальности).

В русской фразеологии белый цвет часто ассоциируется с чистотой, добротой и невинностью. Например, выражение «белая душа» символизирует непорочные намерения и доброту. Другой пример – устойчивая единица «белая магия», которая выражает позитивную, «полезную» сторону магии.

Один из наиболее распространенных семантических вариантов оппозиции «красное / белое» – это противопоставление жизни и смерти. Красный цвет часто ассоциируется с жизнью, радостью, праздником, а белый цвет – со смертью, трауром, печалью: «белый саван», «белый как покойник», «видал в гробу в белых тапочках» и др.

Но при этом белый цвет может иметь и диаметрально противоположное значение в выражении «белый свет» (тут видим значение позитивное, так как «белый свет» – это сама жизнь). Фразеологизм «красный день календаря» означает «праздник», «знаменательное событие», а фразеологизм «белое платье невесты» – «чистоту, невинность».

Другой семантический вариант оппозиции «красное / белое» – это противопоставление добра и зла. Красный цвет часто ассоциируется с добром, счастьем, удачей и процветанием, а белый цвет – с несчастьем, неудачей. Например, фразеологизм «белая ворона» означает «необычный человек, выделяющийся из общей массы». Во фразеологическом словаре А. И. Фёдорова находим выражение «красные дни», что означает время удач, хорошей жизни. Но с красным цветом всё не так однозначно, потому что, например, выражение «пустить красного петуха» означает «совершить поджог», что имеет, конечно, негативную окраску.

Оппозиция «красное / белое» также может использоваться для выражения различных эмоциональных состояний. Реализация лингвистической оппозиции «красное / белое» напрямую зависит от социокультурного контекста. В истории России «красное» стало символом революции и социальных изменений («красная революция», «красный террор»), тогда как «белое» – символом антибольшевистского движения («белая кость», «белое движение», «белая армия»). Нельзя также обойти вниманием символические значения в контексте религиозного мировоззрения и национальной идентичности. «Белый крест» может указывать на православное наследие, тогда как «красная звезда» ассоциируется с советской идеологией. Эти исторические коннотации влияют на толкование и восприятие фразеологических оборотов [3, с. 510].

Оппозиция «красное / белое» – одна из наиболее продуктивных базовых оппозиций в русской фразеологии. Она реализует выражение различных семантических значений, связанных с жизнью и смертью, добром и злом, может использоваться для выражения различных эмоциональных состояний и чувств. Фразеологизмы с включением колоризмов красное и белое имеют для русской культуры социально-политическую значимость.

Анализ реализации лингвистической оппозиции «красное / белое» в русской фразеологии подчеркивает ее значимость как средства формирования смысла и коннотаций. Семантические, символические, культурные и исторические аспекты данной оппозиции демонстрируют глубину, точность и потенциал русского языка, а влияние вербализованных форм на современную коммуникацию и массовую культуру делает ее актуальной темой для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Блохина А. А. Русские фразеологизмы с колоризмами «красный», «белый», «черный» в текстах СМИ // Язык и текст. 2019. Т. 6, № 4.
2. Кулешова А. В. Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
4. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М., 2008.
5. Ярмадова М. А. Фразеологизмы с компонентом цвет одна из категорий познания мира // Academic research in educational sciences. 2022. Т. 3, № 3.

СИСТЕМНОСТЬ И КОНСЕРВАТИВНОСТЬ АФФИКСАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КВЕБЕКСКОГО ВАРИАНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА XIX В.

Дериватема занимает промежуточное положение между граммемой и лексемой и позволяет рассматривать аффиксальную подсистему языка как важнейший амальгамированный языковой «узел», соединяющий грамматический и лексический ярусы языка, семантику и грамматику.

Ключевые слова: *аффиксальные средства языка, инновационность/консервативность, системность, квебекский вариант французского языка.*

Аффиксальное словообразование выступает одним из ведущих способов пополнения лексического состава любого языка, в котором имеются аффиксы. Это относится и к французскому языку, в котором, по словам Н.А. Катагощиной, аффиксация является ведущим способом словообразования на протяжении всей истории его развития [Катагощина, 2006]. Под аффиксом вслед за Г.С. Чинчлей будем понимать компоненты словообразовательной модели, предшествующие или следующие за производящей основой и придающие ей семантические и грамматические признаки [Чинчлей, 1991: 76].

Основой аффиксального словообразования является словообразовательная модель – цепочка оппозиций, представленная более или менее длинным рядом слов. При этом необходимо учесть, что не все цепочки оппозиций и словесных корреляций обладают одинаковой регулярностью воспроизводимости и типичностью [Степанов, 1975:152–153], что позволяет различать продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели. Под продуктивными моделями будем понимать словообразовательные оппозиции, в которых смысловые отношения между производным и исходным словами регулярно воспроизводятся [Степанов, 1975:155].

Многие отечественные лингвисты, говоря о степени связности аффикса и корня, отмечают, что широко принятая в лексикологии оппозиция «связанных» и «несвязанных» аффиксов не имеет большой объяснительной силы, так как любой аффикс не может быть использован абсолютно самостоятельно [Виноградов, 1975] и уже по определению связан с каким-либо корнем [Плунгян, 2003:51], поэтому точнее говорить о постоянном и градуальном характере этой связи [Мельчук, 1997:298–307].

Исследуемый корпус примеров свидетельствует о том, что в квебекском разговорном XIX – начала XX в., как и в старо- и среднефранцузский периоды, нет ограничений в сочетании основ и словообразовательных аффиксов, которые имеются в современном ФЯ – одна и та же основа может соединяться с разнообразными суффиксами и образовывать ряд синонимов, не сохранившихся в дальнейшем во ФЯ Франции. Таковы, например, приводимые в Глоссарии 1930 г. [Glossaire, 1930] ЛЕ, образующие указанные далее синонимичные ряды¹.

Achalement, achalenterie, achalage (=fatigue, ennui, embarras).

¹ Приводимые далее ЛЕ и их значения соответствуют графической форме и значениям, регистрируемым в Глоссарии 1930 г.

Accrochoir, accrochois, accrochouère, accrochat (=crochet, portemanteau, ganse à un habit pour l'accrocher).

Balancigne, balancine, balancille, balancignouère, balançoué (balançoire).

Couillonnade, couillonnage, couillonnerie (= lâcheté, trahison).

Е.А. Реферовская указывает на причину этого языкового феномена – пристрастие ФЯ в XV–XVI вв. к суффиксальному образованию, особенно к суффиксам, выражающим абстрактные понятия [Реферовская, 2007]. Эта тенденция в литературном языке XVII–XVIII вв. устраняется, однако во французских говорах, диалектах и общем просторечном регистре высокая продуктивность суффиксального словообразования сохраняется [Разумова, 2010, 2012].

Рассмотрим подробнее, каким образом реализуются данные положения в аффиксальной системе квебекского варианта французского языка в конце XIX – начала XX в. на примере суффикса **-able**. Основным источником для примеров служит словарь Глоссария 1930 г. [Glossaire, 1930], а также учебник Т. Магира XIX в. [Разумова, 2011].

Суффикс **-able** (<лат. -abilem) используется преимущественно для образования прилагательных, имеющих оценочное значение: aimable, allable, défaisable, impensable, inchangeable, imbûchable, infatigable (=infatigable), marchandable, jobbable (=qu'on peut entreprendre à forfait) многие другие.

Ф. Брюно отмечает, что данный суффикс в современном ФЯ образует преимущественно прилагательные с пассивным значением, хотя ранее выражал активное качество. Уточнение общего оценочного значения, передаваемого суффиксом **-able** в квебекском разговорном, возможно при помощи следующих грамматических конструкций:

- 1) qui peut être+participe passé, имеющей *пассивное, страдательное* значение: contrôlable (susceptible d'être dirigé), mangeable, collable, admettable, criticable, lisible, battable;
- 2) où l'on peut +infinitif, имеющей *локативное* значение: accostable, habitable, allable, navigable, descendable;
- 3) qui peut+infinitif, выступающей как *активная* оценочная конструкция; прилагательные с этим оттенком оценки немногочисленны: conduisible (qu'on peut conduire, gouverner), damageable (dommageable=qui peut provoquer des dommages), fiable (qui peut faire confiance), convenable (qui agréée, qui ne déplaît pas).

Одним из важнейших свойств суффикса **-able**, обнаруживаемым в квебекском разговорном, является его *ограниченная семантическая сочетаемость* – суффикс **-able** используется преимущественно в ЛЕ с *отрицательным значением или в негативных конструкциях*.

Так, к группе ЛЕ с отрицательным значением относится большое количество ЛЕ, образованных при помощи отрицательных префиксов **im-, in-, dé-**: imbaisable, imbalayable, imbarable, imbouchable, imbranlable, imbûvable, impassable, impirissable (=impérissable), incarculable (=incalculable), inchargeable (=qu'on ne peut pas mettre dans une voiture pour transporter), incompernable (=incompréhensible), indévirable (=trop étroit, où l'on ne peut tourner), défaisable и др.

Помимо дериватов с негативным значением, образованных при помощи отрицательных суффиксов **im-, in-, dé-**, суффикс **-able** используется в ЛЕ с отрицательной семантикой: sacrable (=détestable), coupable, effrayable (effroyable), abominable.

Наконец, такие лексические единицы, как accostable, allable, argardable (=regardable), battable (=qui peut être surpassé), boivable (=buvable) и др., используются только в отрицательных конструкциях, о чем свидетельствуют помета «s'emploie surtout avec la négation» [(Glossaire, 1930)].

Приведенные данные с очевидностью свидетельствуют о выраженной тенденции использования ЛЕ с суффиксом **-able** в отрицательном значении или конструкциях. Отрицательные значения и контексты употребления, вместе взятые, образуют 83,4 % всех случаев, зарегистрированных в Глоссарии 1930 г. Количество ЛЕ с суффиксом **-able** без ограничительных помет на сочетаемость значительно ниже и составляет 15,5 %.

Анализ приведенных цифровых данных позволяет сформулировать основные выводы.

Во-первых, суффикс **-able** широко представлен в группах ЛЕ, импортированных из Франции и помечаемых пометами *dial.*, *vx fr.*, *fr. pop* [Разумова, 2010]. Вместе они составляют 46 ЛЕ, или 39,1 % от общего числа ЛЕ с рассматриваемым суффиксом.

Во-вторых, суффикс **-able** на американском континенте обнаруживает довольно низкую продуктивность. Согласно пометам Глоссария 1930 г., только 3 ЛЕ (2,6 %) с данным суффиксом образованы в Канаде: **infandable** (*qu'on ne peut pas fender avec la hache*), **reprenable** (*qu'on peut reprendre*), **reprisable** (*qu'on peut repriser*). В группе ЛЕ *со смешанными пометами* помета *can.* встречается совместно с пометой *dial.* и используется при втором (третьем) значении следующих ЛЕ: **argardable**, **battable** (1) *qui peut être surpassé*, (2) *S'emploie surtout avec la négation*), **servable** (1) *utile, qui peut servir*, (2) *facile à servir* (3) *presentable*), **valable** (1) *solvable*, (2) *Volable = solvable*). Следует заметить, что в ЛЕ **argardable**, **battable**, **servable** привносимый канадский компонент значения вновь отсылает к отрицательным контекстам употребления этих ЛЕ, усвоенных из диалектов Франции. Для ЛЕ **valable** речь идет лишь о развитии на территории Канады его фонетического варианта *volable*.

Итак, продуктивность суффикса **-able** в квебекском разговорном весьма незначительна. Образуемые ЛЕ или новые значения слов в основном продолжают отражать по аналогии с имеющимися ранее диалектными и старофранцузскими словообразовательными образцами семантическое ограничение ЛЕ с данным суффиксом, используемым преимущественно в ЛЕ с отрицательным значением или отрицательных контекстах. Именно сохранение этого системного семантического ограничения, старофранцузской отрицательной маркированности, представляется нам важнейшим семантическим свойством суффикса **-able** в квебекском варианте французского языка в конце XIX – начале XX в. Наличие большого количества французских диалектизмов с отрицательным значением свидетельствует о том, что и на территории Франции в старофранцузский период и ранее данный суффикс также использовался в ЛЕ с отрицательным значением. Впоследствии на территории Франции суффикс **-able** утрачивает данное системное семантическое ограничение и становится продуктивным для выражения не только отрицательных, но и положительных качеств предметов. Канада, как следует из проведенного анализа, заимствовала ЛЕ, сохранившие и сохраняющие впоследствии первоначальную отрицательную семантику, т. е. ЛЕ, не освободившиеся от первоначальной семантической маркированности. Таким образом, длительное сохранение системных свойств словообразовательной модели суффикса **-able** на территории Канады и их последующая утрата на территории Франции свидетельствуют о частотной ситуации в области аффиксальных средств: функционирование исключительно в рамках системы способно существенно ограничить функциональность конкретной словообразовательной модели.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: избр. тр. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1975.
2. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М. 1997. Т. 1.

3. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. М., 2006.
4. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка. М., 1976.
5. Плузган В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
6. Разумова Л.В. Квебекская лексикографическая традиция XVIII–XIX веков // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2 (43).
7. Разумова Л.В. Отражение узуса квебекского варианта французского языка первой половины XIX века в работе аббата Т. Магира // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28).
8. Разумова Л.В. Куда уходят французские диалекты? // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23).
9. Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. 2-е изд. испр. М.: 2007.
10. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
11. Чинчлей Г.С. Очерки по деривации в современном французском языке. Кишинев, 1991.
12. Glossaire du parler français au Canada. Société du parler français au Canada (SPFC). Québec: 1930.

Е.А. Сокур
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГРУППЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлен структурно-семантический анализ соматических фразеологизмов, рассматривается специфика их семантической структуры. Также описаны особенности реализации в данном классе единиц системных семантических отношений и отмечены наиболее характерные.

Ключевые слова: *фразеологизм, семантика фразеологизма, соматическая лексика, системные отношения.*

В современной науке о языке сложилось понимание термина «фразеология» в узком и широком смысле. В узком смысле во фразеологию включаются только собственно фразеологизмы (Ш. Балли, В.В. Виноградов, М.И. Фомина и др.). В широком смысле к фразеологии помимо собственно фразеологизмов относят пословицы, поговорки, крылатые слова. Указанное понимание фразеологической единицы представлено в трудах Н.М. Шанского [4, с. 39], предложившего называть такие единицы фразеологическими выражениями, а также в работах П.А. Леканта и других ученых. В данной статье, вслед за В.В. Виноградовым [1] и другими, фразеология понимается в узком смысле, т. е. объектом исследования является собственно фразеологизм – языковая единица, обладающая следующими признаками: воспроизводимостью, слитностью значения при раздельнооформленности компонентного состава и устойчивостью [1, с. 57].

Фразеологический фонд современного русского языка имеет обширный класс соматических единиц – фразеологизмов, содержащих в своем составе названия частей тела человека: *голова, тело, рука, нога, шея, грудь, плечо, живот, спина*. Отбор материала обусловлен семным составом ядра лексико-семантической группы.

Названные компоненты фразеологизма – названия частей человеческого тела – будучи неодушевленными существительными, нередко выступают в роли наименования человека по определенному признаку. При вхождении в состав фразеологического оборота компонент «часть тела человека», как правило, теряет ядерные семы. При этом происходит актуализация других, зачастую потенциальных сем, входящих в семантическую структуру значения. Эти семы и отражают наиболее характерные, с точки зрения национальной культуры, качества человека: особенности характера, эмоциональное состояние, социальные отношения и т.п. Наиболее активны в этом плане, как показал проведенный анализ, такие лексемы, как *голова, рука и нога*, входящие в состав фразеологических единиц, имеющих преимущественно значение качественной оценки характера человека, его способностей, образа жизни, манеры поведения и особенностей социальных отношений.

Таким образом, для рассматриваемых фразеологических единиц (далее – ФЕ) характерным свойством считается зависимость индивидуального значения устойчивого выражения от значения компонента – названия части тела, т. е. при образовании фразеологизма название части тела актуализирует отдельные семы своего лексического значения – те, которые отражают наиболее характерные, с точки зрения общества, национальной культуры, качества человека: особенности характера, эмоциональное состояние, социальные отношения и т.п.

В анализируемом материале (382 единицы, зафиксированные во «Фразеологическом словаре» А.И. Молоткова [3]) встречается наибольшее количество фразеологизмов с компонентами *голова* (109 единиц) и *рука* (149 единиц). То есть в наибольшей степени процессу метафорического переосмысления подверглись те единицы, которые, очевидно, обладают наивысшей ценностью в сознании народа – носителя языка.

ФЕ с соматическим компонентом вступают между собой в системные семантические связи и отношения. В частности, помимо того что анализируемые единицы подразделяются на семантические классы и подклассы, они вступают в отношения синонимии, антонимии, омонимии и полисемии.

Большинство единиц исследуемой группы (примерно 80%) являются однозначными. Под однозначностью ФЕ понимается наличие в семантической структуре только одного лексического значения. Это обусловлено тем, что появлению полисемии у фразеологизмов «препятствует то, что фразеологизмы часто образуются вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического наполнения» [2, с. 114]. В то же время исследуемым единицам свойственна и многозначность. Под полисемией фразеологизма понимается способность фразеологической единицы иметь два и более лексических значений. Многозначность преимущественно развивается в наиболее многочисленных классах фразеологизмов: с компонентами *голова, рука, нога*. В частности, многозначными являются следующие единицы: в группе с компонентом *голова* – *голова забита, голова идет кругом, пустая голова, с головой*; в группе с компонентом *рука* – *из рук в руки, не рука, рука в руку; рука об руку, рука с рукой, с руками и ногами, в руках, на руках, золотые руки, не с руки, руки чешутся, под рукой, на скорую руку*. в группе с компонентом *нога* – *на ногах, ни ногой*; в группе с компонентом *плечо* – *за плечами, плечо в плечо, плечом к плечу*. В группе единиц, в состав которых входит компонент *спина*, многозначным является только одна

фразеологическая единица – *за спиной*, при этом необходимо отметить, что она имеет 4 лексических значения [3, с. 448], что крайне редко встречается во фразеологизмах. Не свойственна многозначность группам с компонентами *тело, шея, грудь, живот*. Как показал материал, они в меньшей степени подвержены переосмыслению и развитию дополнительных значений. Необходимо отметить, что в целом для ФЕ многозначность значительно менее свойственна, нежели для слов, поскольку фразеологизмы обладают устойчивостью и постоянством своего состава, вследствие чего они не имеют той подвижности в контексте, которая свойственна слову, кроме того, многие фразеологизмы утратили свою внутреннюю форму, что ограничивает эти единицы в сочетаемости. Таким образом, многозначность, как правило, развивается в наиболее многочисленных классах ФЕ, обладающих наибольшей значимостью для носителей языка.

При рассмотрении особенностей синонимических отношений в анализируемом материале мы исходили из следующего определения фразеологической синонимии: «Под фразеологическими синонимами понимаются фразеологизмы с предельно близким значением, как правило, соотносительные с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся между собой оттенками значения, стилистической окраской, а иногда и тем, и другим одновременно» [2, с. 117]. Фразеологическая синонимия характерна почти для всех разрядов рассмотренных соматических фразеологизмов. Группа ФЕ с компонентом *голова*: *дурья голова – дубовая голова – мякинная голова – пустая голова; шальная голова – без царя в голове; не выходит из головы – сидит гвоздем в голове*. Группа ФЕ с компонентом *живот*: *класть живот – решиться живота*. Группа ФЕ с компонентом *нога*: *держат ногу – идти в ногу – в ногу; едва держаться на ногах – едва на ногах стоит; уносить ноги – уплетать ноги; едва ноги волочить – едва ноги держат; на дружеской ноге – на одной ноге – на равной ноге; лизать ноги – падать в ноги*. Группа ФЕ с компонентом *рука*: *сильная рука – большая рука; рука об руку – рука с рукой; гулять по рукам – ходить по рукам; ухватиться обеими руками – прибираться к рукам; не так большой руки – средней руки; рукой не достанешь – рукой подать; попадать под руку – под горячую руку*. Группа ФЕ с компонентом *шея*: *хомут на шею – сажать на шею; сломать (себе) шею – свихнуть (себе) шею – свернуть (себе) шею; плечо: взваливать на плечи – перекаладывать на плечи; на плечах – сидеть на плечах – лежать на плечах; плечо в плечо – плечом к плечу; ложиться на плечи – сваливаться на плечи*. Группа ФЕ с компонентом *спина*: *поворачивать спину – показывать спину; мороз по спине дерет – мурашки бегают по спине*. Помимо внутригрупповой синонимии, т. е. наличия сходных значений у фразеологических единиц с одним и тем же соматическим компонентом, в исследуемом материале была выявлена и синонимия единиц с названиями разных частей тела. В частности, выстраиваются следующие синонимические ряды: *на широкую ногу – на широкую руку; сажать на шею – перекаладывать на плечи; надевать хомут на шею – взваливать на плечи; с рук долой – с плеч долой; падать в ноги – гнуть шею; тяжел на руку – тяжел на руку; душой и телом – руками и ногами; почва уходит из-под ног – руки опускаются; садиться на голову – лежать на плечах – садиться на шею; заплакать головой – положить живот; висеть над головой – висеть на плечах*. Как видно из приведенных примеров, для фразеологической синонимии не характерно наличие доминанты синонимического ряда, что, на наш взгляд, можно объяснить следующим: фразеологическая единица, в отличие от слова, как правило, обладает экспрессивностью и оценочностью, в то время как доминантой лексического синонимического ряда является единица нейтральная стилистически и семантически наиболее емкая.

Фразеологическая омонимия представлена только в классе ФЕ с компонентом *живот*. Возникновение омонимов в данном случае обусловлено наличием у данной лексемы архаичного значения «жизнь»; утрата семантической связи привела к появлению омонимов.

Фразеологическая антонимия в исследуемом материале встречается как внутри класса с одним и тем же названием части тела, так и между единицами разных классов. Например, случаи фразеологической антонимии представлены в таких разрядах фразеологических единиц, как *голова, тело, рука, нога*: *дурья голова – светлая голова; без царя в голове – с царем в голове; светлая голова – мякинная голова; спадать с тела – входить в тело; легок на ногу – тяжел на ногу; валиться с ног – не слышать ног под собой; выпускать из рук – брать в свои руки; легкая рука – тяжелая рука; отбиваться руками и ногами – подписываться обеими руками; выпускать из рук – прибирать к рукам*. Антонимические отношения, в которые вступают фразеологические единицы из разных классов, не столь характерны для фразеологизмов, например: *иметь голову на плечах – без царя в голове*.

Как видно из приведенных примеров, наиболее часто в семантические отношения вступают фразеологизмы с компонентами *голова, рука, нога*.

Таким образом, соматические фразеологизмы представляют собой обширный по составу класс, единицы которого номинируют человека, свойства его характера и т.п., активно вступают в различные виды системных отношений, что свидетельствует о значительной роли данных единиц в лингвокультуре, отражающей антропоцентризм русской фразеологии...

Библиографический список

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / под ред. С. П. Обнорского. М., 2007.
2. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

Т.В. Шемелева, А.А. Демиденко
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЛИМОТИВИРОВАННЫХ НАРЕЧИЙ

В статье рассматриваются полимотивированные производные наречия, обладающие множественной мотивацией. Неединственная словообразовательная мотивация рассматривается с точки зрения системных и семантических отношений. Выявление словообразовательных типов, регулярно допускающих множественную мотивацию, показывает необходимость изучения реализации мотивационных отношений не только в словообразовательной цепи, но и в тексте.

Ключевые слова: *производность, словообразовательная структура, множественная мотивация, словообразовательный тип, полимотивированность*

Мотивация — это своего рода аргументация познаваемого. Если язык определять как форму мысли, можно утверждать, что мотивация в том или ином виде присуща всем языковым явлениям. Проблема мотивации остается центральной как в лексикологии, так и в словообразовании, поскольку «мотивационные отношения слов составляют лингвистическую универсалию» [1, с. 3]. Мотивационные процессы в языке особенно прозрачны при рассмотрении семантики производного слова, которое «передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова» [2, с. 6].

Континуумный характер мысли реализуется в производном слове через полимотивацию, представленную в языке тремя видами: грамматическим, семантическим и грамматико-семантическим. Формально-семантический анализ деривационных связей производных слов русского языка обусловил обращение лингвистов к исследованию таких явлений, как полисемия производного слова, однокоренная синонимия, множественная мотивация. Словообразовательная мотивация — это центральное понятие синхронного словообразования, поскольку основной предмет его изучения — производные слова, мотивированные значением и формой другого слова. Производные слова представляют собой вторичные языковые единицы и выполняют номинативную функцию не напрямую, а через лежащие в их основе первичные языковые единицы. Исходное слово является мотивирующим, а производное — мотивированным.

Например, производные наречия *нехорошо, неплохо, неудачно, невесело, неверно* в равной мере справедливо считать:

1) образованными посредством приставочного способа от наречий *хорошо, плохо, удачно, весело, верно*; ср. аналогичные пары: *выразительно — невыразительно, самостоятельно — несамостоятельно* и др.;

2) образованными посредством суффиксального способа (с участием суффикса -о) от основ качественных прилагательных *нехороший, неплохой, неудачный, невеселый, неверный*; ср. аналогичные пары: *невежливый — невежливо, неумный — неумно, непредусмотрительный — непредусмотрительно*.

Каждое из этих толкований имеет в языке свой чистый аналог. Для первого случая таким аналогом являются следующие пары: *даром — недаром, проста — неспроста*. Здесь второе слово каждой пары представляет собой производное наречие, образованное от соотносительного наречия с помощью приставки *не-*. Другое толкование структуры наречий исключено в силу своей очевидности.

Для второго случая аналогом являются пары: *несуразный — несуразно, нелепый — нелепо, неряшливый — неряшливо* и т.п. Здесь в каждой паре второе слово является производным наречием, образованным от основы соотносительного прилагательного посредством суффикса *-о*. Другое толкование словообразовательной структуры данных наречий здесь также невозможно.

Полимотивированность производных слов играет большую роль в словообразовательной системе русского языка. Полимотивированность в русском языке представлена шире, чем обычно это описывается в словообразовательных исследованиях и словарях. При полимотивированности производное слово имеет две мотивирующие базы, каждая из которых отличается от производного только одним формантом и может использоваться в его толковании.

Множественная мотивация рассматривается как одна из напряженных точек деривационной системы, провоцирующая подвижность формально-семантических границ типа. А.Н. Тихонов, делая акцент на выявлении видов модификации словообразовательной структуры производного в зависимости от множественной

мотивации в рамках словообразовательного гнезда, предлагает заменить термин «множественная мотивация» термином «множественность словообразовательной структуры производного». По его мнению, термин «множественная мотивация» не выражает главного признака таких слов — способности по-разному члениться, иметь несколько структур [6]. С.Ю. Кураева, развивая идеи А.Н. Тихонова, выделяет группу сложных прилагательных, в которой «множественность словообразовательной структуры не выражена», и группу, которая «насчитывает в ряде случаев более двух мотиваций, следовательно, и структур» [3, с. 228].

Терминологический разнобой обусловлен разными исследовательскими позициями ученых: одни подвергают анализу явление множественной мотивации, для других – ценностным оказывается результат действия множественной мотивации — словообразовательная структура производного. Оба подхода дополняют друг друга: множественная мотивация всегда предполагает множественность словообразовательной структуры производного слова. Морфемная структура слова при этом может не меняться, в то время как словообразовательная всегда модифицируется.

В научной и учебной литературе явление множественной словообразовательной производности получило также названия «омонимия словообразовательной формы» (Г.О. Винокур, Н.М. Шанский), «множественность (неединственность)» (В.В. Лопатин, И.С. Улуханов), «чистая словообразовательная омонимия» (П.А. Соболева), «множественность словообразовательной структуры слова» (А.Н. Тихонов), «полиструктурность» (Е.Л. Гинзбург), «синкретизм» (А.И. Моисеев) и др.

Словообразование русского языка в основе своей синтаксично: производная семантика в свернутом виде реализует пропозицию с ее основными элементами и синтаксическими ролями между ними, которые могут быть выражены однокоренными словами, находящимися в отношениях множественной мотивации конкретного производного слова. Исследование особенностей системных отношений мотивирующих производных наречий привело к выявлению семантических типов множественной мотивации.

Например, наречие *неплохо* может быть образовано префиксальным способом от наречия *плохо* и суффиксальным от прилагательного *неплохой*. Слово *неплохо* имеет разную словообразовательную структуру /не-плохо от плохо и неплох-о от неплох(ой)/. В этом образовании произошло совпадение и по форме, и по значению. Но мотивирующие основы наречия /плохо-/ и прилагательного /неплох-/ не вступает между собой в омонимичные отношения, не говоря уже о словообразовательных формантах (префикс не- и суффикс -о). У данных показателей отсутствуют омонимические компоненты.

Поэтому можно рассматривать наречие *неплохо* от *плохо* и от *неплохой* как слово, имеющее одно лексическое значение, но способное члениться двояко в зависимости от мотивирующих основ и смысловых оттенков значения, заключенных в них. Обратимся к словарным статьям МАСа [4].

ПЛО́ХО; *ху' же* и (*прост.*) *пл о' ше*.

1. Нареч. к плохой (в 1, 2 и 3-е знач.). Плохо слышать.

2. безл. в знач. сказ. О неблагоприятной, неблагоприятной окружающей обстановке. — Плохо! — говорил штабс-капитан, — посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег. Лермонтов, Бэла.

3. безл. в знач. сказ., кому. О тяжелом физическом или душевном состоянии, испытываемом кем-л. Она не могла сказать, отчего ей плохо, что давит сердце. Дом — полная чаша, муж любит больше даже, чем бы ей хотелось. Серафимович, Колечко.

4. в знач. сущ. **плóхо**, *нескл., ср.* Низшая отрицательная оценка успеваемости в пятибалльной системе. *Получить плохо.*

ПЛОХО́Й, *-ая, -ое; плох, плоха́, пло́хо; ху́же и (прост.) плоше.*

1. Обладающий отрицательными качествами или свойствами; не отвечающий полностью своему назначению; *противоп.* хороший. *Плохая погода. Плохой почерк. Плохие условия.*

2. Не отвечающий требованиям морали, вызывающий порицание, осуждение; дурной. *Плохое поведение. Подавать плохой пример. Плохая репутация.*

3. Неблагоприятный, не предвещающий хорошего. *Плохое предчувствие.*

4. *Разг.* Нездоровый, больной. *Плохие глаза.*

То есть *не-плохо* – это оценка по качеству, положительная, оценка действия, выражение одобрения, положительная оценка количества, величины, в *неплох-о* выражает только отсутствие отрицательных качеств.

Морфемный состав данных корреляций остается одним и тем же (*не-плох-о*) при различии словообразовательных структур (*не-плохо* от *плохо* и *неплох-о* от *неплохой*). Лексическое значение слова остается неизменным.

Анализируя смысловые оттенки значения наречия *неплохо* от *плохо* и от *неплохой*, видим, что семантика мотивирующего более полно выражена в отадвербиальном образовании, а именно, при идентифицирующем деривационном шаге, что и подтверждается толковым словарем.

По данным «Словообразовательного словаря» [5] А.С. Тихонова, выделяется достаточно объемная группа наречий с префиксом *не-*, имеющих указанные выше разные мотивационные связи (264 производных адвербиалов). Тематически наречия представлены следующими группами:

а) качественно характеризующие несоблюдение норм поведения (*неблаговоспитанно, невежливо, неблагопристойно, некультурно, неприлично, нетактично, неэтично* и др.);

б) оценочно характеризующие отсутствие организованности и порядка (*неаккуратно, неграмотно, неопрятно, неорганизованно, неумело* и др.);

в) указывающие на недостаточность локально-темпоральной характеристики (*неблизко, невысоко, недолго, недолговременно* и др.);

г) негативно характеризующие звучащую/письменную речь, поведение (*невнятно, неграмотно, некорректно, несвязно, немногословно* и др.);

д) указывающие на эмотивный фон (*неблагодарно, недобросовестно, некультурно, непорядочно, неприлично, равнодушно* и др.).

Словообразовательный потенциал указанных наречий строится на полной прямой мотивированности, но с учетом разнопроизводности некоторые наречия выделялись в разных группах (например, *нечеловечно* – в группе А и Д; *некорректно* – в группе А, Г и Д).

Мы рассматривали мотивационное пространство словообразовательных типов производных наречий сохраняющих на уровне линейных отношений как мотивационные, так и полимотивационные связи. Полимотивация как источник вариативности повышает ранг слова в системе производных единиц на уровне лексико-семантического значения.

Библиографический список

1. Блинова О.И. Русская мотивология: учеб.-метод. пособие. Томск, 2000.

2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
3. Кураева Ю.С. Множественность словообразовательной структуры сложных прилагательных на -ческ(ий) //Актуальные проблемы русского словообразования: научные труды. Ташкент, 1976. Т. 1, № 174.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/>
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 1990; Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М., 2008.
6. Тихонов А.Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // РЯШ. 1970. № 4.

Б.А. Шишкин
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье с точки зрения прагмалингвистики осуществляется исследование процессов порождения конфликта в японской коммуникации. Базой исследования служат публикуемые материалы интернет-изданий японского сегмента интернет-пространства и пользовательские комментарии к ним. Выделяются основные конфликтогенные языковые средства японской лингвокультуры. Выявляется непосредственная связь между отклонениями от установленной системы вежливости японского языка и продуцированием конфликтогенов.

Ключевые слова: конфликт, конфликтоген, японский язык, японская лингвокультура, интернет-пространство, виртуальный дискурс.

Японской лингвокультуре свойственно непреклонное следование определённым нормам во взаимодействии между участниками коммуникации. Правила этикета, регулирующие данную область, предписывают осуществлять исключительно вежливое и чуткое взаимодействие между коммуникантами, соответственно может достигаться за счёт различных синтонов японского языка.

Однако же как только коммуниканты отходят от установленных правил и границ, соответственно начиная игнорировать и нарушать данную систему, незамедлительно возникает конфликтная ситуация. И ранее воспринимаемые адресатами уважительные и даже почтительные языковые средства уже не могут интерпретироваться ими как таковые [2].

В работе предпринимается попытка выявления этих средств – конфликтогенов японской лингвокультуры. С точки зрения прагмалингвистики исследуется эмпирическая база исследования, в которую входили различные материалы интернет-изданий японского сегмента интернет пространства, а также комментарии пользователей к ним.

Проблематика исследования неразрывно связана с той иерархией, что существует в японском обществе. Контакты между определёнными группами или же взаимодействие между индивидами подчинено одной концепции – отношения по

вертикали или сверху вниз. Это приводит к тому, что в японском языке нижестоящим приходится, как правило, применять уважительную речь в разговорах с вышестоящими, которые не обременены данными ограничениями.

Японский язык имеет сложную структуру вежливой речи 敬語 (*кэйго*), состоящей из трёх основных уровней: 丁寧語 (*тэйнэйго*) – нейтрально-вежливый стиль; 尊敬語 (*сонкэйго*) – гонорифическая речь, наиболее вежливый вариант японского языка; 謙讓語 (*кэндзё:го*) – скромная речь, суть которой состоит в самоуничижении адресанта. Данная система обеспечивает поддержание иерархической пирамиды, существующей в японском обществе, а её игнорирование может незамедлительно породить конфликтную ситуацию. Например, пренебрежение в деловом дискурсе связанных между собой стилей *сонкэйго* и *кэндзё:го*, происходящее в лучшем случае за счёт использования нейтрально-вежливого стиля *тэйнэйго*, а в худшем разговорного стиля, вызывает непонимание со стороны собеседника, но может привести к конфликту.

Проиллюстрируем данное положение на примере фразы «Господин Такада, Вы просмотрели документы?». *Сонкэйго* вариант данного вопроса звучит как «高田様、書類をご覧になりましたか» (*Такада-сама, сёруи о горан ни наримаситака?*). Так, в нём присутствуют и обращение *Такада-сама*, и уважительная вопросительная частица *ка*, а также, естественно, вежливый вариант глагола смотреть (*ご覧になる горан ни нару*). В случае разговорного стиля, неприемлемого в рамках делового дискурса, фраза могла бы звучать как «書類を見た» (*Сёруи о мита*), которая была бы корректна в диалоге между людьми, находящимися на одном иерархическом уровне и состоящими в близких отношениях. Однако по отношению к равному коллеге и к вышестоящему отсутствие какого-либо обращения, вопросительных частиц и использование разговорных вариантов глаголов (в примере 見る *миру* / смотреть) воспринимается собеседником как неуважение.

Как уже было сказано ранее, отхождение от общепринятых правил вежливой речи также может трансформировать существующие в языке синтонные языковые средства, преобразовав их в конфликтогены. Особенно ярко это можно продемонстрировать на примере системы обращений японского языка, поскольку в ней отражаются не только ранее упомянутые иерархические компоненты, но и определённая гендерная составляющая, а также присутствуют языковые средства, связанные с возрастом и со статусом тех или иных коммуникантов. С этой точки зрения возникновение конфликтной ситуации можно связать с неодобрением, выражаемым адресатами по отношению к использованным адресантами обращениям. Рассмотрим несколько синтонных и противопоставляемых им конфликтогенных вариантов обращений к нынешнему премьер-министру Японии Кисида Фумио.

В рамках делового дискурса японская лингвокультура предписывает использовать при обращении название должности, конкретной позиции, занимаемой адресатом. Наиболее уважительное обращение с использованием именного суффикса *様* (*сама/господин*) нежелательно, а нейтрально-вежливые варианты могут восприниматься как грубые, не говоря уже о разговорных вариантах, которые однозначно являются конфликтогенными. Таким образом, в рассматриваемом случае корректно использовать следующие три синтонных варианта обращения: характерный для медиадискурса 首相

(*сюсё:*), юридически закреплённый 総理大臣 (*со:ри дайdzин*) и его сокращённый вариант 総理 (*со:ри*), которые переводятся как премьер-министр [4]. В итоге форма синтонного обращения будет звучать так: *Кисида-сюсё:*, *Кисида-со:ри дайdzин* или *Кисида-со:ри* [7].

В иных дискурсах, например виртуальном, возможно понижение уровня вежливости до разговорного, однако негативная интенция адресанта способна продуцировать конфликтную коммуникацию. Примером служит комментарий пользователя сети, посвящённый недавнему деловому обеду Кисиды Фумио и нескольких министров в регионе Фукусима: 岸田君にやらされた高市さん気の毒 [5] (*Кисида-кун ни ярасарэта Такаити-сан ки-но доку* / Мне жаль Такаити-сан, которую Кисида-кун заставил сделать это). Употребление просторечного именного суффикса 君 *кун*, не содержащего отрицательной коннотации, по отношению к премьер-министру Японии непосредственно связано с резкой критикой действий Кисиды Фумио. Данный пример демонстрирует преднамеренное отхождение автора комментария от установленных норм японской лингвокультуры и, соответственно, негативное номатическое наполнение суффикса 君 *кун*, понимаемое адресатами на уровне рефлексивной реальности [1].

Немаловажное влияние на продуцирование конфликтогенов оказывает гендерная стратификация, присутствующая в японском обществе, а её вербализация осуществляется за счёт разнообразных гендерно идентифицирующих компонентов [3]. Поскольку на протяжении многих лет японские женщины были подчинены мужчинам и зависимы от них, т. е. находились внизу иерархической пирамиды, тот язык, на котором они говорят, значительно отличается от мужского варианта. Это проявляется в повышенной вежливости, в особенности по отношению к противоположному полу. Однако современные условия диктуют новые правила, которые в определённой степени уравнивают социальное положение людей, из-за чего следование традиционным нормам может породить конфликтную ситуацию. В пример можно привести следующий комментарий из социальной сети: 角戸プロ様さすがに分かりやすく教えて、頂き有り難い。ゆっぴーちゃん頑張ってね〜 [6] (*Какутопуро-сама сасугани вакариясуку оситэ, итадакиаригатаи. Юппи:-тян ганбаттэнэ* / Господин Какуто про, благодарю за то, что объяснили простым для понимания языком. А ты, Юппи-чан, постарайся!). Как можно заметить при обращении к мужчине автором используется уважительное обращение – 様 (*сама* / господин), а также употребляется вежливый вариант этикетного междометия благодарности – 有り難い (аригатаи / благодарю). По отношению же к девушке автор предпочитает использовать просторечные формы. Стоит отметить, что зачастую подобные конфликтные ситуации избегаются путём использования нейтрально-вежливого или разговорного стиля японского языка в отношении как к женщинам, так и к мужчинам в рамках одного сообщения, например: おつゆび、おつ角P (*Оцу Юппи, оцу Каку-Пи* / Отлично поработали, Юппи, Каку-Пи) [6].

Подводя итог, можно констатировать, что конфликтогены японской лингвокультуры достаточно разнообразны. Их формирование происходит за счёт любого, даже минимального отклонения от установленной системы вежливости японского языка, непосредственно связанной с иерархическим характером японского общества. Выражаться они могут как синтаксическими, так и различными лексическими и морфологическими средствами. Однако следует отдельно отметить: японская

коммуникация скорее направлена на нейтрализацию конфликта, чем на его эскалацию, что непосредственно связано с вежливой интенцией коммуникантов в японской лингвокультуре.

Библиографический список

1. Бредихин С.Н. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–3. С. 639–643.
2. Бредихин С.Н., Шишкин Б.А. Гендерная стратификация обращений-синтонов в японской онлайн-коммуникации // *Казанский лингвистический журнал*. 2023. Т. 6, № 2. С. 223–235.
3. Alpatov V.M. Gender Peculiarities of the Japanese Discourse and Their Reasons // *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. М., 2016. № 1. P. 9-17.
4. 「総理」と「首相」の違いは？ . URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO638>
5. 【朝 ニュースライブ】最新ニュースと生活情報（9月26日） - THE LATEST NEWS SUMMARY（日テレNEWS LIVE）. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WjIS8lykYfg>.
6. プロレッスン!スコアアップのコツ . URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MHez>.
7. 法の支配で「人間の尊厳」を守る. 岸田総理が国連総会に出席. URL: <https://www.jimin.jp/news/information/206674.html>.

*П.С. Бирюкова, А.А. Коваленко
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛА
И ПЕРЕВОДА РАССКАЗА Р. ДАЛЯ «ПУТЬ НА НЕБО» («THE WAY UP TO
HEAVEN»)**

Статья посвящена сопоставлению оригинального текста рассказа Роальда Даля “The Way Up to Heaven” и его перевода на русский язык с целью выявления неточностей переводческих решений и предложения их возможных корректировок.

Ключевые слова: *адекватность перевода, эквивалентность перевода, буквальный перевод, опущение, сильная позиция, обманутое ожидание.*

Рассказ “The Way Up to Heaven” Роальда Даля входит в сборник под названием “Kiss Kiss”, объединивший в себе самые мрачные и безрадостные истории писателя, так называемые “macabre stories”. Роальд Даль еще при жизни стал одним из самых любимых авторов столетия; на его книгах выросло не одно поколение. Отличительная черта работ Р. Даля – постоянная игра с ожиданиями читателя, находящегося в напряжении до финального предложения.

Рассказ “The Way Up to Heaven” прекрасно иллюстрирует все особенности творчества автора. Главная героиня миссис Фостер живет под гнетом своего мужа уже более тридцати лет. Будучи идеальной женой, миссис Фостер имеет лишь одну слабость – параноидальный страх опоздать, особенно опоздать на самолет в Париж, где живут их дочь и внуки. Зная это, мистер Фостер не упускает возможности поиграть на нервах жены. В день ее отъезда в Париж уже в машине мистер Фостер продолжает забавляться над своей женой и возвращается в дом за подарком для дочери. По несчастью он застревает в лифте, поднимаясь вверх, на второй этаж. Миссис Фостер, оставив мужа в лифте незаселенного дома, уезжает в аэропорт, где благополучно поднимается в небо на борту самолета. Спустя пару недель она возвращается в пустой дом, в котором она впервые может чувствовать себя уверенно.

В нашем исследовании мы сопоставили перевод И.А. Богданова с оригинальным текстом рассказа с целью определения адекватности и эквивалентности ряда переводческих решений. Мы не имеем намерений критиковать перевод или обличать некомпетентность переводчика. Наше исследование призвано дополнить восприятие русскоязычными читателями персонажей рассказа и сюжетных фрагментов.

Мы придерживались разграничения понятий «адекватность» и «эквивалентность перевода» В.Н. Комиссарова, согласно которому любой *адекватный* перевод является эквивалентным, однако не каждый *эквивалентный* перевод может считаться адекватным. *Адекватность* перевода подразумевает соответствие ожиданиям рецептов перевода и обеспечение «необходимой полноты межъязыковой коммуникации в конкретных условиях». *Эквивалентность* перевода, в свою очередь, – максимальная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала [3].

Рассмотрим обнаруженные нами неточности в переводе И.А. Богданова.

Первая неточность заключается в переводе заглавия рассказа. Предложенный переводчиком вариант «*Дорога в рай*» адекватен и эквивалентен, однако не совсем удачен в контексте заложенного в него смысла Р. Далем. С точки зрения стилистики, оригинальное заглавие рассказа “*The Way Up to Heaven*” включает в себя сразу два типа выдвижения – сильную позицию (strong position) и обманутое ожидание (defeated expecancy). Как отмечает И.В. Арнольд, описывая стилистику декодирования, «заглавие текста является важной частью начального стимула вероятностного прогнозирования и выработки стратегии восприятия» [1, с. 69], т. е. заглавие запускает определенную цепь предположений у читателя. Именно на этих ожиданиях и играет Р. Даль. Лишь приближаясь к развязке истории, читатель может сполна оценить заложенную в заглавие иронию, оставив позади свое первичное ожидание от сюжета.

Итак, лексема “*heaven*” в английском языке имеет следующие дефиниции: “in some religions, *the place, sometimes imagined to be in the sky, where God or the gods live and where good people are believed to go after they die, so that they can enjoy perfect happiness*” [5] и “*a situation that gives you great pleasure*” [5]. Содержащиеся в обоих определениях лексемы “enjoy”, “happiness”, “pleasure” создают ложное восприятие содержания у читающего, ожидающего от рассказа чего-то положительного. Более того, многозначность лексемы позволяет Р. Далю некую неоднозначность, которая теряется в переводе И.А. Богданова. Так, в переводе мы имеем лексему «рай», не оставляющую нам выбора.

Также в оригинальном названии присутствует предлог “*up*”, указывающий на направление движения «вверх». Он также придает заглавию ироничный окрас. На протяжении всего рассказа Р. Даль говорит о движении вверх, будь то взлет самолета в небо или подъем в лифте на второй этаж.

С учетом всего перечисленного мы находим буквальный перевод заглавия «*Дорога наверх, в небеса*» более уместным. У читателя остается право свободной трактовки лексемы «*небеса*».

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, лексема «небеса» в русском языке имеет две дефиниции: «пространство, где – по религиозным представлениям – обитают Бог, ангелы, святые»; «видимое над землей воздушное пространство в форме свода; небо» [4]. Первая дефиниция лексемы «небеса» аналогична английской, означающей «рай», в то же время вторая имеет отличное от английской значение «небо». Таким образом, русскоговорящий читатель все еще будет иметь несколько иные прогнозы касательно содержания рассказа, нежели англоговорящий. Тем не менее в данном случае становится возможной некая многозначность и недосказанность. Наличие в заглавие предлога «*наверх*» сохраняет иронию, заложенную Р. Далем, и создает эффект обманутого ожидания.

Неточности также содержатся в переводе данного отрывка: “...would throw her into such a state of nerves that she would begin to twitch. *It was nothing much – just a tiny vellicating muscle in the corner of the left eye, like a secret wink – but the annoying thing was that it refused to disappear until an hour or so after the train or plane or whatever it was had been safely caught*” [6]. У И.А. Богданова данный отрывок звучит следующим образом: «...приходила в такое возбужденное состояние, что у нее начинался тик, – *в уголке левого глаза принималась дергаться кожа*, словно она кому-то тайком подмигивала, – и больше всего ее раздражало, что тик исчезал лишь спустя примерно час после того, как она благополучно садилась в поезд или самолет» [2].

«*В уголке левого глаза принималась дергаться кожа*» – данный перевод является эквивалентным, но не является адекватным. Данное переводческое решение не

соответствует нормам русского языка, поскольку сама по себе кожа дергаться не может. Даже в оригинальном тексте употребляется лексема “*muscle*”.

Еще одной неточностью в этом же предложении является опущение оценочных структур “*It was nothing much*” и “*just a tiny*”. Мы считаем, что они не являются семантически избыточными и не должны опускаться при переводе, поскольку благодаря им складывается целостный образ миссис Фостер. Они подкрепляют ее образ идеальной женщины и жены, подчеркивая незначительность данного изъяна.

Следующее переводческое решение также является не совсем удачным, поскольку искажает образ миссис Фостер: «*и больше всего ее раздражало*». В оригинальном тексте в данном фрагменте присутствует обезличенное: “*but the annoying thing was*”.

Принимая во внимание все изложенное, мы предлагаем следующий перевод данного фрагмента: «это нервировало ее до такой степени, что у нее начиналось спастическое сокращение мышц. *Ничего особенного – просто крошечная подергивающаяся мышца в левом уголку глаза, как будто бы тайком подмигивающая, – но самым раздражающим было то, что глаз переставал дергаться только спустя час или что-то около того, после благополучной посадки на поезд, или самолет, или что бы там ни было еще*».

Следующий фрагмент (“*she had developed a great yearning to set eyes on her three grandchildren*” [6]) был истолкован неверно в переводе: «а вот дочь она обожала и, кроме того, истосковалась по трем своим внукам» [2]. Лексема “*yearning*” имеет дефиницию “*a strong feeling of wishing for something, especially something that you cannot have or get easily*” [5]. В переводе также упущено значение фразы “*to set eyes on someone*”, имеющей дефиницию: “*to see someone or something for the first time*” [5].

Данное упущение в незначительной степени, но препятствует пониманию сюжета и характера миссис Фостер. По этой причине мы предлагаем следующий перевод: «у нее возникло *непреодолимое желание впервые в жизни увидеть* трех ее внуков».

Еще один неудачный фрагмент: «И все же всякий раз он всего-то и медлил минутую, но рассчитывал время так точно и держался столь любезно, что было трудно поверить, будто он неумышленно изводит гаденькой пыткой свою несчастную супругу» [2]. У Р. Даля данное предложение выглядит несколько иначе: “*Mind you, it is by no means certain that this is what he did, yet whenever they were to go somewhere, his timing was so accurate – just a minute or two late, you understand – and his manner so bland that it was hard to believe he wasn’t purposely inflicting a nasty private little torture of his own on the unhappy lady*” [6]. И.А. Богданов опустил фразы “*mind you*” и “*you understand*”, обращенные к читателю.

Согласно Cambridge Dictionary фраза “*mind you*” используется в случае, когда “*you want to make what you have just said sound less strong*” [5]. На русский язык ее можно перевести как «имейте в виду», «заметьте».

Мы считаем, что опущение этих двух фраз ведет к измененному восприятию стиля писателя. Посредством них Р. Даль вовлекает читателя в историю, создавая иллюзию причастности. Более того, они придают определенную экспрессивную окраску предложению. Исходя из этого, мы предлагаем следующий вариант перевода: «*Заметьте, ни в коем случае нельзя быть уверенным, что он делал именно это, но всякий раз, когда они должны были куда-то пойти, он рассчитывал время настолько точно – всего на минуту или две позже, понимаете, – а его манеры были настолько вежливыми, что трудно было поверить, что он изводит гадкой мелкой пыткой несчастную леди*».

«А она, в свою очередь, смотрела на него – на этого тщедушного и все еще *подвижного старика с бородатым лицом, столь удивительно похожего на Эндрю Карнеги*» [2] – также пример не совсем точного перевода. В оригинале отрывок

предложения звучит как: “and she looked back at him – at this diminutive but still quite *dapper old man* with the huge bearded face that *bore such an astonishing resemblance to those old photographs of Andrew Carnegie*” [6].

При переводе словосочетания “*dapper old man*” была допущена ошибка. Согласно Cambridge Dictionary: “a *dapper man* is dressed in a fashionable and tidy way” [5]. Таким образом, перевод «подвижный старик» не является эквивалентным.

Следующий спорный момент – опущение некоторой второстепенной информации: “face that bore such an astonishing resemblance to those old photographs of Andrew Carnegie”. На наш взгляд, читателю необходимо это дополнение для понимания сравнения мистера Фостера с Эндрю Карнеги. Для русскоговорящего читателя, не знающего Эндрю Карнеги, важно уточнение о старых фотографиях. Это позволяет читающему примерно понять, о какой эпохе идет речь, что помогает воссоздать образ и стиль мужчин того времени.

Итак, наш вариант перевода данного предложения следующий: «и она оглянулась на него – на этого тщедушного, но все еще *довольно щеголеватого старика* с огромным бородатым лицом, которое *имело такое поразительное сходство со старыми фотографиями Эндрю Карнеги*».

В данном исследовании мы проанализировали рассказ Роальда Даля «Путь на небо» на предмет переводческих неточностей и привели свои варианты их перевода. Предложив альтернативный перевод, мы не претендуем на его безупречность. Обнаруженные неточности не имеют решающего значения, тем не менее среди них есть такие, которые могут повлиять на восприятие русскоговорящим читателем одного из главных героев и общее понимание сюжета.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 8-е изд. М., 2002.
2. Богданов И.А. Дорога в рай. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DAL/dal3.txt>
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/58368.html>
5. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
6. Dahl R. The Way Up to Heaven, and other stories. URL: <https://xpressenglish.com/our-stories/way-to-heaven/>

Л.Ю. Буянова, Ким Ин Гю, Янг Сун Ен
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос о роли художественного текста и о способности его языковой репрезентации отражать народную ментальность и образ

жизни народа; показана специфика языковых реализаций авторской интенции. Проанализированна специфика народного характера, отображённая в художественном тексте В.М. Шукшина и В.Г. Распутина различными образными языковыми средствами.

Ключевые слова: художественный текст, ментальность, народный характер, ментально-культурные ценности, картина народной жизни, язык художественного текста, имя прилагательное, персонажная речь.

Национально-культурная уникальность каждого языка обнаруживается на разных ярусах языковой системы. Наиболее полно национальные, ментальные и культурные ценности того или иного народа актуализируются единицами лексического и фразеологического уровня конкретного национального языка, что характерно для художественного текста как своеобразного слепка народной жизни. Язык художественного текста – это материально выраженное языковое сознание автора, которое с помощью образных средств отражает его индивидуально-авторскую картину народной жизни и представляет её оценку.

Исследователи художественного текста приходят к заключению, что «важнейшим параметром художественного текста следует признать его ментально-репрезентативную функцию: любой художественный текст отражает (и формирует в сознании реципиента) особую уникальную модель специфического мира – мира ментального» [4, с. 72].

Лингвисты полагают, что «при антропоцентрическом подходе в современной лингвистике в центре исследовательского внимания находится язык, который рассматривается как транслятор культурно значимой информации, осмысленной, отраженной и структурированной в сознании индивида. Исследуются такие проблемы, как взаимосвязь языка и личности, языка и культуры, вследствие чего становится актуальным выявление и изучение в процессе фонетического, грамматического, лексического, семантического и концептуального анализа материально выраженных репрезентантов – языковых единиц и форм» [1, с. 60].

Способность национального языка осуществлять вербально-семиотическую репрезентацию народной ментальности и культуры, по мнению учёных, обуславливает «возможность его воздействия на ментальность и модус мировоззрения и миропонимания, типичный для той или иной лингвоконфессиональной общности» [3, с. 24]. Безусловно, «наиболее существенной категорией художественного текста является образность» [5, с. 8]. Примером могут служить тексты художественных произведений В.М. Шукшина и В. Г. Распутина, в которых в образно-наглядной форме представлена уникальность и самобытность картины народной жизни и национальная ментальность, проявляющаяся в языке этих художественных текстов. Анализ текстового материала свидетельствует, что народная ментальность и специфика народной речи в творчестве этих писателей наиболее последовательно отражаются в описаниях природы, чувств и эмоций, быта и в персонажной речи, причём существует своеобразная частеречная специализация в различных описательных контекстах.

В языке текстов В.М. Шукшина и В.Г. Распутина, по нашим наблюдениям, квалификативной доминантой и когнитивно-оценочным маркером объекта или субъекта чаще всего выступает *имя прилагательное*. Отметим, что функционирование имён прилагательных в описательно-репрезентативных контекстах в значительной степени определяется тематической стратификацией лексем. Имя прилагательное в художественных текстах В.М. Шукшина и В.Г. Распутина выполняет функции эпитета-квалификатора и когнитивного маркера имени существительного, это: 1) характеристика и оценка внешности – *горбоносый, сухощавый, лысый, скуластенький, узколобый* [7] и

др.; 2) представление и оценка характера человека – *энергичный, крикливый, ехидный, любознательный, скромный, суетливый, ласковый; злая, капризная (жена), остроумная, озорная* (Клара) [6] и др.; 3) цветовая характеристика вещей и предметов быта – *сиреневое платье, белый халатик, золотая цепочка* [7] и др.; 4) образ природы – *глухая морозная ночь* [7]; *пасмурный, серый день; стылая тишина; злой ветер; ягодная пора; неурожайные годы; тихая и смурная тайга; бездонная глухая пустота; державная поклонная тайга* [6] и др.; 5) разноаспектная характеристика вещей, предметов быта и домашней утвари – *кожаное кресло, хромовые сапоги, огромная шапка* [7], *старая и матерчатая шапка* [6] и др.; 6) чувства, состояния, эмоции и переживания – *весёлый, беззаботный, смутное и добротворное чувство, исполински-глубокая, затаённая тоска; бесконечная яростная благодать; непереносимо-сладкая боль* [6] и др.

В персонажной речи героев рассказов и В.М. Шукшина, и В.Г. Распутина – часто в философско-назидательном ключе – раскрывается особенность русского народного характера. Размышления многих персонажей этих рассказов выявляют исконные черты русского характера и русской души – верность памяти предков, жизненный опыт как маркер силы духа, совестливость, поиски справедливости, мужество, поиск смысла жизни и своего места в ней.

В рассказе В.Г. Распутина «Век живи – век люби» в размышлениях Сани верность памяти предков и поиск смысла жизни показаны как ментально-нравственная основа народного характера: *«Не может быть, – не однажды размышлял Саня, – чтобы человек вступал в каждый свой новый день вслепую, не зная, что с ним произойдет, и проживая его лишь по решению своей собственной воли, каждую минуту выбирающей, что делать и куда пойти. Не похоже это на человека. Не существует ли в нем вся жизнь от начала и до конца изначально и не существует ли в нем память, которая и помогает ему вспомнить, что делать. Быть может, одни этой памятью пользуются, а другие нет или идут наперекор ей, но всякая жизнь – это воспоминание вложенного в человека от рождения пути. Иначе какой смысл пускать его в мир?»* (В.Г. Распутин «Век живи – век люби») [6].

В рассказе В.М. Шукшина «Билетик на второй сеанс» в размышлениях Тимофея о жизни и её смысле также поднимается эта главная тема человеческого бытия: *«Тимофей думал: "Вот – жил, подошел к концу... Этот остаток в десять-двенадцать лет, это уже не жизнь, а так – обглоданный мосол под крыльцом – лежит, а к чему? Да и вся-то жизнь, как раздумаешься, – тьфу! Вертелся всю жизнь, ловчил, дом крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то это... А Ермоха, например, всю жизнь прожил валиком – рыбачил себе в удовольствие: ни горя, ни заботы. А червей вместе будем кормить. Но Ермоха хоть какую-нибудь радость знал, а тут – как циркач на проволоке: пройти прошел, а коленки трясутся"* (В.М. Шукшин «Билетик на второй сеанс») [7].

Итак, художественный текст – отражение и выразитель народной ментальности, о чём лингвисты высказываются так: *«Наиболее репрезентативными средствами выражения категории ментальности следует признать такие языковые феномены, как слово, фразеологизм, текст, концепт. Все эти единицы в речедискурсивных процессах взаимосвязаны между собой как семантически, так и формально, служа "строительным материалом" друг для друга, образуя своеобразное ментальное пространство национального языка»* [2, с. 84].

Библиографический список

1. Андрианова А.А., Рядчикова Е.Н. Языковые особенности воздействующей речи лингвокультурного типажа «Чудик» в рассказах В.М. Шукшина // Актуальные вопросы

современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы Междунар. науч. практ. конф. Краснодар, 2020.

2. Буянова Л.Ю., Начкебия Э.В. Ментальность как лингвистическая категория // Культурная жизнь Юга России. 2009. №4 (33).

3. Буянова Л.Ю. Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологический инструментарий и понятийный аппарат // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. 2014. № 21.

4. Буянова Л.Ю., Щибря О.Ю. Художественный текст как уникальная модель ментального мира // Культурная жизнь Юга России. 2015. №2 (57).

5. Дзукоев С.Ф. Языковая концептуализация аксиосферы персонажной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.

6. Распутин В.Г. Собрание повестей и рассказов. М., 2018.

7. Шукшин В.М. Сельские жители. М., 1963.

*Л.А. Исаева, А.В. Мартиросова
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В РАССКАЗЕ В.В. НАБОКОВА «ВЕНЕЦИАНКА»

В статье рассматривается семантическая и синтаксическая составляющая категории интенсивности в художественном тексте общепризнанного мастера слова В.В. Набокова.

Ключевые слова: *категория интенсивности, художественный текст, негопозитивность, авторизация, интенсификатор.*

Категория интенсивности, являясь одной из важнейших категорий в художественном тексте, всесторонне изучается лингвистами в разных аспектах: исследуется взаимоотношение категории интенсивности с языковыми единицами на разных уровнях, рассматриваются способы репрезентации и особенности функционирования категории интенсивности в текстах разной стилистической окраски. К одному из актуальных направлений относится изучение функционирования индивидуально-авторских особенностей отбора языковых средств для концептуализации категории интенсивности, служащих выражению индивидуального восприятия и интерпретации передаваемого пропозиционального содержания.

Интенсивность в художественном тексте понимается как «функционально-семантическая категория, выражающая моменты универсального мыслительного содержания, определяемого реалиями внеязыковой действительности и их отражением в произведении автора» [3, с. 11]. Следовательно, данная категория может рассматриваться во взаимосвязи с субъективной модальностью, которая, помогая понять оценку автора текста, определяет, каким образом мысль будет воздействовать на читателя.

Обратимся к анализу репрезентации категории интенсивности на примере рассказа В.В. Набокова «Венецианка».

Являясь представителем актуализирующей прозы, В.В. Набоков использует в своих произведениях один из концептов смысловой организации художественного

текста – концепт усиления. «Для писателя типичен концепт усиления, реализуемый как описание действий, признаков в ткани художественного текста в той степени силы и интенсивности, которая противоречит представлениям о нормах их проявления, присутствующим в когнициях читателя» [2, с. 123]. Следовательно, такое несоответствие служит выражением экспрессивности художественного текста, которое создается использованием всего потенциала языковых средств категории интенсивности.

В связи с общей тенденцией психологизации языка восприятие художественного текста читателем во многом зависит от способов авторизации и речевой характеристики персонажа. Важно отметить, что категорию интенсивности создают предикаты эмоциональной оценки, выступающие средствами речевой индивидуализации персонажа.

Один из семантических способов выражения категории интенсивности – авторизация, представляющая собой степень выраженности авторского «я» в художественном тексте. В.В. Набоков в своих текстах использует модусные рамки с целью раскрытия внутреннего мира героя, стремясь передать его переживания, мысли и отношение к разным фактам действительности. Модусные рамки, или «рамочные средства», предполагают раскрытие субъективной позиции автора или героя (см. таблицу).

Авторизация	Модусные рамки (рамочные средства)
Степень выраженности авторского «я» в художественном тексте	1. Перцептивная: <i>слышать, видеть, чувствовать</i>
	2. Ментальная: <i>понимать, ощущать, вспоминать</i>
	3. Волюнтаривная: <i>желать, хотеть</i>
	4. Реактивная: <i>реакция героя на событие</i>
	5. Речевая: <i>говорить, беседовать, ворчать, кричать</i>

Проанализируем каждую из модусных рамок.

Перцептивная модусная рамка представлена глаголами восприятия: слышать, видеть, чувствовать: «Находясь в поле, или как сейчас в тихом, уже вечеряющем лесу, он невольно принимался думать о том, что в этой тишине он может, пожалуй, **слышать**, как весь громадный мир сладко свищет через пространство, как шумят далекие города, как бухают волны моря, как телеграфные провода поют над пустынями» [1, с. 545]. Из приведенного примера видно, какие дополнительные средства участвуют в передаче эмоционального напряжения героя. В.В. Набоков не случайно использует повтор сложноподчиненного союза «как», присоединяемого к модусному глаголу «слышать». Благодаря такому повтору не только достигается усиление репрезентации эмоционального состояния главного героя, но и придается динамизм повествованию.

В своих произведениях В.В. Набоков часто использует глаголы знания, мнения (верить, знать, решать, полагать, помнить, казаться и др.), которые, являясь ментальными модусными рамками, часто дополняются разнообразными средствами экспрессии, тогда как без них они служат лишь для передачи информации или констатации фактов. «Оттого-то и Симпсон, перед которым только что встала в батисте и бархате давно умершая венецианка, теперь **вспоминал**, тихо идя по липовой земле аллеи – бесшумной в этот предвечерний час, – **вспоминал** и дружбу свою с Франком, и арфу отца, и свою безрадостную стесненную юность» [1, с. 547]. В данном примере глагол ментального восприятия «вспоминал» приобретает определенную субъективную окраску: находясь под незабываемым впечатлением от картины, герой погружается в свое прошлое.

«Я ушел бы в ее глубину, жил бы в ее пейзаже, а не то, ослабев от ужаса и **не в силах ни вернуться в мир, ни углубиться в новую область, застыл бы написанным на**

полотне, в виде того анахронизма, о котором говорил Франк» [1, с. 545]. В приведенном примере использование глаголов «ушел бы», «жил бы» в сослагательном наклонении, передающих волю героя, сопряжено с категорией негепозитивности. Сама негация «не в силах ни» усиливает желание героя переместиться на загадочное полотно и познать загадку молодой девушки.

Также В.В. Набоков использует в волюнтативных модусных рамках модальные глаголы и глагольно-именные сочетания: «Когда он подумал о том, что так будет продолжаться всю жизнь, ему захотелось кричать, биться, как бьется человек, проснувшийся в гробу» [1, с. 547]. Категория интенсивности достигается использованием модального глагола «захотелось» с инфинитивами «кричать», «биться».

«Ему хотелось удержаться на этом слух, – но слух его, как поток, бежал все глубже, – еще миг, и – уже не в силах остановиться в своем странном падении – он слышал не только шаги прохожих, но стук их сердец, – миллионы сердец вздувались и гремели, и, очнувшись, Симпсон понял, что все звуки, все сердца сосредоточены в сумасшедшем биении его собственного сердца» [1, с. 548]. В данном примере наблюдается тесное взаимодействие волюнтативной модусной рамки, выраженной глаголом «хотелось», и перцептивной модусной рамки, представленной глаголом «слышал». Первая служит для передачи желания героя слышать звуки этого громадного мира. Вторая сообщает читателю, что Симпсон может их различать. Интенсив и повтор лексемы «сердце» передают душевное напряжение героя, которое было вызвано увиденным портретом молодой венецианки. Все звуки, которые он представлял в своем воображении, сливаются в единый звук его собственного сердца.

Особый интерес для нашего исследования представляет реактивная модусная рамка, благодаря которой писатель передает эмоциональное состояние героев, их чувства и переживания. Именно реактивные модусные рамки, представленные наречиями-интенсификаторами, краткими прилагательными, предикатами на -о (хорошо, грустно, плохо, обидно и др.), вызывают наибольший интерес при усилении форм репрезентации авторской экспрессии: «–**Необыкновенно хорошо**, – прошептал Симпсон, наклонив голову на другой бок, – **необыкновенно...**» [1, с. 561]; «– **Отлично**, – прошептал полковник. – Только мне **очень хотелось бы знать**, на какие деньги ты будешь существовать» [1, с. 561]. В данном примере наблюдается взаимодействие реактивной модусной рамки, представленной наречием-интенсификатором «отлично», и волюнтативной модусной рамки «хотелось», значение которой усиливается за счет наречия-интенсификатора «очень».

Речевая модусная рамка, представленная глаголами говорить, беседовать, ворчать, кричать, как правило, вводится репликами героев: «– **Доброе утро, сэр**, – **мягко сказал он** и плечом отодвинул крыло ворот» [1, с. 564]. «– **А теперь пройдемся по парку**, – **глухо сказал полковник**, когда Франк вдоволь осмотрел цилиндры, рычаги» [1, с. 567]. «– **Позвольте мне, мой дорогой друг**», – **сказал он учтиво**, – **уверить вас в моем самом искреннем, самом глубоком сочувствии и не говорить вам о той злобе, которую чувствую по отношению виновника вашего несчастья**» [1, с. 567]. Из приведенных примеров можно заметить, что использование речевых модусных рамок у В.В. Набокова часто сопровождается наречиями-интенсификаторами: «мягко», «глухо», «учтиво» и др.

Таким образом, с целью авторизации повествования В.В. Набоков в своих текстах использует различные модусные рамки, через которые осуществляется передача категории интенсивности. Являясь немаловажным компонентом в художественном тексте, категория интенсивности выражается при помощи интенсификаторов, представленных в виде повторов, модальных глаголов, а также наречиями, краткими прилагательными, предикатами на -о. Мы предполагаем, что использование данных

языковых средств служит активации эмоционально-интеллектуальной деятельности, оказывая влияние не только на образную, но и на рациональную сферу сознания читателя.

Библиографический список

1. Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990.
2. Чеплыгина И. Н. Языковые средства экспрессивности в художественной прозе В. Набокова: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2002.
3. Шейгал Е.И. Градация в лингвистической семантике. Куйбышев, 1990.

Л.В. Копоть, А.А. Балашова
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия

СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ МАСКУЛИННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА

Рассмотрена репрезентация маскулинности в творчестве Е.Г. Водолазкина. Проанализированы определения художественного дискурса, маскулинности, гендерных стереотипов, гендерной маркированности; исследованы различные тексты авторского художественного дискурса; выявлены гендерно маркированные способы конструирования гендерного концепта. Сделаны выводы относительно репрезентации маскулинности через систему гендерных стереотипов, через собственную гендерную идентичность автора, структуру социума в прошлом и настоящем со своей иерархией гендерных ролей, институтов, норм, что свидетельствует о достаточной устойчивости убеждений относительно поведения мужчин в сознании российского общества.

Ключевые слова: *маскулинность, художественный дискурс, гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная маркированность.*

Под художественным дискурсом понимаем антропоориентированный текст в динамике, являющийся индивидуальным авторским продуктом, который семиотически в художественной форме эксплицирует принадлежность его создателя к той или иной части социума, будучи пространством, в котором писатель реконструирует коммуникативную деятельность субъектов определенного лингвокультурного сообщества.

К главным гендерным концептам художественного дискурса относятся концепты «маскулинность» / «фемининность». Маскулинность – характеристики поведения, возможностей и ожиданий, «детерминирующих социальную практику группы, объединенной по признаку пола. Это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли» [9, с. 142]. Таким образом, исследование гендерного концепта на материале художественных произведений позволяет выявить информацию о культурно значимой специфике маскулинности как с позиции автора, так и в представлении общества в целом.

Цель исследования: выявить вербальные гендерные маркеры, участвующие в конструировании ключевого гендерного концепта «маскулинность» в художественном дискурсе Е.Г. Водолазкина.

Предмет исследования: гендерные роли, ценности, стереотипы, репрезентирующие гендерный концепт «маскулинность» как центральный элемент гендерной концептосферы, определяющий идентичность автора и его творческое мировосприятие в дискурсе. Прозаик репрезентирует маскулинность, реконструируя гендерные стереотипы, роли, нормы, свойственные людям прошлой и нынешней эпох.

Объект исследования: художественный дискурс, представленный текстами Е.Г. Водолазкина. Это романы «Авиатор», «Брисбен», «Лавр», «Соловьев и Ларионов».

Гипотеза исследования: художественный дискурс гендерно маркирован, а на конструирование концепта «маскулинность» во многом оказывают влияние гендерные стереотипы, функционирующие в рамках заданной лингвокультуры, а также гендерная принадлежность автора, создающего собственные образы. Под гендерными стереотипами понимаем «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [9, с. 62].

В русской лингвокультуре маскулинность выражается в стереотипизации черт, традиционно приписываемых представителям мужского пола, которым свойственна независимость, свобода, сила духа, решительность, уверенность в себе, смелость [5, с. 161]. Художественный дискурс Е.Г. Водолазкина, подвергаемый исследованию, специфичен, поскольку детерминирован гендерной адресацией. Писатель реконструирует гендерные стереотипы, транслирующие систему мужских ценностей посредством раскрытия сущности маскулинности в аксиологической парадигме русской лингвокультуры. З.Р. Хачмафова отмечает, что «гендерное измерение» позволяет по-иному взглянуть на хорошо известные факты или произведения, интерпретируя «их с учетом *гендерной дифференциации*, деконструировать, казалось бы, незыблемые понятия, выявить субтексты», отражающие символы как мужского, так и женского опыта» [10, с. 30]. Гендерная маркированность художественных текстов дает возможность определить систему ценностей, свойственных представителям мужского пола. Под гендерной маркированностью понимаем «наличие языковых средств, в явной или скрытой форме указывающих на гендерное значение» [6, с. 112].

Рассмотрим способы конструирования маскулинности в художественном дискурсе Е.Г. Водолазкина.

1. Социальный, профессиональный статус персонажей. Все главные герои автора принадлежат публичной сфере, согласно традиционным представлениям о маскулинности. Это средневековый *целитель, врач, носитель веры* Арсений («Лавр»); молодой *историк* Соловьев, *генерал* Ларионов («Соловьев и Ларионов»); *музыкант-виртуоз* Глеб Яновский («Брисбен»); так и не ставший *авиатором* Иннокентий Платонов («Авиатор»).

2. Тематика: *мужество, секс, смерть, смысл жизни, ход истории, преодоление времен, вера, духовная сила, осмысление событий отечественной истории, политика, война, армия, спорт*. Например, тема секса в дискурсе писателя-мужчины представлена следующими лексико-семантическими группами, в которых важную роль играет сема «первый»: 1) первая влюбленность; 2) первый оргазм; 3) первый секс; 4) первая женщина. *Он все читал. Деревенская библиотека стала его первым настоящим потрясением, а Надежда Никифоровна – первой любовью* [4, с. 19].

3. Гендерные роли: а) мужчина-джентльмен; б) мужчина-любовник; в) мужчина-защитник; г) мужчина-муж: *Следовало ли поцеловать ей руку или достаточно было полупоклона?* [4, с. 79]. *В усвоенном Соловьевым распределении сексуальных ролей его мужским движениям Лиза не отвечала женскими стонами* [4, с. 121].

Для выявления внешней сферы мужских персонажей и соответственно конструирования мужских образов автор использует лексико-тематические группы (ЛТГ), в составе которых присутствует гендерно маркированная лексика.

4. ЛТГ «внешность». *В комнату вошел человек богатырского вида; предстает тщательно выбритый человек с коротко подстриженными и уложенными на пробор волосами; высокого, прямого старика; его пышноусые дядья; бравый их офицерский вид* [4].

5. ЛТГ «одежда»: *Папица был в смокинге и при бабочке* [4, с. 271]. *старик сидит в белом френче* [4, с. 14].

6. ЛТГ «соматизмы». *Обнаруживались значительного размера бицепсы; Он видел мускулистых молодцов; лишь изредка выглядывала из-под длинной, словно не по размеру подобранной бороды* [4]. *Если тайный уд не имел очевидных повреждений. При отсутствии эрекции предлагал добавлять в пищу дорогие анис и миндаль* [3, с. 17].

7. Качества, традиционно соотносящиеся с представителями мужского пола, формирующие понятийное содержание маскулинности. Г.Е. Крейдлин выделяет особые «идентификаторы-кинемы», выступающие мотивом для различных языковых оценок людей [7, с. 123]. В результате анализа текстов Е.Г. Водолазкина мужские персонажи обладают *решительностью, пунктуальностью, эффективностью, скупостью на слова, активностью, спокойствием, отсутствием эмоциональности, сдержанностью, сухостью, мужественностью, мужеством, большой физической силой, жестокостью, склонностью к соперничеству*. Например, *Я обретаю решительность. Водку выливаю в раковину, а пьяную Барбару, несмотря на ее размеры, отрываю от пола и несю на диван* [2, с. 55].

8. Стереотипы. Традиционный стереотип относительно публичной сферы, которая закреплена за мужским континуумом: а) склонность к путешествиям (например, Арсений из романа «Лавр» пытается пройти земной путь как житие, помогая страждущим в укреплении веры не только на Руси, но и за ее пределами (*Венеция, Краков, Силезия, Моравия, Вена, Крит, Кипр, Иерусалим*)); б) употребление алкогольных напитков как неизменных составляющих бытия в мужской картине мира: *Некоторое время после развода пил* [2, с. 13]. *Единственный сын генерала спился и ушел из дому* [4, с. 85]; в) службу в армии как прерогативу мужчин: *Они обсуждали тактику ближнего боя и допустимость Брестского мира, целесообразность службы в армии женщин* [4, с. 135]; г) неравноправия полов: *Накануне ему было сказано, что медперсонал благодарят за мальчика – 50 рублей, за девочку – 30. О равноправии полов в 1936 году еще не могло быть и речи* [4, с. 141]; *«Хлопці ще нічого, а дівчата – дурні»* [2, с. 35]; д) отношение мужчин к браку, согласно которому мужчины не торопятся жениться: *При всем желании на всех жениться он не может. Брак следует считать явлением отжившим* [4, с. 133].

9. Языковые особенности. Автор-мужчина при создании мужских образов обращается к следующим приемам. 1. Прием интертекстуальности. Подобные тексты обладают «наиболее актуальными семантическими областями, актуализируемыми посредством мужского прецедентного имени», называемыми «черты характера», «род деятельности», «величие, высокое общественное положение», «внешность», «физическую силу», «подвиг» [8, с. 92]. Таким образом, наличие таких текстов способствует маскулинизации образа мужчин. Например, автор в дискурсе упоминает произведения «Спартак», «Тарас Бульба», «Певец во стане русских воинов», «Одиссея капитана Блада», «Дети капитана Гранта», «Полтава», «Бородино». Называет героев: подвиг царя Леонида, факты биографии А.В. Суворова, внешность Дон Кихота, Ришелье, Ф. Дзержинского, С. Дали: *Подвиг царя Леонида произвел на кадета Ларионова*

неизгладимое впечатление [4, с. 123]. Показательно, что все тексты, к которым делает отсылку автор, представляют собой готовые интеллектуальные образцы для сопоставления. Они повествуют о мужестве, героизме, смелости, преданности мужских персонажей книг, нередко идущих на смерть ради любви к родине, товарищам, во имя идеалов, свободы. Это традиционные ценности, которые стараются прививать представителям мужского пола с детства, воспитывая в них гражданственность, нравственность, патриотизм, мужество. 2. Гендерно маркированные метафоры, в основе которых социальный опыт дается в сравнении с сексуальным опытом: *Я не умею плавать. Он произнес это почти обреченно. Так в постели с выдавшей виды дамой сообщают о своей неопытности* [4, с. 107]. *Всякий раз, когда Глеб его (футляр) открывал, домра виделась ему широкобедрой красавицей* [2, с. 54]. 3. Прием сравнения, реализованный при помощи лексики рекреативного характера, который дается сквозь призму восприятия действительности мужчиной, его гендерной картины мира: *Рыча и сотрясаясь, машина набирает в одно мгновение скорость. Так ведет себя на охоте хищник – дрожит, поводит хвостом* [4, с. 10]. 4. Инвективная и жаргонная лексика в речи персонажей для придания большей маскулинизации героя: *Суки, менты поганые, – кричит Глеб, переходя на визг* [2, с. 26].

Таким образом, автор при создании мужских образов на вербально-семантическом уровне обращается к гендерно маркированным ЛТГ «одежда», «внешность», «физиологические показатели», позволяющим выявить отличия между полами во внешней сфере. При анализе языковых особенностей автор-мужчина активно использует гендерно маркированные метафоры, в которых окружающая мужчин действительность нередко предстает сквозь призму сравнения с внешностью, формами, невинностью, женственностью женщины, а также инвективную, жаргонную лексику для придания большей маскулинности герою в соответствии с существующими стереотипами. Автор-мужчина в большом количестве использует приемы интертекстуальности, создавая текст в тексте, позволяющий более убедительно подчеркнуть мужественность персонажей. Маскулинизации образов способствуют темы смерти, смысла жизни, хода истории, армии, войны, политики, мужества, секса. Так, для мужчин, по мнению автора, важна первая влюбленность, первый оргазм, первый секс, первая женщина. Мужские персонажи Е.Г. Водолазкина принадлежат публичной сфере, они, согласно сюжету, путешествуют по странам, городам, преодолевают пространство. Ценностные характеристики мужчины, по мнению автора: высокий, сильный, крепкий, рыцарь, богатырского вида, бравый, мужественный, с бородой, усами, чисто выбритый (в зависимости от эпохи, моды). Он – человек действия, решительный, немногословный, сдержанный, иногда жестокий, соперничающий с другими мужчинами, употребляющий алкоголь. Его гендерные роли – роль мужчины-джентльмена, мужчины-любовника, мужчины-защитника, мужчины-мужа. Мужские персонажи иерархически воспринимают свое место в дихотомии мужчина – женщина, брак считают вынужденной необходимостью, а службу в армии – местом преимущественно мужчин.

Библиографический список

1. Водолазкин Е.Г. Авиатор. М., 2016.
2. Водолазкин Е.Г. Брисбен М., 2019.
3. Водолазкин Е.Г. Лавр. М., 2019.
4. Водолазкин Е. Г. Соловьев и Ларионов. М., 2019.
5. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
6. Копоть Л.В. Гендерная нейтральность в русскоязычном научном дискурсе / Л.В. Копоть // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. №2. С. 111–121.

7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2004.

8. Пирожкова И.С. Прецедентное имя как средство репрезентации гендерных стереотипов в политическом дискурсе К. Райс и И. Хакамады // Политическая лингвистика. 2017. С. 91–96.

9. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой // Региональная общественная организация Восток – Запад: Женские инновационные проекты. М., 2002.

10. Хачмафова З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков): дис. ... д-ра фил. наук.

Е.В. Сомова, Е.С. Новикова
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

**АПОКАЛИПСИС ИЛИ УТОПИЯ: ПОЭМЫ В. ХЛЕБНИКОВА «ЖУРАВЛЬ»,
«ЗМЕЙ ПОЕЗДА»
И «ЛАДОМИР» КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Сопоставительный анализ поэм В. Хлебникова «Журавль», «Змей поезда» и «Ладомир» позволил прийти к выводу о том, что поэт предвидел и предсказывал два возможных пути человеческой цивилизации – гибельный, апокалиптический либо спасительный – воплощенную утопию.

Ключевые слова: *апокалипсис, поэмы В. Хлебникова, утопия, восстание машин, журавль, змей поезда, ладомир, человечество.*

Поэмы Хлебникова «Журавль», «Змей поезда» и «Ладомир» – это произведения об альтернативных путях и исходах человеческой цивилизации, одним из которых является апокалипсис, «восстание машин», уничтожение человечества, вторым – равноправие, умиротворение, создание нового, утопичного мира.

Хлебников описывает каждую из этих моделей развития детально и красочно, играя не только с образами, но и с формой текста.

В поэме «Журавль» на уровне эксплицитного сюжета посредством реализованной метафоры «восстания вещей» создается один из персональных мифов об *апокалиптическом* конце современной цивилизации.

Однако ранний хлебниковский вариант интерпретации темы «восстания вещей» существенно отличается от тех вариантов интерпретации, которые были даны в произведении Маяковского «Владимир Маяковский. Трагедия» (1913) и в статье В. Шкловского «Воскрешение слова» (1914) и стали основополагающими для поэтологической и культурологической мысли предреволюционного футуризма [9].

В поэме «Журавль» трактовка темы «восстания вещей» определяется не языкотворческой концепцией футуристов, а культурно-философской концепцией Хлебникова. Осмысленное в этическом аспекте восстание вещей, приводящее к апокалиптическому концу современной цивилизации, приобретает эсхатологический смысл.

Гибель человеческой цивилизации наступает как возмездие, роковая расплата: человеческий род карается за то, что он сам оживлял бездушные вещи, вливая в них свой разум.

В поэме два собирательных образа – человечество и машины – начинают меняться местами: живое становится мертвым, мертвое живым, что показывает нам, кто именно победит в этой войне: «Свершился переворот. Жизнь уступила власть / Союзу трупа и вещи <...> / Ты расплескал безумно разум. / И вот ты снова данник журавлей» [7].

Даже само название поэмы отсылает нас к смене ролей, готовит к такому исходу. Живая птица перевоплощается в подъемный кран. Делает это Хлебников посредством сопоставления сравниваемых субъекта и объекта, что подметил Р. Якобсон в своих работах: «...у Хлебникова сравнения почти не оправданы действительным впечатлением сходства объектов, а являются композиционными заданиями <...> Субъект сравнения часто берётся не постольку лишь, поскольку сходен с объектом сравнения, а в ином большом объёме» [8]. Образ журавля у Хлебникова проходит через цепочку метаморфоз: журавль-птица ->колодезный журавль ->подъемный кран. Первое – это живое существо, часть природы, которая естественно неотделима от мира. Второе – механизм, созданный человеком для облегчения своего труда. Отдаленно похож на журавля благодаря своей конструкции: представляет собой толстую жердь (журавль) «на рассохе (ба́бе) у колодца, с бадьёй или цепней на одном конце и грузом на другом» [Т. 1. с. 526] – напоминает птицу, стоящую на одной ноге и склонившуюся над водой. Является связующим звеном между образом живого, природного и образом механизированного, мертвого. Третье – «тварь урбанизации», её жуткий монстр, мутант. Подъемный кран мало похож на своего «праотца», колодезного журавля и еще меньше напоминает журавля-птицу. Механический «журавль» столь огромен и велик, что одним своим видом внушает страх и трепет. В то время как журавль-птица стоит на одном уровне с человеком, колодец-журавль подчиняется ему, журавль-механизм же возвышается над ним. Человек – лишь одна из множества составляющих, которые приводят в движения стального гиганта. «Журавль» ограничен в возможности передвигаться, но и сам ограничивает человека, образуя своим механизмом клетку, что способна закрыть даже небеса («И меди над городом восстал, грозя»).

Вещи обретают власть над человеком, поработают его, вытесняют из привычной реальности. Человек же не борется с этим, а подчиняется, продолжает функционировать, но умирает духовно. Он уже не в праве зваться Человеком. Именно поэтому Хлебников не раз употребляет слово «труп» в адрес человечества («И вот в союз с вещами летит поспешно труп»). По исторически-этимологическому словарю в слове объединились и слились старославянская и русская языковые струи. По-видимому, в восточнославянских говорах, кроме значения «пень» и «мертвое тело», слово труп означало также «гнилой предмет» [2]. Подобранное слово указывает не просто на поражение человечества, а на его разложение, на путь конечный, завершённый.

«О Род Людской! Ты был как мякоть / В которой созрели иные семена! / Чертя подошвой грозной слякоть / Плывут восстанием на тя иные племена! / Из желез / И меди над городом восстал, грозя, костяк / Перед которым человечество и все иное лишь пустяк...» [7].

Мир вокруг описывается как организм огромного монстра, чудовища, который разрастается над городом: «Дома образуют род ужасной селезенки».

«Чудовища ногам дают легкие трубчатобразные кости. / Сплетаясь змеями в крутой плетень, / И длинную на город роняют тень. / <...> Какая-то птица шагая по небу ногами могильного / холма / С восьмиконечными крестами / Раскрыла далекий клюв / И половинками его замкнула свет» [7].

Урбанистическим фоном восстания вещей в поэме служит Петербург, мифопоэтический образ которого органической частью входит в «основной миф» русского символизма [4]. «Петербург – “дьявольское”, “гнилое место” — воплощение городской цивилизации, подошедшей к последней грани всемирного катаклизма (<...>» [4].

«Миф о Петербурге» является частной проекцией глобального историко-культурного мышления символизма, которому было свойственно представление о непрочности, фантастической иллюзорности мира города (цивилизации) и о том, что попытка построить мир цивилизации обречена на гибель: она всегда роковым образом возвращается к изначальной родной стихии. Это последнее представление наиболее родственно мифу [5].

Историко-культурное прочтение позволяет осмыслить этот образ в контексте мифа о Петербурге в текстах Пушкина «Медный всадник» и Белого «Петербург».

Так, вступление к «Медному всаднику» повествуют нам о Петра творении:

«Полнощных стран краса и диво, / Из тьмы лесов, из топи блат / Вознесся пышно, горделиво...» [6].

Автор любит город, любит его, возвышает («Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид»). Он описывает светлую сторону Петербурга – это новая столица великого государства, в которую стекаются лучшие умы страны, ее дворцы прекрасны, а улицы вдохновляют художников на создание новых полотен, но в то же время у этого города есть и темная сторона. Петербург – это попытка бросить вызов стихии, обуздать ее, подчинить. Стихия же холодная и безразличная из раза в раз пытается поглотить Петербург («Перегражденная Нева / Обратилась, гневна, бурлива <...> На город кинулась» [6]). И конфликт между природой и человечеством приводит лишь к страданиям простых граждан:

«Но бедный, бедный мой Евгений... / Увы! его смятенный ум / Против ужасных потрясений / Не устоял. Мятельный шум / Невы и ветров раздавался / В его ушах» [6].

Белый в своем романе «Петербург» продолжает тему темноты, инферральности города, но добавляет в нее мистицизма. Петербург Белого находится вне пространства и времени, и в то же время он оторван от реальности. Так же, как и его реальный «прототип», он построен «по линейке», но в основе его лежит треугольник, в центре которого стоит Медный всадник, символ города. Изобилие в романе желтых и зеленых тонов создаёт атмосферу безумия и болезни, которой пропитаны улицы и сами люди. Простые горожане лишь тени и абстрактные образы, что словно неуспокоенные души обречены навечно скитаться по расчерченным улицам: «Бороды, усы, плечи, подбородки: то изобилие составляло верхние оконечности человеческих туловищ. Протекали плечи, плечи и плечи; черную, как смола, гущу образовывали все плечи <...> туловища бежали на ножках» [1].

Хлебников развивает идею своих предшественников о двойственности Петербурга и его вечном противостоянии стихии: город, построенный на болотах, стремится вырваться из них, но в то же время роковым образом может возвратиться в стихию вод, из которых он поднялся:

«На площади в влагу входящего угла, / Где златом сияющая игла / Покрыла кладбище царей, / Там мальчик в ужасе шептал: ей-ей!» [7].

О том, что речь именно о Петербурге, говорят и следующие строки:

«Мост, который гиератическим стихом / Висел над шумным городом, / Объяв простор в свои кова, / Замкнув два влаги рукава, / Вот медленно трогается в путь / С медленной походкой вельможи, которого обшита золотом грудь...» [7]

Как и все другие «вещи» в данной поэме, мосты выступают живым, разумным существом, которое покидает свое «статичное» место и отправляется навстречу катастрофе.

В итоге этого рокового переворота, превратившего человека в раба восставших вещей, цивилизация возвращается к нулевой точке, к болотному состоянию, к тёмной непросвещённой стихии:

«Дома в стиле ренессанса и рококо — / Только ягель, покрывший болото» [7].

Здесь можно сказать о глобальном конфликте природы и цивилизации, в котором всегда будет проигрывать вторая сторона.

Из-за вечно растущих потребностей, человеческой алчности и ненасытности все возвращается к страшным временам, когда казалось, что все можно решить жертвоприношением:

«Матери выводили / Черноволосых и белокурых ребят / И, умирая, во взоре ждали.
/ О дне от счастья лицо и концы уст зыбят. / Другие, упав на руки, рыдали / Старосты отбирали по жеребьевке детей» [7].

Не Вещи уничтожили цивилизацию, а сами люди с помощью Вещей.

Стоит понимать, что «Журавль» – это один из возможных исходов человеческой цивилизации. Апокалипсис еще не наступил. Но он возможен. И осознание вероятности подобного финала сюжетно реализовано в поэме «Змей поезда».

Изначально змей-поезд был создан для службы людям, о чем говорится в первом трехстишье: «Поезд бежал, разумным служа ношам» [7]. Так же, как и Вещи в «Журавле», он вырвался из людской власти, но продолжил делать то, для чего был создан, скрывая за перевозкой свои «трапезы»:

«Разнообразные людские моры / Как знаки жили в чешуе. / Смертей и гибели плачевные узоры» [7].

Пассажиры же настолько поглощены скукой и обыденностью («Повсюду храп и скука разговора» [7]), что даже не замечают того, что Змей поезда вырвался из-под контроля и везет их к гибели. И только лирический герой – alter ego Хлебникова – понимает, что их ждет впереди.

Так же, как и в «Журавле», в «Змее поезда» раскрывается тема слабости людей перед собственными творениями: «Я мнил, что человечество — верховье, мы ж мчимся к устью».

В сознании лирического героя появляется библейский образ Змеборца, Георгия Победоносца, великого воина, что сразил Змея прошлого. А вместе с тем приходит и осознание того, что Змея настоящего одному человеку не одолеть, необходимо объединиться всему человечеству:

«Я вспомнил драку с змеем воина, / Но сердце применить пример старинный не могло» [15].

Лирический герой пытается открыть глаза окружающим на ужас происходящего, но никто его не слышит:

«”Проснитесь! – я воскликнул. – Проснитесь! Горе! Гибнет он!” – / Но каждый не слышал, храпел с сноровкой, / Дремотой унесен» [7].

И пускай лирический герой не смог спасти никого, кроме своего друга, он сделал первый шаг к решению проблемы – он увидел ее и осознал. И несмотря на то, что произведение заканчивается печально («А между тем рассудком нищи / Змеем пожирались вместо пищи»), и все остальные пассажиры обречены, у человечества есть еще шанс на спасение, но спастись возможно лишь объединившись.

Утопия является вторым возможным исходом человечества. И один из ее вариантов показан в поэме В. Хлебникова «Ладомир». Она содержит в себе два сюжета,

которые скованы между собой в крепкую цепь: революция и идеалистическая интерпретация судеб освобожденного человечества:

«Холоп богатых, улю-лю, / Тебя дразнила нищета, / Ты полз, как нищий, к королю / И целовал его уста. / <...> Это шествуют творяне, / Заменявши Д на Т, / Ладомира соборяне / С Трудомиром на шесте» [7].

Хлебников восславляет союз рабочих и крестьян, тем самым утверждая и закрепляя справедливость и разумность нового мира:

«...Славься, дружба пшеничного злака / В рабочей руке с молотком...» [7].

По мнению Хлебникова, элитой нового общества должны быть творцы, а не люди, занимающие свое место лишь по праву рождения («Заменявши Д на Т»). В то же время и религия должна быть проповедуема теми, кто способен создавать и трудиться («Ладомира соборяне»).

«Ладомир» так же, как и «Журавль», цикличен. На протяжении всего текста читатель встречает знакомые фамилии прошлого: Разин, Романовы, Невский и т.д., а также уже ушедшие в прошлое титулы и сословия: король, мещане, холопы. Происходит переплетение современности и прошлого.

Чтобы показать Ладомир, Хлебников использует ассоциативные образы, которые тот создает благодаря игре с буквами и звуками:

«Упало Гэ Германии. / И русских Эр упало. / И вижу Эль в тумане я / Пожара в ночь Купала» [7].

Потеря не только заглавных букв у стран, но и замена нескольких твердых на единственную мягкую, говорит нам о падении границ, отсутствии войн и всеобщей дружбе в будущем. Стоит сказать и о том, что, у Хлебникова Эль воплощает в себе пророчество лирического героя о приближающейся победе над злом и самой смертью, что он увидел во время созерцания огней в ночь на Ивана Купалу.

Подобный мотив объединения можно увидеть и в «Войне и мире» Маяковского. Идеальный мир возможен без войн, лишь если к его созданию приложат руку все страны мира:

«Безмерной Америки силу несущи тебе, / мощь машин!... / В холоде севера мерзнувший, / Африки солнце тебе! / Славься, человек, / во веки веков живи и славься!» [3]

На мотив объединения человечества, создания единого Ладомира указывают и следующие строки:

«Где Волга скажет “лю”, / Янцекянг промолвит “блю”, / И Миссисипи скажет “весь”, / Старик Дунай промолвит “мир”, / И воды Ганга скажут “я” [7].

Реки всегда объединяли разные регионы и страны в единое целое. Теперь же с их помощью огромные континенты сливаются в «Ладомир».

По мнению Хлебникова, объединению стран поможет и общий язык. Н. Федоров в своем философском учении также считал, что для создания единого государства необходим всемирный язык: «человек есть существо словесное <...> нужно объединение в языке всех народов, и объединение в языке не искусственном, как воляпук и эсперанто, а в языке естественном, т.е. праотеческом. Лингвистика другого приложения, кроме выработки общего языка для всех народов, и иметь не может. Образование будет распространяться повсюду, и изучение своего и иностранного языка будет вести к познанию того, что в них есть общего, родственного, отеческого, праотеческого. В самой азбуке склады и слоги заменятся общими корнями и тем осмыслят их. Создавая таким образом общий язык, будет необходимо приближаться к языку праотеческому, который будет входить в употребление, однако, только по мере усвоения всеми людьми общего труда, трудом же этим может быть только дело отеческое» [4, с. 65].

В «Ладомире» Хлебников поэтически реализует мысли Федорова:

«Лети, созвездье человечье, / Все дальше, далее в простор / И перелей земли наречья / В единый смертных разговор» [7].

Все люди смертны и, по мнению автора поэмы, смерть – главный враг человечества. Единственный способ победить ее – создать «единый смертный разговор», язык всего мира, основой которого стали мировые языки.

В представлении автора «научно-построенное» человечество ждет будущее космического масштаба, дерзания людского разума, способные изменить весь земной шар. Поэт верит, что научный прогресс восторжествует, верит в развитие и эволюцию мировой материи, и его вера сочетается с учениями об одушевлении природы:

«Я вижу конские свободы / И равноправие коров, / Былиной снов сольются годы, / С глаз человека спал засов...» [7].

Хлебников для создания образа города будущего прибегает к использованию различных методов, в том числе отсылается к литургическим текстам, одним из которых является Библия:

«Язык любви над миром носится / И Песня песней в небо просится» [7].

Из библейских текстов мы знаем, что молитва, «просящаяся в небо», есть проявление любви к Богу. На основе этого автор создаёт ассоциацию, согласно которой весь новый мир будет построен на чистых, как Песня песней, чувствах: любви ко всему сущему, доброте, прощении и взаимопонимании.

В образе мифологического Ладомира утверждается заветная идея поэта о великой гармонии между человеком, природой и космосом. Но Ладомир не может быть достигнут путем ненависти и насилия. Недостаточны для него и математические «законы времени» – для этого нужна душевная сила: «Черти не мелом, а любовью», – завещает поэт [7].

Рассмотрение трех произведений, которые по сути говорят об одном и том же: о человечестве, его выборе и его исходе в конце истории, помогает прийти к следующему выводу. В финале человечество ждёт либо Апокалипсис, который наступит наверняка, как бы ни старались спасти от него род людской единицы, либо Реализация Утопии, возможная лишь в том случае, если *ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО* объединит свои усилия. Все зависит от него.

Библиографический список

1. Белый А. Петербург М., 2022. С. 448.
2. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.
3. Маяковский В. В. Война и мир. М., 2022. С. 60.
4. Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664.
5. Минц З. Г. Символ у Блока // В мире Блока: сб. ст. М., 1980.
6. Хлебников В. Собрание произведений: в 5 т. Л., 1928–1933.
7. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Прага, 1921.
8. Günther H. Russian Literature XXI–VII. Cambridge University Press, 2015.

НАЗВАНИЯ ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ В ТЕКСТЕ МЕМУАРОВ XVII ВЕКА ШЛЯХТИЧА Я.-Х. ПАСЕКА

Статья посвящена результатам изучения текста мемуаров XVII в. Я.-Х. Пасека с точки зрения употребления в нем названий породы лошадей, что важно для истории польской лексикологии, а в частности, истории развития гиппологической терминологии. Языковые факты мемуаров удобно сравнить с употреблением данной лексико-тематической группы в исторической «Трилогии» Г. Сенкевича, в которой в художественной форме представлена эпоха, в которой проживал Я.-Х. Пасек.

Ключевые слова: гиппологическое название, заимствование, лексико-тематическая группа, мемуары

Мемуары шляхтич Ян-Хризостом Пасек (Jan Chryzostom Pasek, 1636–1701) создавал в 1690-х гг. на польском языке той эпохи. Посвятил эти свои воспоминания своему коню *дерешу* (deresz – «конь седой породы» от венг. *deres* в том же значении [6, s. 87]).

Я.-Х. Пасек в поэтической форме в теплых словах вспоминает своего коня, благодарит его за службу и выражает печаль об его утрате.

«[Roku Pańskiego 1656] Nie umiejętność moja sprawiła, Ale natura dobrym cię czyniła... Nie takieć nasze miało być rozstanie, Nie z takim żalem ciężkim pożegnanie... Więc ciężko westchnąć i zapłakać cale, Na cię wspomniawszy, mój dereszu – *Vale!*» [7, s. 5]. – «[Год Господень 1656] Не мои умения, а натура добрым Тебя совершила... Не таким должно было быть наше расставание. Не с такой тяжелой печалью наше прощание... Лишь тяжело вздохнуть и заплакать остается, вспоминая тебя, мой дерешь (по лат. *Прощай!*) [Здесь и далее перевод наш.]

Это первое упоминание породы лошади в мемуарах. Таких гиппологических наименований в прозаическом тексте Пасека немало.

Автор употребляет заимствованные из тюркских языков названия пород лошадей: **bachmat (bahmat); dzianet**; названия, образованные от этнонимов: **kalmuk, wołoch**, а также названия, типа: **rumak, szkapa**, которые, если судить по текстам XVII в., были тогда в широком употреблении.

Сам текст воспоминаний не объясняет особенностей каждой породы, не обозначена здесь ни их этимология, ни семантика названий.

Подробные характеристики пород лошадей дает нам «Словарь языка Я.-Х. Пасека» [11], но наиболее полные характеристики лошадей находим в исторической «Трилогии» Генрика Сенкевича, в которой описание событий совпадает с периодом жизни Пасека.

«Трилогия» Г. Сенкевича, состоящая из романов «Огнем и мечом» [1], «Потоп» [2], «Пан Володыёвский» [3], не раз переводилась на русский язык, в которых гиппологические наименования переданы русскими соответствиями, иногда совпадающими с польскими названиями.

Например, Я.-Х. Пасек пишет: «Jeno co szablę odbierę, aż usieka na płowym bachmacie w rządziku złocistym jakiś młokos w atłasowym rapużym żupanie» [7, s. 48]. – «Только взял саблю, а тут убегает на выцветшем бахмате в золотистой сбруе какой-то молокосос в разноцветном атласном жупане».

Bachmat – «silny, krępy koń tatarski o krótkich nogach» [«сильный, коренастый конь с короткими ногами»] [11, т. 1, s.27], такое же определение – «низкорослая лошадь» у Фасмера, который возводит их «к тюрк. форме имени Mähmäd» [5, т. 1, с.136 – 137].

А. Брюкнер отметил для польского языка русское заимствование татарского слова **bachmat** (впервые у Рея), уменьш. **bachmatek** [6, s.10].

Более подробно эта лошадь описана у Г. Сенкевича: «Śnieg zmarzły pokrywał już ziemię i skrzypiał pod nogami bachmata» [10, s. 89–90]. – «Смерзшийся снег покрыл землю и скрипел под копытами скакуна» [3, с. 58]. Отметим, что переводчик низкорослую лошадь назвал скакуном.

«Słysząc chrapanie bachmatów, których wystrzerzone zęby i wytrzeszczone oczy świadczą, że idą takim pędem, aż im dech zapiera» [10, s. 299 – 300]. – «Слышно, как храпят бахматы; судя по оскаленным пастьям и выпученным глазам, у них дух захватывает от бешеной скачки...» [3, с. 180]. В отличие от предыдущего фрагмента, здесь **бахмат** ведет себя как настоящий скакун.

Возможно, что упомянутый **wilczar** по неумолимости и неприхотливости в питании был породой, близкой к **бахмату**, а по повадкам напоминал **wilczura**; свободного **wilka** – **волка**; откуда, вероятно, и название.

Текст определяет эти качества и указывает на значение термина. См.: «Bachmat podjawszy nieco ... szedł bardzo wytrwale, tak iż Basia podziwiała jego siłę. Był to tatarski koń „wilczar”, wielkiej urody i wytrwałości prawie bez granic. ... żarł wszystko nie przebierając: mchy, liście ... i szedł i szedł. Na polach puszczała go w skok. Wówczas stękał nieco i oddychał rozgłośnie; powstrzymywany – sapał, trzął się i spuszczał nisko głowę ze znużenia, ale nie padał» [10, s. 474–475].

В переводе на русский язык переводчик обошелся без этого довольно экзотичного даже для Сенкевича термина.

См.: «Бахмат, подкрепившись... шел на удивление резво. То был татарский конь, красивый, необычайно и на редкость выносливый. ...поедал все без разбору: мох, листья... и шел, и шел вперед. На равнинной местности Бася пускала его вскачь. Он слегка покряхтывал и шумно дышал; а когда она осаживала его, сопел, тряся, низко клонив голову от усталости – но не падал» [3, с. 280].

Здесь удивительное описание животного!

Уменьшительная форма **bachmatek** без комментариев в первом томе «Словаря языка Пасека» и у Брюкнера [6, s.10], а форму **bachmacik** (с определением **ordyński**) находим в тексте романа «Пан Володыёвский» Г. Сенкевича.

«Lipkowie, mając konie lepsze, zbliżali się i tak do nich coraz więcej. Basia zaś siedziała na dzianecie nieporównanie ściślejszym od zwykłych, kudłatych bachmacików ordyńskich, bardzo wytrwałych w biegu, ale nie tak ręcznych jak konie wysokiej krwi» [10, s. 307].

Для понимания того, о чем здесь речь, и представления упомянутых пород лошадей приводим русский вариант этого фрагмента.

«Да и липеки на своих горячих конях почти уже их настигали. Басин скакун тоже был много резвей, чем простые косматые бахматики ордынцев, очень выносливые, но не такие быстрые, как лошади благородных кровей» [3, с. 184].

В русском переводе многое упущено в характеристике коней. Здесь всего лишь отмечено, что «скакун был намного резвее» **бахмата**, а не отражено, что это был **dzianet** (от итал. ginetto < il ginnetto) [6, s. 108] – «жеребец благородных кровей», подобный аргамаку, во многом превосходивший ордынских «простых косматых бахматиков».

Lipkowie – «липеки», о которых идет речь, это одна из татарских народностей, из которых происходили далекие предки Генрика Сенкевича.

Быстрота «дзянета» видна в следующем фрагменте текста: «Dzianet wyciągnął się jak sarna, wiatr świszczał jej w uszach i zamiast strachu ogarnęło ją pewne uczucie upokojenia» [10, s. 307]. – «Скакун вытянулся, точно лань, ветер свистел в ушах, какое-то упокоение напрочь вытеснило из души страх» [3, с. 184].

Этих коней берегли. Ими пользовались от случая к случаю. Это были **powodne** и **podwodne dzianety** – запасные скакуны на привязи к возу (na powodzie, podwodzie). «Jej chciało się bardzo powodnego dzianecika dosiąść» [10, s. 239].

Отметим здесь уменьшительно-ласкательную форму **dzianecik**, а в его переводе – **жеребчик**. См.: «Басе очень хотелось пересесть на своего жеребчика» [3, с. 143].

«Basia i Zagłoba przesiedli się na podwodne dzianety» [10, s. 246]. Герои пожелали с шиком въехать в гарнизон, и поэтому переселись из возов на жеребцы.

Ср.: «Бася с Заглобой тотчас пересели на запасных лошадей» [3, с. 146].

В русском переводе отсутствуют понятие **подводный** (от **podwoda** – «воз»), поэтому повествование ведется при помощи собственно русских слов.

Эту породу благородных кровей Я.-Х. Пасек не упоминает.

Для названия скакуна Пасек использует тюркское (татарско-турецкое) наименование **rumak**, которое, по Брюкнеру, вошло в польский язык в XVI в., в его основе *argamak, hromak, ohromak* [6, s. 468] – «**аргамак**».

По Фасмеру **аргамак** – «лучшая порода лошадей в Средней Азии», др.-рус. *аргамакъ* «благородный конь». Сюда же польск. *rumak*. Заимствование из чагат., тат. *arumak* «арабский благородный конь» [5, т.1, с. 84]

Пасек сожалеет: «Gdybym był miał wtenczas aby jednego czeladnika przy sobie, mógłby był jako najpiękniejszych rumaków nawybierać» [7, s. 49]. – «Если бы тогда при себе имел хоть одного подручного, то мог бы выбрать самого красивого скакуна («*румака*»)).

Интересно, что конь **tatar** в «Огнем и мечом» переводится как раз на русский язык при помощи термина **аргамак**. Ср.: «I koń pod nim tatar zasny, jak lepszego u chana nie znaleźć» [8, t. 1, s. 10]. – «И конь у него – аргамак редкостный, какого и у хана нету» [1, с. 10].

Пасек называет и низкопородных лошадей – **szkapa** – «кляча, коняга, одёр» [4, с. 533].

У Пасека слово употреблено с несколько пренебрежительным оттенком и в мужском роде: «na takim szkapie».

«Ale obaczył towarzysza naszego ... i na takim szkapie, żeby go był i do sądneho dnia nie dogonił» [7, s. 50]. – «Но увидел товарища нашего... и то *на таком кляче*, чтобы до Судного дня его не догнал».

Обычно слово **szkapa** употребляется в женском роде, а у Пасека оно в мужском. Брюкнер допускает употребление названия в мужском роде в польской речи в течение XVI и XVII вв. [6, s. 548].

Во время составления Брюкнером словаря в начале XX в. слово **szkapa** употреблялось уже в женском роде. В таком виде оно остается и в наше время.

Мемуары Я.-Х. Пасека, написанные на близкой к польской разговорной речи, интересны в плане употребления в нем названий пород лошадей от этнонимов.

Обычно названия пород **kalmuk, wołoch** присущи породам, которыми пользуются всадники татарских и других войск.

«Словарь языка Пасека» отмечает два значения слова **kalmuk** в тексте воспоминаний: 1. «mały koń rasy stepowej z okolic Astrachania» – «малый конь степной породы из района Астрахани». 2. «szłonek narodu kałmuckiego» (монгольское и татарское заимствование) [11, t. 1, s.94] – «представитель калмыцкого народа».

«Trubecki jako syga uwija się na szpakowatym kałmuku» [7, s. 47–48] – «Трубецкой, как волчок, гоняется на седом *колмук*».

Wołoch – порода итальянских, а возможно, и романских (молдавских) лошадей. По Брюкнеру, полногласие указывает на русское происхождение этого слова [6, s. 630].

«Wziąłem też jednego wołocha pięknego z czarną pręgą; trochę był zacięty koło ucha ten koń, ale mu to nic nie szkodziło» [7, s. 49]. – «Взял также тогда волоха прекрасного с черной полосой; был ранен близко уха этот конь, но ему это не мешало».

Я.-Х. Пасеком упоминаются и русские породы лошадей.

См.: «Oddał mi tedy owego konia ślicznego, który był nie moskiewski, ale tych ruskich koni, czerwopogniady, rośły» [7, s. 49]. – «Отдал мне тогда этого коня прекрасного, который был не московским, а из этих русских коней, красно-гнедой, рослый».

Пасек различает понятия **русский** и **московский**. Порода *красных гнедых коней* не является лишь только поэтическим вымыслом.

Слово «русский» поясняется в «Словаре Пасека»: «**Ruski** od Ruś» [11, t. 2, s. 338], а **московская** – это уже *российская*.

Таким образом, Я.-Х. Пасек в своих воспоминаниях XVII в., созданным им на основе польской речи той эпохи и на языке автора, близком к обиходной речи, не может не упоминать о близких товарищах, какими для него были лошади на военной службе и в гражданской жизни.

Названия разных пород лошадей, таких как **bachmat, deresz, rumak, szkapa**, которые находились на польской военной службе, противопоставляются породам, используемые татарами и другими народами: **kalmuk, wołoch**.

Для более полного объяснения этих терминов и описания лошадей и их повадок привлекаются польско-язычные источники: «Словарь языка Я.-Х. Пасека», а также тексты исторической «Трилогии» Г. Сенкевича, действия которых происходят в XVII в. «Трилогия» раскрывает достоинства каждой из пород. Здесь выявлены названия, которые у Пасека не упомянуты, но они также представляют интерес, например: **dzianet** (итальянский аргомак), таинственный **wilczar**. Для полнейшего понимания подлинников даны их переводы на русский язык с особым обозначением совпадений и несовпадений терминов в каждом из языковых вариантов текста.

Библиографический список

1. Сенкевич Г. Огнем и мечом: роман / пер. с польск. А. Эппеля, К. Старосельской. М., 2019.
2. Сенкевич Г. Потоп: роман / Генрик Сенкевич; пер. с пол. // Собрание сочинений: в 8 т. Т.4. Тула, 1993. Т. 4.
3. Сенкевич Г. Пан Володыёвский / Генрик Сенкевич; пер. с пол. // Собрание сочинений: в 9 т. М., 1984. Т. 5.
4. Стыпула Р., Ковалёва Г.В. Новый польско-русский словарь. М., 2005.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
6. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wydanie 8. Warszawa: 1998.
7. Pasek J.-Ch. Pamiętniki (Wybór): Lektura z opracowaniem Maciosa T. Kraków, 2007.
8. Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem. Powieść. Warszawa: 1960. Т. I–II.
9. Sienkiewicz H. Potop. Powieść. – Wydawnictwo Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1929. Т. I–III.
10. Sienkiewicz H. Pan Wołodyjowski. Powieść. Warszawa: 1960.
11. Słownik języka Jana Chryzostoma Paska. Т. 1 (A – N) – Т. 2 (O – Ż). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965–1973. Т. 1–2.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «БЕОВУЛЬФ» КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ПРЕДКУЛЬТУРЫ АНГЛОВ

В статье рассматриваются различные представления, которые отражают англосаксонскую культуру и предшествовавшие ей обычаи и верования. В поэме присутствуют такие элементы предкультуры, как предания героев, героические деяния и почитание предков. Автор анализирует значения и роли этих предшествующих явлений в поэме, их влияние на сюжет, а также их связь с англосаксонской историей.

Ключевые слова: *предкультура, Беовульф, англы, прецедентный феномен, миф, поэма.*

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что вопрос происхождения поэмы «Беовульф» все еще до конца не выяснен. Мнения ученых разделяются по этому вопросу, но большинство придерживается того, что поэма имеет датское происхождение. Исследование позволяет расширить наши знания о средневековой английской литературе и предшествующих культурных явлениях, которые оказали влияние на ее создание.

Материалом исследования послужила поэма «Беовульф» в её уэссекском изложении с параллельными включениями нортумбрийских, мерсийских и кентских компонентов. Текст поэмы относят к X веку, но по некоторым исследованиям ученые считают, что первый текст мог быть написан еще в VIII в. Язык поэмы можно в общих чертах отнести к древнеанглийскому периоду, характеризующемуся достаточно большим разнообразием территориально диалектных элементов. Отличительная черта «Беовульфа» состоит в том, что герои сказания по происхождению датчане. Исторически известно, что на землях современной Дании проживали англосаксы, которые только в более позднее время переехали на территорию Британии. Основные герои, описанные в поэме, были реальными историческими личностями.

В процессе изучения объекта исследования и решения поставленных задач были использованы такие **методы**, как сравнительно-сопоставительный анализ, предполагающий сравнение контекстуальных единиц в результате анализа староанглийского и русскоязычного материалов; метод сплошной выборки; описательно-аналитический анализ, герменевтико-интерпретационный метод с компонентами нозматического анализа асистемных форм [2, с. 73], выбивающихся из общей кодовой канвы раннеуэссекского диалекта.

Изначально мифы были языковым выражением представлений людей о существующем мире. Поэтому мифы и эпосы разных народов неизменно содержат истории о сотворении мира, появлении человека и обретении им культурных ценностей (у богов подобные качества присутствовали). Первоначально эпос имел устную форму, которая не содержит понятия авторства и придает сакральное значение самим словам. То есть слова рассказчика не могли быть поставлены под сомнение.

В тексте «Беовульфа» отразились ключевые ценности для англосаксов того времени, чья культура была культурой воинов. Сюжет поэмы повествует о храбром воине Беовульфе. Он отправился в датское королевство с целью помочь жителям в борьбе против кровожадного монстра по имени Грендель. Беовульф предложил убить монстра, чтобы снискать честь, продемонстрировать свое благородство и получить награду. Главный герой продемонстрировал ключевые ценностные доминанты

англосаксонской культуры того периода в объективной реальности своим мастерством в сражениях, сильным и мужественным характером. В поэме отразилась борьба между добром и злом, где Беовульф предстал героем, сразившись не с одним и не с двумя, а с тремя монстрами (т.е. здесь наблюдается экспликация тройственности доказательств ключевых добродетелей англосаксонской протокультуры [3]), и каждый раз успешно. Отличительной чертой поэмы является подробное изображение быта, одежды, обычаев англосаксов. Поэма также изобилует историческими фактами о датских и гаутских королях. Например, события, описываемые в «Беовульфе», встречаются в трудах Саксона Грамматика, в сагах о шведских и датских королях [6, с. 480].

История Англии сложилась под влиянием многих народов и племен. Одними из них были даны, юты, саксы, фризы. Сначала представители перечисленных племен оказались в Англии в качестве наемников. Затем, увидев процветание этой страны, вожди решили захватить эти земли. Территория за территорией была захвачена ими [1, с. 70].

«Беовульф» – поэма о гаутах, шведах и датчанах. Действие происходит в Дании и Скандинавии, а англ и саксы в поэме ни разу не упоминаются, кроме единственного эпизодического героя – короля Оффы. История имеет сходство с датской «Сагой о Хрольве Жердинке и его воинах» или «Сагой о короле Хрольфе Краки». Хотя истории о Беовульфе и о Хрольфе отличаются, между ними есть и общее. Многие из персонажей, присутствующих в названных героических произведениях, появляются и в соответствующих древнеанглийских формах: Хрольф Краки появляется как Хродульф, его отец Хельги как Халга, его дядя Хроарр как Хродгар, его дед Хальвдан как Хельфден и их клан Скьёльдунги как Скильдинги. Более того, противостояние в рамках экспликации архетипической оппозиции «свой – чужой» актуализируется посредством введения в повествование и некоторых из их врагов: Фродо в роли Фроды и короля Швеции Адилса в роли шведского короля Эдгилса. Принимая во внимание продолжительность времени, в течение которого датчане правили Англией, а также учитывая, что история Беовульфа происходит в Дании и Скандинавии, а также тот факт, что Англия уже достаточно долгий период была христианской до «вторжений викингов» и прибытия Великой языческой армии, что впоследствии вызвало экспликацию двуверия в рассматриваемом произведении, скандинавское происхождение более вероятно, особенно если учесть готовность скандинавов изучать язык тех мест, которые они завоевали и в которых проживали [9].

Перечисленные явления относятся к прецедентным феноменам. Под прецедентными феноменами подразумевают единицу коммуникации, которая реализуется в речи посредством обращения к прошлым событиям, имеющим определенную ценность для «всего лингвокультурного общества в целом» [5, с. 34]. Различные типы прецедентных феноменов – от прецедентных имен до прецедентных высказываний – формируют прецедентный мир концептосферы ранних англосаксонских королевств.

Рассмотрим примеры упомянутых ранее феноменов. В поэме мы встречаем имена исторических личностей, например: Хигелак, Хротгар, Хротульф, Скильд. Так, Скьёльд появляется в первых строках «Беовульфа», где автор его именуется Скильдом Скефингом, подразумевая, что он потомок Скиафы, Скильда, сына Скефа или Скильда Снопа. В средневековой Хронике XII в. Уильяма Мальмсберийского мы встречаем описание Скильда, первого короля данов, в образе ребенка в ладье без весел со снопом кукурузы на голове [8]. В поэме есть отрывок, где автор сравнивает похороны Скильда с тем, как его в младенчестве одного опустили в лодку и предали морю:

þonne þá dydon

*þe hine æt frumsceaftē forð onsendon
aénne ofer ýðe umborwesende
þá gýt hie him ásetton segen gyldenne
héah ofer héafod [7].*

*Со всем богатством был он предан морским волнам,
Не так как прежде ребенком был оставлен он в пучине моря.
Над главой его золотое знамя развивалось.*

(Перевод автора – А. Эркеновой)

В похоронных обрядах использовался погребальный корабль длиной около 25–27 метров. В центре, как правило, располагался золотой шлем, знамя, меч с золотой рукоятью, щит с орнаментами и изображением драконов, кольчуга [1, с. 80].

В культуре данов золото ценилось превыше всего. Подобное отношение к драгоценному металлу отразилось в различных мифах и поэмах. Золоту придавалось не только магическое значение, но и материальное [4, с. 100]. Для викингов, как и для других северных племен, богатство лучше всего служило средством для создания общин. Короли, дарившие сокровища, заключали союзы и тем самым укрепляли свои ряды. Распределение богатства означало более многочисленное, безопасное и энергичное население, как пишет П. Акройд, «это была богатая и сильная культура, основанная на насилии, прикрытом блеском золота» [1, с. 79].

В «Беовульфе» мы также встречаем описание такой традиции, которая маркирует единство материального и духовного в англосаксонской протокультуре:

*sé þe his wordes geweald wide hæfde
hé béot ne áléh béagas daélde
sinc æt symle [7].*

*Тот чьи слова ценились повсюду,
Дарил он перстни золотые всем пирующим.*

(Перевод автора – А. Эркеновой)

Интенсификация единства реальностей является ключевой характеристикой архиических лингвокультур, в том числе и англосаксонской.

Превыше золота в культуре данов ценились доблесть и отвага:

*Hwæt! Wé Gárdena in géardagum
þéodcyninga þrym gefrúnon
hú dá æþelingas ellen fremedon [7].
Внимите же! Мы извека слышали
о деяниях славных властителей датских.*

(Перевод автора – А. Эркеновой)

Герои поэмы проявляют непоколебимую преданность своим соплеменникам и готовность отдать свою жизнь за идеалы и честь своей группы. Это отражает предкультурные ценности англоv, в которых ценились мужество и отвага.

Таким образом, прецедентные феномены в поэме «Беовульф» помогают понять предкультуру англоv, их ценности, верования и связь с мифологическими и историческими корнями. Актуализация ценностных доминант на основе псевдоаргументативного обращения к прецедентным феноменам является базовым механизмом поддержания относительной стабильности мифологического концептуально-валёрного пространства.

Библиографический список

1. Акройд П. Основание: от самых начал до эпохи Тюдоров. М., 2022.

2. Бредихин С.Н. Герменевтико-ноэтическая обусловленность звукового состава лексем // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 3.
3. Бредихин С.Н. Специфика «нумерологем» как когниопрагматического ядра архетипического дискурса // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Междунар. науч. конф. Майкоп, 2022.
4. Бредихин С.Н., Эркенова А.Н. Семиотическое пространство характерологических колорем в эпических текстах (на материале старофранцузского, древнеанглийского и нартского эпоса) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 92–103.
5. Золотарев М.В. К вопросу о прецедентности и вторичной концептуализации знаний // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сб. тезисов по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти С. Г. Стерлигова. Новгород, 2019.
6. Мелетинский Е. М. Англосаксонская эпическая поэзия. М., 1984.
7. Beowulf. URL: <https://heorot.dk/beowulf-rede-text.html>
8. Owen-Crocker, Gale R. The Four Funerals in Beowulf. URL: <https://www.jstor.org/stable/27712316>
9. Sass R. The Scandinavian Origins of Beowulf / R. Sass. URL: <https://www.aldsidu.com/post/the-danish-origins-of-beowulf>

*З.К. Беданоква, А.С. Петренко
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия*

К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО «КИТАЙ» В РУССКОМ СОЗНАНИИ

В статье показаны лингвокультурологические особенности концепта имени собственного «Китай», рассмотрены общеноминативные характеристики (образная, метафорическая, семантическая составляющие), проведен ассоциативный эксперимент. В сознании русского человека Китай не только источник каких-то материальных благ, но и страна, имеющая богатую культуру.

Ключевые слова: ассоциации, Китай, концептуализация, ценности, оним.

В небольшом исследовании предпринято описание особенностей концепта слова «Китай», отражающихся в сознании современных носителей русского языка, поскольку, по мнению В.И. Карасика, «лингвокультурологический концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [4, с. 97].

Возрастание роли китайского бизнеса в мировой политике и активно развивающиеся отношения между Россией и Китайской Народной Республикой определяют актуальность исследования. Россия и Китай – сопредельные государства, поэтому их связь имеет многовековую историю, но современность характеризуется особенно активным взаимопроникновением культур.

Наибольший интерес и популярность во всём мире, в том числе и в России, вызывают китайский кинематограф, китайская литература и в целом китайская культура. Поэтому описание концепта позволит понять, как понятие «Китай» отражается в сознании носителей русского языка.

Операциональным компонентом исследования, его предметом определены семы и семемы, связанные со словом «Китай». Объектом исследования стал материал, извлечённый из словарей, научных статей, и результаты ассоциативного эксперимента.

Понимание концепта как «дискретного ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека, обладающего относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющего собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущего комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [6, с. 34], отражает как когнитивный, так и лингвокультурологический подход в определении концепта, а «концептуализацию как процесс формирования концепта в его различных формах, определяемых средой существования» [1, с. 42].

Таким образом, благодаря концепту имени собственного «Китай» мы поймём, как носители русского языка относятся к Китаю, какие у них возникают ассоциации с этим словом.

При описании концепта необходимо начать с общеноминативных характеристик и выявить вариативность и дискурсивную принадлежность (области бытования) данного онима [2]. Обычно, когда говорят слово «Китай», то имеют в виду страну, полное название которой *Китайская Народная Республика*. Другого объекта с таким именем собственным нам найти не удалось.

Согласно В. И. Карасику, концепт состоит из трёх компонентов – понятийного, образного и ценностного [3]. В соответствии с понятийным компонентом предметная составляющая онима «Китай» определяется по топонимическому словарю: Китайская Народная Республика, КНР, Китай, государство в Центральной и Восточной Азии [6, с. 204–205].

Образная составляющая слова «Китай» включает в себя метафорическую и ассоциативную составляющую. Метафорическая составляющая обычно проявляется во фразеологизмах. Устойчивые выражения с производными словами от онима «Китай» представлены во фразеологическом словаре под редакцией А.А. Фёдорова [8]:

- *Китайская стена* (экспрес.) – непреодолимая преграда, изолирующая от кого-либо или чего-либо;
- *китайская грамота* (разг.) – что-либо трудное или недоступное для понимания;
- *китайские церемонии* (шутл. ирон.) – чрезмерная вежливость, излишние условности в отношениях между людьми;
- *китайская трава* (устар.) – чай.

Вхождение в состав фразеологических единиц данного имени собственного свидетельствует о высокой степени адаптации элементов китайской культуры к российской действительности, основанных на фактах взаимодействия в дипломатических, экономических и исторически обусловленных контекстах, что носит ценностный характер для носителей русского языка.

Выявление ассоциативной составляющей онима «Китай» с помощью опроса позволило определить 181 ассоциацию у 87 респондентов. На вопрос «*Какие у вас возникают ассоциации со словом “Китай”?*» получены ответы, составляющие ассоциативное поле, представленное двумя группами: ценности духовного плана и ценности материального характера.

В ценности **духовного** плана вошли следующие группы слов: массовая культура (30 ответов), литература (16 ответов), история (15 ответов), вдохновение (11 ответов), учения (8 ответов), музыка (7 ответов), актёры (6 ответов), мифология (5 ответов), праздники (2 ответа), боевые искусства (2 ответа), язык (2 ответа). Всего 103 ассоциации. Таким образом, респонденты дали больше всего ассоциаций, связанных с *массовой культурой, литературой и историей*.

При анализе ценностей **материального** плана были получены следующие группы слов: еда и кухня (14 ответов), архитектура (12 ответов), природа (12 ответов), предметы быта (12 ответов), устройство страны (9 ответов), экономика (9 ответов), одежда (3 ответа), животные (2 ответа), города (2 ответа), внешность (2 ответа), медицинские практики (1 ответ). Всего 78 ассоциаций. Респонденты дали больше всего ассоциаций, связанных с *кухней, архитектурой и предметами быта*.

Особенностью полученных результатов является то, что ассоциаций, связанных с духовным планом, больше, чем связанных с материальным (на 25 единиц).

Из этого мы можем сделать следующий вывод: Китай преимущественно воспринимается в сознании русского человека не только как источник каких-то материальных благ, но и как страна, имеющая богатую культуру.

Вербальная / значимостная составляющая онима «Китай» отражает, как ранее отмечалось, высокую степень освоенности русским языком.

Словообразовательное гнездо, вершиной которого является слово «Китай», в настоящее время насчитывает 28 единиц, в которые входят существительные, прилагательное и наречие [7, с. 463].

С точки зрения этимологии топоним «Китай» восходит к этнониму «кидане» (они же китаи) группы монгольских племен, покоривших в Средние века территорию северных областей современного Китая и образовавших государство Ляо (X–XI вв.). Сами китайцы свыше двух тысяч лет называют свою страну Чжунго – Срединное государство [3, с. 204–205].

Таким образом, в ходе нашего исследования была сделана попытка рассмотреть концептуальный потенциал слова «Китай», основываясь не только на сведениях словарей и статей, но и на восприятии этого онима носителями русского языка, что позволило сделать следующие выводы: для россиянина Китай – это азиатская страна с тысячелетней историей и особым колоритом. Для нее характерны густонаселённость, богатая история и культура. Элементы китайской культуры, ее бытовые реалии, восточные единоборства, китайская медицина, конфуцианство, даосизм заимствованы Россией, что свидетельствует о возможной соотнесённости русской и китайской ментальности.

Библиографический список

1. Алферов А. В., Кустова, Е. Ю., Курашенко, И. Р. Лингвистический взгляд на политическую концептологию: Россия в парламентском дискурсе современной Франции // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica* 2022. Т. 18. Вып. 1 (55).
2. Воркачѳв С.Г. Постулаты / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина // *Антология концептов*. Волгоград, 2005. Т. 1.
3. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // *Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности*. Волгоград, 2001.
4. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 2002.
5. Поспелов Е.М. *Географические названия мира*. отв. ред. Р.А. Агеева. 2-е изд., стереотип. М., 2002.
6. Попова, З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика*. М., 2007.
7. Тихонов А.Н. *Словообразовательный словарь русского языка*: в 2 т. М., 1990. Т.1.
8. Федоров А.А. *Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц* / А. И. Федоров. 3-е изд., испр. М., 2008. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov>

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ФОЛК-РОК-ГРУППЫ «МЕЛЬНИЦА»

В статье рассматриваются особенности функционирования категории интертекстуальности в современной рок-поэзии на примере группы «Мельница». Через различные приемы анализируются интертекстуальные связи в текстах группы и на их основе делается вывод о формировании новой мифопоэтической системы мотивов в контексте постмодернистского песенного творчества.

Ключевые слова: *интертекстуальность, мотив, миф, рок-поэзия, «Мельница», прецедентность.*

Возникновение термина «интертекстуальность» и последующей за ним теории объясняется высокой доступностью произведений искусства, совершенствованием средств массовой коммуникации и широким распространением массовой культуры. Категория интертекстуальности является одним из основных принципов постмодернизма. Культура этого направления не претендует на сотворение абсолютно нового, а обращается к прошлому, к самым разным историческим и художественным эпохам.

Само явление интертекстуальности не является новым, однако термин впервые был сформулирован лишь в 1967 г. французской исследовательницей Ю. Кристевой: «Интертекстуальность – социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое» [2, с. 5]. Интертекстуальность выступает как свойство, присущее всем текстам, благодаря которому они разными средствами могут прямо или опосредованно друг на друга ссылаться. Хоть термин и был введен в науку Ю. Кристевой, однако же общепризнанной формулировкой понятия стало определение Р. Барта: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [1, с. 428]. Современная лингвистика наряду с термином «интертекстуальность» использует такие термины, как «феномен прецедентности» (Ю. Н. Караулов), «чужое слово» (М. М. Бахтин), «между-текст» (Р. Барт) и др.

На рубеже XX–XXI вв. интертекстуальность стала источником музыкальных творческих решений, где происходит диалог между разными стилями, жанрами и структурами в бесконечном смысловом поле, охватывающем весь историко-культурный пласт, созданный человечеством. Песни представляют собой уникальное пространство, воздействующее на слух через языковой и музыкальный компоненты. Современная музыкальная культура отличается неоднозначностью, нестабильностью и многообразием содержательного и функционального наполнения, а музыканты продолжают вносить новые смыслы и трактовки в свое творчество. Современная рок-поэзия является лучшим образцом интертекстуальности, но, так как этот жанр пока мало изучен, его связи с литературой прошлых лет требуют дальнейшего изучения. Отечественная рок-поэзия тесно связана с русской и мировой культурой и использует религиозные, мифические и литературно-художественные сюжеты и мотивы для передачи культурной памяти народа. Мифопоэтическая составляющая имеет важное значение в русской рок-поэзии, особенно в творчестве группы «Мельница».

«Мельница» – одна из самых известных современных российских групп, участники которой относят себя к фолк-рок направлению. Её лидер Наталья Андреевна О'Шей, профессиональный лингвист-индоевропеист. Она использует в своих текстах отсылки к самым разнообразным источникам. В смысловое пространство оказываются включены мифы, произведения устного народного творчества и художественные тексты, в которых используются фольклорные / мифологические мотивы, обыгрываются исторические персоналии и события. В итоге получается некий современный миф, включённый в единое культурное пространство.

Миф – это предание о богах, духах, героях и первопредках, которые прямо или косвенно участвовали в создании мира. Мифология, в свою очередь, есть совокупность сказаний о богах и героях, а также система фантастических представлений о мире. Мы под мифологическим мотивом будем понимать такой мотив, который так или иначе относится к мифу. Он уникален в своём выражении, но, будучи частью системы, имеет единое архетипическое содержание. Рассматривая мифопоэтику, нельзя уделять внимание только сказочным или языческим мифам. Важны и религиозные сюжеты, которые также можно считать мифопоэтическим явлением. Поэтому мы рассмотрим два варианта интертекстуальности в творчестве «Мельницы».

В песне «Ночная кобыла» рассказывается о смертной встрече человека с хтонической Великой Богиней, которая выступает в зловещем образе кобылы. Она обманом хочет вступить с героем в брак, что в конечном итоге становится причиной его гибели. Богиня-мать является воплощением женского начала, которое в космологии ассоциируется с хаосом, и не может иметь равного себе супруга, она способна порождать и завлекать его, чтобы потом обмануть и уничтожить: *«Он шел ночью, порой ночью, / За жёлтой луною, за ней, вороною; / Река забыла, весна простила, / Кого сгубила ночная кобыла».*

В песне «Невеста Полоза», уже в названии которой прослеживается связь с уральским фольклором, ключевым образом является змей. Полоз воплощает в себе все потусторонние силы, которые определяют судьбу человека. А сюжет женитьбы Полоза на девушке восходит к мифологическому архетипу змеборчества.

Песня «Дороги» входит в альбом «Ангелофрения», название которого переводится как «одержимость ангелами». Поэтому именно с позиций христианской мифологии мы рассмотрим текст. Ангелы – это «...бесплотные существа, назначение которых – служить единому богу, воюя с его врагами» [4, с. 76]. Главным врагом Бога в христианстве является его антипод – Дьявол, их противостояние и представлено в песне. Но так как монотеистические религии постулируют доктрину всемогущего Бога, прямое сражение невозможно; проблема разрешается благодаря ангелам, которые вступают в борьбу со своим падшим собратом. В мире, который предстаёт перед нами, битва ангелов с Лукавым всегда происходит в пути. Это пространство конструируется через «дорожную» лексику: «третий перекрёсток», «всадник», «тропы», «причал», «парус». Мотив поединка реализуется не в куплетах, а в припеве, где в повелительной форме выражен исход сражения: *«Лукавый, смирись – / Мы всё равно тебя сильнее».*

Часто можно разглядеть в песнях Хелависы отсылки не только к фольклорным, но и к авторским произведениям.

Важный пласт заимствований – обращение к творчеству поэтов-предшественников. Помимо музыкальной адаптации стихотворений поэтов Серебряного века (например, «Змей» на стихи Н. С. Гумилева или «Горец» на стихи Р. Бёрнса), автор обращается как к прямому цитированию, так и к заимствованию отдельных элементов стиля.

Композиция «Gaudete» имеет прецедентное название. Gaudete (лат. «Радуйтесь») – рождественское христианское песнопение. Атмосфера Рождества создается в песне с помощью упоминания прецедентной ситуации из Нового Завета – принесения даров младенцу Иисусу волхвами («*Коль тропой хрустальных трещин / Путь волхвовый бесконечен, / Принесу тебе дары я...*»). Данную композицию можно было рассматривать в мифологическом аспекте, так как она содержит библейский сюжет, однако в тексте песни также имеется аллюзия к сказке Г. Х. Андерсена «Снежная королева»: обещание Снежной королевы подарить Каю весь мир и пару коньков, если ему удастся сложить из льдинок слово «вечность» («*Принесу тебе дары я – сердце, вечность и коньки*»).

Текст композиции «Господин горных дорог» (альбом «Перевал») включает в себя трансформированную цитату («*Наша кровь уходит в песок, позабудь ее, и она / Прорастет тугою лозой*»), имеющую своим источником роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (ср. гл. 23 «Великий бал у сатаны»: «*Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья*»).

В композиции «Прощай» используются: цитата из стихотворения Дж. Г. Байрона («*Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай*»), усеченная фраза из трагедии У. Шекспира «Гамлет» («*Прощай, прощай и помни обо мне*» – слова призрака убитого отца, обращенные к Гамлету), отсылка к одной из мифологических поэм поэтического сборника древнеисландских песен о богах и героях «Старшая Эдда» – «Речи Гримнира» («*Я заключен, как истукан, в кольцо его огней*» – в тексте Один ведёт монолог, сидя в кольце из огней), а также немного измененная цитата из стихотворения А. А. Тарковского «Первые свидания» (у Н. А. О'Шей: «*Мы не проснемся, не вернемся ни друг к другу, ни к другим / С обратной стороны зеркального стекла*»; у А. А. Тарковского: «*Через ступень сбегала и вела / Сквозь влажную сирень в свои владенья / С той стороны зеркального стекла*»).

Еще один распространенный интертекстуальный прием в современной поэзии основывается на использовании не чужих строк, а имён авторов или названий, написанных ими произведений. Таким образом, поэт показывает, чей путь пытается продолжить, кто для него наиболее авторитетен.

В исследуемых песенных текстах Н. А. О'Шей представлены прецедентные феномены разных типов. Прецедентное имя фигурирует в композиции «St. ExhureyBlues». Композиция представляет собой монолог французского писателя и летчика А. де Сент-Экзюпери. Здесь реальное историческое лицо приобретает обобщенные черты: в данном случае черты романтика, бесстрашного перед лицом смерти. Герой видит мир с высоты и ощущает восторг от полета и слияния с природными стихиями («*От винта, друзья и враги мои, нынче снова ночной полет, / Разреженный воздух меня делает бесконечно счастливым и пьяным. / Я бы спал среди облаков и видел бы травы, и мед, и лед, / Лиловые перья Прованса и белую простынь Монблана*»).

В песне «Мора» появляются сразу несколько прецедентных имен божеств и существ из славянской мифологии. Это, собственно, Мора – существо, которое мучает людей во сне, дух в облике женщины-пряжи, являющейся воплощением судьбы, зимы и смерти («*Приди, спряди мою нить Мора*»); Стрибог – «в древнерусском пантеоне, предположительно, божество, распределяющее богатство, счастье и долю между людьми» [3, с. 522]; Дажьдбог – бог солнца; Перун – «бог грома и молний, верховный бог древних славян» [3, с. 521]: «*Летят кони Стрибога – ветер в гриву, / Перуна подкова – пропасть под молнией, / Кони Дажьдбога дождем режутся, / И конь коней – корона на небе*».

Таким образом, тексты песен «Мельницы» на различных уровнях связаны с мифологическими, литературными и историческими мотивами, использование которых

имеет сознательный характер. Но при этом сохраняется авторский подход, проявляющийся в мифотворчестве, что дает основания говорить о формировании новой мифопоэтической системы мотивов не только в рамках данной группы, но и в контексте всего постмодернистского песенного творчества.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Кристева Ю. Семиотика. М., 1970.
3. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2010.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 1.

Д.Е. Володина
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА ГОРОДА

В статье рассматриваются лингвокультурологические средства, моделирующие образы двух городов, Лондона и Санкт-Петербурга, на примере англоязычных повествований – романа В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» и романа-биофигии Дж. Барнса «Шум времени». Анализируется проблема развития образа города в английской литературе на примерах художественных текстов эпохи модернизма и постмодерна.

Ключевые слова: *город, образ, урбанистика, топоним, культуроним, художественный текст, биофигия, модернизм, постмодернизм.*

Феномен города представляет собой сложный социокультурный комплекс, который рассматривается с разных точек зрения в исследованиях гуманитарных дисциплин. В настоящее время все больше исследователей – философы, литературоведы, филологи, лингвисты, урбанисты, психологи, социологи, занимаются анализом проблемы урбанизма как в поле реальной жизни, так и в контексте художественных повествований. На наш взгляд, это обусловлено тем, что, начиная с эпохи модернизма и вплоть до наших дней, лингвокультурная репрезентация образов городов разными авторами, в нашем случае В. Вулф и Дж. Барнсом, выходит за рамки простого топонимического описания.

Как социокультурное явление, город исследуется на протяжении довольно длительного времени, являясь при этом одной из самых сложных и обсуждаемых проблем в контексте гуманитарных наук, в частности, лингвистической урбанистики, литературоведения и лингвистики текста.

Столь огромный интерес к данной проблеме можно объяснить тем, что феномен города играет важную роль в жизни людей. Город представляет собой продукт или результат развития общества, так как отражает разного рода человеческие достижения: исторические, культурные, духовные, социальные. Как правило, ставя вопрос о влиянии города на литературу и культуру, исследователи и теоретики литературы (А.А. Аствацатуров, Н.А. Урусова, З. М. Чемодурова, Л.А. Шестак) анализируют образы городов в конкретно взятых произведениях авторов разных эпох, образы великих и крупных городов в определенной национальной картине мира, изменения в

человеческом сознании и восприятии, а также в человеческой психологии, происходящие в определенном урбанистическом контексте и впоследствии влекущие за собой перемены в виде произведений художественной литературы. Одним из первых тему современного города в своих работах затронул немецкий теоретик культуры и социолог Георг Зиммель. Будучи жителем Берлина, одного из самых динамичных мегаполисов рубежа XIX–XX вв., немецкий философ первым начал писать об уникальной атмосфере крупных городов: их живой энергетике, аутентичном характере, а также об отпечатке, который город способен накладывать на его жителей. В одном из своих ключевых эссе 1903 г. «Большие города и духовная жизнь» (“Die Grossstadt und das Geistesleben”) Г. Зиммель рассматривает влияние внешней социальной среды на психологию личности, анализирует связь между урбанистическим контекстом, т. е. городским образом жизни, и образом жизни нового типа личности рубежа XIX–XX столетий, которому предстоит стать героем модернистского романа или же персонажем постмодернистского текста. Немецкого философа особенно интересовал и такой вопрос, как способ репрезентации города, например: как некоторые черты мегаполиса, способны влиять на восприятие человеком жизни в урбанистическом контексте, как пространственные измерения способны повлиять на психоэмоциональное состояние и самоощущение индивида в условиях его жизни в большом городе, и т. д.

Сравнивая в упомянутом эссе жизнь в малых и больших городах (доурбанистической и урбанистической реальности), Г. Зиммель подчеркивает, что «интеллектуальный характер душевной жизни жителей в больших городах преобладает над характером жителей малых городов» [4, с. 25]. Исследователь также делает акцент на связи между жизнью в большом городе и психологией его обитателей.

Согласно Г. Зиммелю, психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, представляет собой повышенную нервозность в состоянии жителей, являющуюся «результатом непрерывной и быстрой смены их внутренних и внешних впечатлений» [4, с. 28].

Город как один из самых главных явлений и образов литературы и культуры эпох модернизма и постмодерна представляет собой сосредоточение индивидуально перцептивных, культурных, социальных, географических и исторических аспектов, в целом создающих особый индивидуально-авторский урбанистический контекст художественного произведения. Акцентируем внимание на художественных текстах, в которых помимо лингвокультурного, присутствуют автобиографический и психологический контексты. Так, изображение автобиографичных персонажей в сочетании с их психологическими портретами в романе В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» и передача ключевых моментов из жизни композитора Д. Д. Шостаковича в биофигуральном повествовании Дж. Барнса «Шум времени» напрямую связаны с репрезентацией городского пространства в данных произведениях.

В. Вулф посредством использования топонимов в модернистском романе «Миссис Дэллоуэй» не только воссоздает лингвокультурный образ Лондона, но и изображает этот город как призму, через которую герои воспринимают реальность, как транслятор внутренних чувств и переживаний персонажей.

Главным топосом и лингвокультурным образом романа «Миссис Дэллоуэй» является Лондон. На страницах романа автор стремится передать не только восхищение персонажей Лондоном, но и собственную любовь к феномену этого мегаполиса: “And there he [Peter Walsh] was, this fortunate man, himself, reflected in the plate-glass window of a motor-car manufacturer in Victoria Street. All India lay behind him; plains, mountains; epidemics of cholera; a district twice as big as Ireland; decisions he had come to alone – he, Peter Walsh” [9, с. 87].

Еще одной немаловажной составляющей лингвокультурного образа города является ономотопея – языковой прием, используемый автором для воссоздания звукового фона жизни города, а также для передачи потока чувств героев данного произведения.

Так, жители Лондона едва ли замечают грохот проезжающих автомобилей, и один из главных героев, Питер Уолш, умудряется заснуть на скамейке в парке под словно убаюкивающие его звуки оживленного города: “A great brush swept smooth across his mind, sweeping across it moving branches, children’s voices, the shuffle of feet, and people passing, and humming traffic, rising and falling traffic. Down, down he sank into the plumes and feathers of sleep, sank, and was muffled over ...” [9, с. 63]. В то же время звуки шарманки задевают чувства Септимуса Смита – персонажа, испытывающего душевный кризис, и в буквальном смысле доводят его до слез: ““Or he was hearing music. Really it was only a barrel organ or some man crying in the street. But Lovely!” he used to cry, and the tears would run down his cheeks [9, с. 85].

Что касается второго анализируемого нами текста, то постмодернистский роман Дж. Барнса «Шум времени» представляет собой художественное произведение, главный герой которого назван именем реального исторического лица. Как правило, в биофикциональных нарративах присутствует такое семантическое поле, как «фактологичность – фикциональность».

Романы-биофигии, в том числе и исследуемый нами текст, можно расценивать как попытки авторов детально реконструировать определённый период жизни героев произведений, в нашем случае – советского композитора Дмитрия Шостаковича, а также посредством разных литературных техник и приёмов создать собственную призму восприятия мира.

Так, моделируя образ русского города Петербурга, являющегося основным топосом романа-биофигии «Шум времени», Дж. Барнс вводит в своё англоязычное повествование такие элементы инолингвокультуры (русской культуры), как культуронимы или ксенонимы: *Blessed by the village priest, he had set off to fight for his homeland and the Tsar*” [8, с. 1]. Кроме того, в своем повествовании автор использует способы создания инокультурного контекста, в частности, описательные обороты (“It was as if, when drawing up their plans for Soviet Russia, the architects had been thoughtful, meticulous and well-intentioned, but had failed at a very basic level” [8, с. 171]) транслитерированные заимствования (“Tchaikovsky was decadent, and the slightest experimentation condemned as ‘formalism’” [8, с. 15]) и полионимы (“The Marshal acted as his patron, organising financial support for him from the military commander of the Leningrad District” [8, с. 13]).

Итак, посредством использования перечисленных языковых единиц англоязычному писателю-постмодернисту Дж. Барнсу в своем произведении удается передать значимую информацию, касающуюся русской культуры.

Таким образом, проанализированные нами модернистский роман В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» и постмодернистский роман-биофигия Дж. Барнса «Шум времени» можно назвать весьма показательными художественными произведениями в плане раскрытия самых различных составляющих урбанистического (в нашем случае лондонского и петербургского) контекста. Кроме того, привлечение большего количества научных работ исследователей в области теории литературы, лингвистической урбанистики и культурологии, на наш взгляд, позволит расширить круг вопросов, касающихся города как социально-культурного и литературного феномена, а также основания для более детального анализа.

Библиографический список

1. Аствацатуров А.А. Хаос и симметрия. От Уайльда до наших дней М., 2020.
2. Барнс Д. Шум времени. СПб., 2019.
3. Вулф В. Миссис Дэллоуэй. М., 2022.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018.
5. Урсова Н.А., Чемодурова З.М. Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса. Исследования языка и современное гуманитарное знание. СПб., 2010.
6. Чемодурова З.М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста. Вопросы когнитивной лингвистики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 1.
7. Шестак Л.А. Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности. Белгород, 2021.
8. Barnes J. The noise of time / Penguin. London, 2017.
9. Woolf V. Mrs. Dalloway / Collins Classics. London, 2015.

*В.В. Дробан, О.А. Белоусова
Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя
Советского Союза А.К. Серова
Краснодар, Россия
Л.А. Исаева
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

КОНЦЕПТ «МИР» КАК КОМПОНЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭРГОНИМОВ)

В статье рассматриваются особенности представления концепта «мир» в лингвокультурном пространстве современного города. Выявляются смысловые компоненты концепта, эксплицируемые в эргонимах, а также определяются основные способы их репрезентации.

Ключевые слова: *лингвокультурный концепт, языковая картина мира, язык города, лингвокультурное пространство, эргоним.*

Важную роль в формировании ценностных ориентиров общества, а также образа жизни современного человека играет город. Город представляет собой целостное социально-культурное пространство, в пределах которого складывается особый тип мышления его жителя (горожанина).

По мнению Е.Ю. Позняковой, в «мозаичной» городской культуре отражены этапы исторического и социально-политического развития, а также результаты самоидентификации личности через язык [5, с. 181]. Динамичная и открытая культура города, а также особенности языковой картины мира (далее – ЯКМ) горожанина как члена речевого коллектива представлены совокупностью связанных друг с другом языковых средств, функционирующих в городе и формирующих его изменчивый «языковой облик» [4]. На сегодняшний день полиаспектное исследование языковой

специфики современного города является актуальным направлением отечественной лингвистической науки.

В.В. Виноградов отмечал, что локализованные городской стихией компоненты языка «переливаются экспрессивными красками социальной среды» и отражают оценку окружающего человека (горожанина) пространства в определенный период [1, с. 25].

Исследование специфики языкового моделирования образа города позволяет понять особенности видения мира носителем рассматриваемой лингвокультуры [7, с. 9].

Для обозначения формы реализации национального языка в пространстве города учеными чаще всего используется предложенный Б.А. Лариным термин «язык города». В статье «О лингвистическом изучении города» им был подчеркнут особый статус языка города как феномена, требующего пристального внимания лингвистов [4].

В узком смысле под языком города понимается «совокупность языковых средств кодифицированной системы и различных некодифицированных, используемых языковым коллективом города» [8, с. 14].

В широком смысле язык города – это форма реализации компонентов культурного пространства народа. Таким образом, под городом понимается поликультурная среда, в которой функционируют все формы городской речи, репрезентирующие ценностные компоненты ЯКМ горожанина и народа в целом.

Компонентами языка города, по мнению Б.Я. Шарифуллина, являются: типы городской речи и устные жанры речевого общения, тексты городской среды (городская реклама на вывесках, плакатах и др.) и ономастикон города (эргонимы, топонимы и др.) [9, с. 46].

Взаимодействующие друг с другом разноуровневые компоненты языка города формируют его лингвокультурное пространство. Влияние на данный процесс оказывает мегаполисная культура, в которой отражаются особенности актуальной ЯКМ народа. На наш взгляд, одним из центральных компонентов лингвокультурного пространства выступает лингвокультурный концепт.

Лингвокультурное пространство города – форма представления компонентов ЯКМ, реализуемая в совокупности текстов, функционирующих в городе. Средствами репрезентации его ценностных компонентов выступают единицы языка города.

Существенное влияние на формирование лингвокультурного пространства современного города оказывает медиадискурс. Его важным компонентом, отражающим и формирующим картину мира горожанина, является городская реклама [6, с. 148]. Медийная культура города участвует в создании его медиапространства, рассматриваемого нами в качестве компонента широкого лингвокультурного городского пространства. По мнению В.А. Крыжановской, медипространство города формируют рекламные тексты, составляющие основу его рекламной культуры [3, с. 68]. Оно представлено эргонимами, рекламными слоганами и текстами рекламы, транслируемыми при помощи различных способов (на вывесках, на стендах, в листовках и т.д.).

Лингвокультурологический подход исследования языка города связан с изучением особенностей репрезентации миромоделирующих концептов, к которым Е.Ю. Позднякова относит «пространство» и «время» [5, с. 174]. Данные компоненты отражены в смысловой структуре лингвокультурного концепта «мир», содержащего пространственное значение. В связи с этим особый интерес представляет изучение специфики репрезентации компонентов базового общекультурного концепта «мир» в лингвокультурном пространстве города.

Важным компонентом актуального лингвокультурного пространства города как проекции ЯКМ народа, а также входящего в него городского медиапространства

выступают эргонимы, в которых концепт «мир» вербализован при помощи различных языковых средств. Высокий репрезентативный потенциал эргонимов, на наш взгляд, связан с их формальной ограниченностью, позволяющей создать пространство для новых смыслов, направленных на привлечение интереса потенциального покупателя (горожанина) [2, с. 51].

Вслед за В.А. Крыжановской эргонимы рассматриваются нами как онимы (компоненты языка города) и медийные единицы [3, с. 72].

Как показывает анализ собранного языкового материала, лингвокультурный концепт «мир» репрезентируется в большом количестве эргонимов («*Детский мир*», «*Швейный мир*», «*Пиво со всего мира*» и др.). Разнообразные эргонимы с лексемой «мир» и ее производными являются активными компонентами языкового пространства города и образуют продуктивную модель нейминга [2, с. 46].

Подробнее рассмотрим некоторые особенности реализации концепта «мир» в эргонимах как важных компонентах лингвокультурного пространства современного медиализированного города.

Следует отметить, что специфика исследования репрезентации смысловых компонентов общекультурного концепта «мир» в эргонимах, на наш взгляд, заключается в том, что «мир» имеет двуединую сущность («мир 1» – 'совокупность всех форм материи, Вселенная'; «мир 2» – 'отсутствие вражды, согласие'), а также характеризуется бинарностью смысловой составляющей своих компонентов, обусловленной не только особенностью представления его лексикографического описания, но и антологической взаимосвязью базовых признаков (мир – пространство своих, в котором спокойно), формальным и функциональным многообразием выявленных эргонимов.

Анализ эргонимов, репрезентирующих концепт «мир» при помощи базового репрезентанта (лексемы «мир» и ее производных), показал, что они номинируют коммерческие организации из различных сфер. Наиболее активно «мир» актуализируется в эргонимах, относящихся к сферам «Товары для дома», «Ремонт и строительство» и «Недвижимость». Можно предположить, что реализация концепта «мир» в коммерческих сферах, связанных с благоустройством дома, объясняется значимостью пространственного компонента его смысловой структуры, отраженной в лексикографическом описании лексемы «мир», а также традиционной связью со «своим». В русских пословицах мир – пространство, окружающее человека, в котором живут «свои» и в котором спокойно (*На миру и смерть красна*). Традиционной также является метафорическая модель «мир – дом», в которой отражены представления русского человека о мире как «своем пространстве».

Анализ эргонимов, включающих в себя лексему «мир» и ее производные, позволил выделить ряд объективизированных в них смысловых компонентов.

Чаще всего в эргониме «мир» представлен как 'многообразие отдельных предметов' («*Мир диванов*», «*Мир белья*», «*Мир книг*», «*Мир сыров*» и др.). В данных наименованиях мир – ограниченное конкретной сферой предметов (товаров) пространство. Репрезентантом данного смыслового признака чаще всего выступают грамматические средства. К примеру, в эргонимах «*Мир окон*», «*Мир бассейнов*» и других он реализуется при помощи сочетания лексемы «мир» в именительном падеже с существительным в родительном падеже без предлога в единственном или множественном числе. Следует отметить, что компонент 'многообразие отдельных предметов' представлен также в эргонимах, обнаруживающих в своей структуре качественные прилагательные («*Пивной мир*», «*Швейный мир*» и др.).

В медиапространстве современного города как части его широкого лингвокультурного пространства (проекция ЯКМ) у концепта «мир» эксплицирован

компонент 'спокойствие' (гармония, безопасность). Так, в эргонимах «*Безопасный мир*», «*Спокойный мир*» и других реализуется связь мира с безопасностью, которую потенциальному покупателю (горожанину) обещает адресант рекламного текста. Чаще всего данный смысловой компонент реализуется в наименованиях коммерческих предприятий, связанных с обеспечением безопасности (охраной).

В ряде эргонимов у концепта «мир» реализуется связь с уютом (комфортной жизнью). В них мир – личное пространство, в котором уютно и комфортно («*Уютный мир*», «*Комфорт вашему дому*» и др.). В данных примерах, на наш взгляд, отражено традиционное для русской ЯКМ представление о мире как месте, где живут «свои», а также связь с концептом «жизнь».

Таким образом, мы приходим к выводу, что концепт «мир» является важной составляющей лингвокультурного пространства современного города. Он репрезентирован в большом количестве эргонимов, отличающихся своей структурой. В лингвокультурном пространстве города, рассмотренном нами на материале эргонимов, у концепта «мир» чаще всего репрезентируются смысловые компоненты 'многообразие отдельных предметов', 'спокойствие' (гармония, безопасность) и 'уют' (комфортная жизнь).

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 2001.
2. Дробан В.В., Исаева Л.А. Лексема «мир» в современном эргонимическом пространстве (на материале наименований коммерческих организаций Краснодарского края) // Филология и человек. 2020. № 4.
3. Крыжановская В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017.
4. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. 1928. № 3.
5. Позднякова Е.Ю. Языковое пространство города: лингвокультурологическое описание. Барнаул, 2014.
6. Симоненко М.А. Городская реклама в коммуникативном пространстве современного города // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1.
7. Уранцев Г.В. Моделирование городского пространства в современном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2018.
8. Федянина О.Н. Некодифицированная лексика языка города Кирова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 1997.
9. Шарифулин Б.Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. Бийск, 2007.

Л.А. Исаева, С.К. Остроухова
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ОБРАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОП- И РОК-ТЕКСТАХ XXI ВЕКА

Статья посвящена изучению специфики репрезентации концепта «любовь» в текстах песен современных рок- и поп-исполнителей с целью выявления отдельно в

каждом жанре концептуальных характеристик, являющихся как национально-культурными, так и индивидуально-авторскими приращениями концепта «любовь».

Ключевые слова: концепт, любовь, рок-тексты, поп-тексты, национально-культурные приращения, индивидуально-авторские приращения.

Цель работы – выявить различные концептуальные характеристики понятия «любовь» в современных рок- и поп-композициях.

Задачи работы:

- определить, что такое концепт;
- проанализировать контексты из текстов песен;
- представить анализ в виде фрагмента словаря образных парадигм;
- выделить в каждом жанре концептуальные характеристики, являющиеся как национально-культурными, так и индивидуально-авторскими приращениями концепта «любовь».

Материалом для исследования послужили 7 текстов рок-композиций и 7 текстов поп-композиций, всего 44 контекста. Для выявления национально-культурных приращений концепта «любовь» в ходе сплошной выборки из фразеологических словарей, словарей пословиц было взято 59 фразеологизмов (48 единиц [5], 11 единиц [6]) и 32 пословицы [7].

По мнению Д.С. Лихачёва, «концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом, потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [1, с. 281]. Концепт содержит в себе понятийные признаки наряду с ментальным восприятием определенного предмета или явления.

В данной работе характеристики концепта «любовь» анализируются через образные парадигмы, представленные в текстах песен. Образ здесь рассматривается как реализация концепта (на таком соотношении образа и концепта делают акцент Т.В. Романова [2, с. 89–96] и Ж.Н. Маслова [3, с. 87–92]).

Анализ семантики фразеологических единиц показал, что концепт «любовь» реализуется через синонимы «сердце растаяло», «придет по сердцу», «запасть в душу», «потерять голову», «свихнуться с ума», «покорять сердце», «побеждать сердце», «сердце рвётся из груди». В национальном сознании концепт «любовь» реализуется в следующих приращениях:

- 1) чувство, заставляющее человека лишаться рассудка («потерять голову», «голова вскружилась», «закрутить голову», «свихнуться с ума», «сводить с ума», «без ума»);
- 2) сильное, глубокое чувство («до глубины души», «душа в душу», «не чаять души», «всеми фибрами души», «на всю жизнь»);
- 3) свадьба как следствие любовных отношений («отдавать руку с сердцем, предлагать руку и сердце», «идти к венцу», «совет да любовь»);
- 4) любовь – огонь, страсть («горячее сердце», «сердце горит», «голова горит», «гореть желанием»);
- 5) чувство, приносящее страдание, боль («разбивать сердце», «до боли в сердце», «нож в сердце», «обломать сердце», «сердце рвётся пополам»);
- 6) чувство, заставляющее помнить кого-либо, думать о ком-либо («держат в думах», «держат в (на) мыслях», «не идет с ума»);
- 7) проявление чувств через физический контакт («вешаться на шею»);
- 8) разлука («как в море корабли»);
- 9) флирт, любовные похождения, интимные отношения («шуры (да) муры», «крутить любовь», «крутить роман»).

Анализ содержания пословиц позволил выявить следующие национально-культурные приращения концепта «любовь»:

- 1) любовь – высшая ценность («Нет ценности супротив любви»);
- 2) любовь – чувство, которое невозможно внушить, навязать («Насилу не быть милу. Насильно (Силою, всилу) мил не будешь», «Крестом любви не свяжешь», «Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет»);
- 3) любовь – чувство, возникающее на основании внешней привлекательности («Любовь начинается с глаз. Глазами влюбляются», «Коли не мил телом, не приробишься и делом»);
- 4) любовь – вечное чувство («Любовь – кольцо, а у кольца нет конца», «Старая любовь долго помнится. Люби да помни»);
- 5) любовь – чувство, заставляющее человека лишаться рассудка («Как увидал, так голова вкруг пошла», «Как увидал, так сам не свой стал»);
- 6) любовь – чувство, порождающее самоотверженность («Для милого не жаль потерять и многого», «Ради милого и себя не жаль. За милого и на себя поступлюсь»);
- 7) любовь – чувство, составным элементом которого является страсть («Сухая любовь (платоническая) только крушит»);
- 8) любовь – чувство, для которого нет препятствий («К милому и семь верст – не околица»).

На основании данных составленного фрагмента словаря образных парадигм и выявленных национально-культурных приращений можно сделать выводы о характеристиках концепта «любовь» в рассматриваемых нами рок- и поп-текстах.

В современных песнях представлено такое концептуальное приращение, как «любовь – огонь», которое является в основе своем национально-культурным, причем в рок-композициях такая концептуальная характеристика встречается чаще, чем в поп-музыке: «*Горел огонь, шли корабли / На обнаженные тела, / Стекала потоки любви*» [3]; «*Из искры вспыхнет пламя*» [4]; «*Когда в твоих глазах огонь, / Ты настолько красивая*» [7]; «*И мы сгорели на земле*» [3]; «*И смерти вопреки / Сгорают от любви*» [5]; «*Что всё перегорит внутри*» [10]; «*Прости меня, что остыла*» [10]; «*Я попробую остыть к тебе за его счёт*» [11].

Концепт «любовь» реализуется и через романтические метафорические в своей основе представления: «*Твой смех – подсолнухов букет*» [9], «*Твоя любовь в букетах роз*» [8], что является индивидуально-авторским приращением.

Такая именная парадигма, как «любовь – обман» также является индивидуально-авторской: «*В обман, который злые люди / Давным-давно назвали именем любовь*» [1]. В национально-культурном сознании любовь – это высшее чувство, для которого не характерны ложь, притворство. В поп-композициях, напротив, представлено следующее приращение: «Любовь – игра (играть в любовь)»: «*Пусть сегодня ты со мной поиграешь в любовь*» [13].

В поп-композициях концепт «любовь» реализуется в парадигме «любовь – выбор (выбирать)»: «*Любовь после тебя бывает, / Люди друг друга выбирают*» [10], что является индивидуально-авторским приращением (причем представлено оно только в поп-композициях), поскольку в национально-культурном сознании любовь представлена как чувство, которое невозможно навязать, внушить или выбрать.

Такое приращение, как «разлука», свойственно современной музыке и национально-культурному сознанию: «*Вмиг сошлись и разошлись, остались обещания*» [8]; «*До того, как ты уйдёшь, с тобой я прощаюсь*» [8].

В рок-текстах представлено и такое индивидуально-авторское приращение, как «неторопливая любовь»: «*Неторопливая любовь – / Так любят тигры своих жён*» [3].

Также в рок-текстах представлено приращение «любить/любовь наполовину», что является индивидуально-авторским: *«Перезаряжай, выстрели в спину / За то, что я любил тебя лишь наполовину»* [7].

«Вечная любовь» – приращение, являющееся как индивидуально-авторским, так и национально-культурным, представлено только в рок-текстах: *«За упокой души, / За вечную любовь!»* [5].

В рок- и поп-композициях концепт «любовь» реализуется через парадигму «любовь – страдание», что является как индивидуально-авторским, так и национально-культурным: *«Сколько ты плакала по ночам, / Сколько от боли в себе кричал»* [10]; *«Так иногда бывает больно, что даже лезвие ножа / Скользит почти что добровольно и вены режет не спеша»* [1].

«Любовь – смерть» – индивидуально-авторское приращение, представленное только в рок-композициях: *«Бессилие растит убийцу, / Я сам себя же убивал»* [6]; *«И вот ещё одна распята во имя проклятой любви»* [1]; *«И в гробовой тиши / Провозгласит он тост / За упокой души, / За вечную любовь!»* [5].

В современных рок- и поп-композициях не представлено такое приращение, как «свадьба – следствие любовных отношений», однако современные тексты содержат приращения «физические проявления любви», которые указаны в парадигме действий, логически производимых от именных парадигм (прижиматься, дарить (цветы), раздеть, обнимать): *«Прижмись ко мне в последний раз, / Твой запах до смерти родной»* [3]; *«Ведь сейчас пацаны просто так / без любви дарят дамам цветы»* [8]; *«Потрачу всё, чтобы тебя раздеть»* [12]; *«Девочкой своею ты меня назови, а потом обними, а потом обмани»* [13].

Итак, в рок и поп-текстах содержатся такие национально-культурные приращения концепта «любовь», как «огонь», «разлука», «вечная», «страдание», и индивидуально-авторские приращения: «обман», «выбор», «игра», «неторопливая», «любить/любовь наполовину», «смерть», а также романтические метафорические в своей основе представления и «физические проявления любви».

Библиографический список

1. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997.
2. Романова Т.В. Топоним Соловки в русском художественном публицистическом дискурсе: Образ? Понятие? Символ? Метафора? Культурема? Мифологема? Идеологема? Аксиологема? Концепт?// Мир русского слова. 2012. №3.
3. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: дис.... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011.
4. Карабут Е.В. Опыт словаря образных парадигм романсовых текстов XIX – начала XX в. Краснодар, 2001.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров М., 2001.
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова М., 2001.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1996.

Тексты песен Рок-композиции

- Иван Карпов – Любовь [1].
Би-2 ft. Юлия Чичерина – Мой рок-н-ролл [2].
Ночные Снайперы – неторопливая любовь [3].
Louna – С тобой [4].

Агата Кристи – Никогда [5].
Помни имя своё – Жестокость [6].
Три дня дождя – Перезаряди [7].

Поп-композиции

HammAli & Navai – А если это любовь? [8].
Алёна Швец – нелюбовь [9].
Artik & Asti – Любовь после тебя [10].
Mary Gu – Не влюбляйся [11].
Егор Крид – Потрачу [12].
Валерия – Часики [13].
Слава ft. Ирина Аллегрова – Первая любовь – любовь последняя [14].

*Б.С. Кабаньян, С.Р. Ерицян
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности семантики и употребления заимствованных лексем в различных контекстах СМИ. Анализируется семантика заимствований разных тематических групп (в сфере информатики, экономики и политики, в сфере культуры).

Ключевые слова: заимствование, иноязычная лексика, англицизмы, семантика, тексты СМИ, «Кубанские новости».

В современном мире усиление процессов глобализации и цифровизации приводят к тому, что во многие языки стремительно и активно проникают заимствования, как правило из английского языка. Под заимствованием понимают двусторонний языковой процесс: передача готовых элементов одним языком во владение другого языка и их освоение системой данного языка в результате взаимодействия народов и государств [5]. Причинами такого перехода могли послужить как экстралингвистические, так внутрилингвистические факторы. Распознать заимствованную лексическую единицу можно по семантическим и структурным признакам, а дифференцировать по универсальным и специальным классификациям.

Функционирование заимствований в языке наглядно отражают СМИ, откуда аудитория не только узнает о новом языковом пласте, но и имеет возможность черпать максимальное количество контекстов, чтобы погрузиться в семантику слова.

На сегодняшний день наиболее популярны заимствования в сфере информатики, рассмотрим некоторые из них.

1. Апгрейд: во многих источниках эта лексема имеет значение «обновление, модернизация программного обеспечения, аппаратуры»; «усовершенствование технического устройства», но данное слово уже прочно вошло в язык и расширило свою семантику. Сегодня «апгрейд» значит и улучшение, преобразование в целом и употребляется в других, самых различных областях.

Так, например, «ТАСС» в августе 2022 года публикует статью «*Песков посоветовал молодежи делать постоянный апгрейд своих знаний*», где рассматриваемая

лексема подана со значением «расширять, пополнять, совершенствовать». Всего за последний год в архиве издания найдено 46 материалов, в которых употребляется данное заимствование.

В архиве «Кубанских новостей» «апгрейд» встречается в 22 текстах. Среди них интересна статья об издании в Крыму словаря англицизмов «Говори по-русски», в конце которой в качестве примера даются русские синонимы некоторым заимствованиям. «*Апгрейд – обновление, улучшение*».

«Коммерсантъ» за последний год опубликовал 35 документов с данной лексемой. Особых оттенков значения не найдено, это все то же «улучшение, преобразование, преображение». Например, «технологический апгрейд», «апгрейд деталей», «апгрейд жилья». В качестве доказательства ассимиляции данного заимствования можно отметить встреченное в статье от 01.02.2023 года «*ССР должен повысить скорость подготовки документов*» словосочетание «масштабных апгрейдов», где выражена грамматическая категория множественного числа.

2. Онлайн: от английского «на линии», во многих источниках определяется как «действующий в режиме реального времени; подключенный к сети», лексема имеет синонимы «диалоговый, интерактивный». В СМИ является общеупотребительной лексемой.

В архиве «Кубанских новостей» это заимствование встречается в 1821 материале, более тысячи статей, со словом «онлайн» было опубликовано за последний год в «Коммерсанте» и «ТАСС». Новых значений не было обнаружено. Интересно, что пик употребления этой лексики пришелся на период пандемии, так как наиболее полно отражал социальную реальность того времени. Во многих статьях встречаются сложные имена существительные, частью которых является корень «онлайн», например, «*онлайн-площадка*»; «*онлайн-школа*»; «*онлайн-торговля*»; «*онлайн-кредитование*»; «*онлайн-среда*» и др. Данное заимствование прочно закрепилось в системе современного русского языка, чему также способствовала его безэквивалентность.

Рассмотрим заимствования в сфере экономики и политики.

1. Тендер: имеет значение «конкурентная форма отбора предложений на поставку товаров, оказание услуг, выполнение работ». Например, в «Кубанских новостях» есть такой контекст: «*сотрудничество с крупными компаниями – это всегда новые возможности: и новые контракты, и доступ к участию в тендерах*». Такая же семантика встречается в «Коммерсанте» и «Известиях». Особых оттенков значения в публикациях не обнаружено.

2. Дебаты: определяется как «дискуссия, прения, обмен мнениями, спор», «интеллектуальная игра с обсуждением спорных вопросов». Например, в одной из статей «Известий» пишут: «*Затем начнут дебаты с Советом Евросоюза по финальному тексту закона*»; всего в издании за последний год опубликовано 167 материалов с данной лексемой, 148 — в «Коммерсанте». В большей части проанализированных текстов СМИ данное заимствование употребляется в публикациях на политическую тему, встречаются такие словосочетания: «*политические дебаты*», «*предвыборные дебаты*», «*дебаты претендентов*». Но данная лексическая единица используется и в некоторых статьях на научную, социальную, экономическую и другие темы. Так, за последний год по запросу «дебаты» в архиве «Кубанских новостей» найдено 76 совпадений, где можно отметить такие примеры: «*школьные дебаты*»; «*педагогические дебаты*»; «*народные дебаты*». Встречается и производный от данного заимствования глагол «*дебатировать*».

3. Спикер: в проанализированных текстах средств массовой информации данное заимствование употребляется в нескольких значениях – «председатель палаты

парламента»; «тот, кто выступает, произносит речь, доклад на каком-либо мероприятии или в СМИ»; «уполномоченный публично выступать представитель какого-либо органа». В качестве производного слова в текстах встречается прилагательное «спикерский».

В архиве «Кубанских новостей» найдена 161 публикация. Рассматривая первое значение слова «спикер», можно обратиться к статье от 25.05.2023 года, где отмечено: *«Спикер Думы высказал идею без экзаменов принимать в медицинские вузы детей врачей, погибших от ковида».*

В архиве «Известий» за последний год найдено 2237 материалов, в которых употребляется слово «спикер». Например, в статье от 24.05.2023 года заимствование встречается во втором значении: *«Участники, спикеры и партнеры по итогам форума получили свой коммерческий результат».*

Более тысячи материалов с данной лексемой за последний год опубликовано в «Коммерсанте». В третьем значении заимствование «спикер» употребляется в статье от 15.03.2023 года: *«Участвовать в обсуждении будут спикеры из ПАО «Сбербанк», ПАО «Ростелеком», ФСБ и других организаций».*

Интенсивно заимствуются и слова из области культуры.

1. Хит: в проанализированных текстах средств массовой информации данное заимствование употребляется в нескольких значениях – «популярное в определенный период музыкальное произведение»; «то, что широко популярно, пользуется большим успехом и спросом»; «однократный просмотр сайта». В последнем значении заимствование в текстах рассмотренных периодических изданий не встречается.

В архиве газеты «Культура» найдено 294 публикации. Рассматривая первое значение слова «хит», можно обратиться к статье «Священные песни: 140 лет назад родился Александр Александров» от 13.04.2023 года, где отмечено: *«Свои главные, как сказали бы сейчас, хиты они исполняли с красивой торжественностью».*

В архиве «Кубанских новостей» за последний год найдено 273 материала, в которых употребляется слово «хит». Например, в статье от 02.03.2023 года заимствование встречается во втором значении: *«Хитом стали подарочные косметические наборы».*

Более пятисот материалов с данной лексемой за последний год опубликовано в «Коммерсанте».

«Хит» также встречается в текстах о кулинарии, моде, кино, театре и даже политике и экономике. Во многих статьях найдены сложные имена существительные, например, *«хит-парад».* Самым частотным является словосочетание «хит сезона».

2. Инсталляция: в словарях дается два значения – «композиция из предметов быта, изделий промышленности, объектов природы, фрагментов текста» и «установка компьютерной программы». В рассмотренных периодических изданиях контекстов со вторым значением не было обнаружено, что говорит о специализированном употреблении данного заимствования именно в сфере искусства и культуры. В словарях синонимов отмечены следующие лексические единицы: «композиция, представление, перформанс».

Так, в газете «Культура» сообщается о самых различных инсталляциях, например, «звуковая инсталляция»; «инсталляция книги»; «инсталляции из текстиля, гипса, глины, дерева, пряжи и фрагментов одежды».

Более двухсот контекстов с этим заимствованием найдено в архиве «Кубанских новостей» и «Коммерсанта». Новых оттенков значения не обнаружено, но можно отметить словообразовательные возможности лексической единицы. Так, в текстах

данных СМИ встречаются производные «инсталляционный», «инсталлятор», «город-инсталляция», «инсталлировать».

В результате анализа функционирования заимствований было обнаружено, что большинство лексических единиц имеют продуктивные словообразовательные модели, и успешно адаптировались к грамматической системе русского языка. Область употребления иноязычных единиц может со временем расширяться, так, многие лексемы используются в текстах СМИ разной тематики или приобретают переносные значения. Подводя итог, следует отметить, что заимствование — естественный и необходимый процесс, который обогащает лексический пласт языка.

Библиографический список

1. Известия. URL: <https://iz.ru/>
2. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/?from=logo>
3. Кубанские новости. URL: <https://kubnews.ru/>
4. Культура. URL: <https://portal-kultura.ru/>
5. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского языка. 30–90-е гг. XIX в. М., 1965
6. ТАСС. URL: <https://tass.ru/>

Ю.В. Кокора
*Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета
правосудия
Краснодар, Россия*

КОНЦЕПТ «МЕЧТА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН)

В данной статье рассматривается процесс влияния концепта «Мечта» на становление и развитие русской языковой картины мира. В качестве анализируемого материала нами были выбраны произведения русского фольклора с целью выделения ключевых семантических единиц, свойственных русской лингвокультуре. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что изучаемый в данной работе концепт принадлежит к числу базовых концептов, смысловые элементы которого следует изучать диахронно, с точки зрения их вербализации в разные периоды времени.

Ключевые слова: *концепт, фольклор, языковая картина мира, семантический элемент, смысловая единица.*

Концепт «Мечта» относится к категории абстрактных базовых концептов, аналог которому существует в большинстве языков мира. Однако семантическое содержимое аналогичных концептов будет разным, что обусловлено рядом культурно-исторических и лингвистических факторов: принадлежностью к определенной языковой семье, смешению языков в результате различных исторических событий, появлению новых лексических единиц, подразумевающих под собой обширное когнитивное пространство.

Главным инструментом построения когнитивного пространства является память. Именно она закладывает основы семантики и ассоциативного восприятия лексемы, возникающей в сознании людей, объединенных одной культурой [1, с. 90]. Объединение

смысловых элементов под общей номинантой способствует формированию «сгустка смыслов», т.е. концепта.

Предметом данного исследования является диахронное изучение развития концепта «Мечта» в народном сознании, а также его способность хранить приобретенные ранее оттенки смыслов. В русском языке рассматриваемый нами концепт обладает уникальной, самобытной концептосферой.

Происхождение и развитие культурно-ценностных смыслов концепта в народном сознании следует рассматривать последовательно, начиная с этимологического уровня. В русской лингвокультуре концепт «Мечта» восходит к старославянскому языку, в котором впервые появилась лексема «мъчѣтати», имевшая значения «миг», «видение» [4]. Постепенно концептосфера старославянского существительного начала пополняться новыми смысловыми элементами. В XII в. однокоренная глагольная лексема приобрела значение «являться», «показываться», производные смысловые оттенки которой сохранились в составе изучаемого нами концепта. В XIV-XV вв. концептосферу дополнили семантические единицы, синонимичные современным значениям «воображать», «представлять», «созерцать» [4]. Таким образом, среди семантических элементов, свойственных русской культуре на этимологическом уровне и закрепившихся в народном сознании, можно выделить следующие: миг, видение, иллюзия, грезы, воображение, представление, созерцание.

Рассмотрим процесс возникновения и закрепления данных семантических единиц в народном сознании на материале русских народных исторических песен.

Лирико-эпический жанр внес неоспоримый вклад в развитие изучаемого нами концепта и входящих в него смежных семантических единиц. Так как автор поэмы «Слово о полку Игореве» не известен, мы считаем вполне обоснованным отнести данное произведение к роду народного эпоса. Рассматриваемый нами отрывок «Плач Ярославны» отражает идею неосуществимости представляемого:

«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу...
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь» [5, с. 79].

Данный отрывок содержит в себе элемент метафоричности, когнитивно соотносимый с концептом «Мечта», так как передает субъективную интенцию и значение «неосуществимого желания», граничащего с безысходностью. Плач Ярославны – это олицетворение общенародного горя, метонимично изображенного на примере одной женщины.

Неосуществимость представляемого передается в данном отрывке также через обращение лирической героини к природным стихиям, что несет оттенок созерцательности, принадлежащий к изучаемой нами концептосфере. Также представленный выше фрагмент из поэмы передает неосуществимое желание Ярославны «обернуться кукушкой», что доказывает широкую применимость выделенных нами семантических признаков в лирико-эпическом жанре.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемый нами отрывок содержит три смысловых элемента, возникших в народном сознании в XII в. и хранящихся в составе концепта «Мечта» на протяжении веков. Данные элементы можно представить следующими лексемами: неосуществимое желание, неосуществимость представляемого, созерцание. Главным (по своей семантической составляющей) элементом является смысловая единица «неосуществимое желание», сохраняющая свою

доминантность в народных исторических песнях других эпох и входящая в ядро современного концепта «Мечта».

Доказательством сказанному выше является историческая песня «Полоняночка», повествующая о периоде ордынского владычества на Руси. Примечательным является тот факт, что данная песня описывает исторический период XIII в., между тем как приблизительным временем ее появления в русском фольклоре принято считать XVI в.

Историческая песня «Полоняночка» повествует о русской беглянке, стремящейся вернуться «К отцу к матери, к роду-племени, на святую Русь» [2, с. 161]. Приведенный ниже отрывок описывает разговор полонянки с переправщиком:

«Я за то плачу тебе пятьсот рублей, «...»
А еще мало покажется — ровно тысячу.
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу свой золот перстень
Самому перстню сметы нету-ка!» [2, с. 161].

Из данного фрагмента мы видим решимость девушки заплатить любую цену, чтобы вернуться в отчий дом. Мечта о родном доме, свободе соединяется с желанием отдать последнее, но вернуться в родные края. Есть лишь одно, чем полонянка не готова пожертвовать – собственной свободой. Бежавшая из плена девушка не согласна принять предложение переправщика стать его женой и вынуждена принять свою судьбу: слыша, что за ней бегут «два погонщика», она бросается в реку и тонет.

В данной исторической песне мы видим соединение двух концептуально важных для русского фольклора смысловых компонента: «неосуществимая мечта» и «мечта о свободе». В данном контексте доминантным компонентом является первый семантический элемент, несущий в себе трагичный смысловой оттенок, в результате которого второй семантический компонент также приобретает отрицательный коннотат.

Таким образом, мы видим, что смысловой компонент «неосуществимое желание» сохраняет свою целостность на протяжении столетий, что свидетельствует о преимуществах семантических элементов концепта, об их способности храниться в народном сознании и обретать вербализацию посредством культурно-значимых символов и смысловых категорий, формирующих концепт.

В результате выполненного нами концептуального анализа мы можем сформулировать следующие выводы:

1. Концепт «Мечта» является абстрактным базовым концептом, существующим в народном сознании с начала XII в.
2. Большинство смысловых элементов концепта «Мечта» не теряют своей семантической значимости и обладают способностью вербализации в разные периоды времени.
3. Диахронное рассмотрение смысловых элементов концепта «Мечта» позволило нам увидеть процесс пополнения концепта смысловыми единицами и выделить ключевой семантический элемент русского фольклора, принадлежащий к изучаемой концептосфере.

Библиографический список

1. Акимова Т. М. Семинарий по народному поэтическому творчеству. Саратов, 1959.
2. Былины, исторические песни, баллады. М., 2008.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Текст–дискурс–картина мира. Воронеж, 2005. Вып.1.
4. Словарь древнерусского языка. URL: https://old_russian.academic.ru/504/мьчтати
5. Слово о полку Игореве. Л., 1990.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОЩЕНИЕ» В ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются концептуальные признаки понятия «прощение» в православной культуре на материале трудов Святых Отцов, Священного Писания, русских философов и ученых.

Ключевые слова: *православная культура, концептуальные признаки, прощение, сострадание.*

Истинная христианская любовь, выражающаяся в сострадании и сорадовании, проявляется в терпеливом перенесении и прощении обид, которыми обусловлен мир с ближними [10, с. 554]. «Любовь долготерпит» (1 Кор. 13:4), «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21:19), «Будьте друг к другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 3:32) [7, с. 554].

Цель нашей статьи – выявить концептуальные признаки понятия «прощение» на материале трудов Святых Отцов, Священного Писания, русских философов, ученых.

Рассмотрим определения понятия «прощение» в различных словарях.

Так, в «Комплексном этико-культурологическом словаре русского языка...» читаем: «ПРОЩЕНИЕ – 1. Снятие вины, извинение. Полное (запоздалое) прощение. 2. Освобождение от какого-либо обязательства. Заслужить прощение. Просить прощение. Для греха есть прощение (З.Н. Гиппиус)» [3].

«Прощение – это такое состояние души, которое делает прощающего свободным человеком и избавляет его от постоянного ковыряния в собственных ранах» [3, с. 162–163].

В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина в «Русском толковом словаре» отмечают: «Прощать см. простить – 1. Не поставить в вину что-н., Простите меня, что обидел вас. 2. Что кому-чому. Освободить от какого-н. обязательства. Простить долг кому-н. Употр.: 1) как форма вежливости в знач.: прошу меня простить. Простите, я ошибся; 2) при вежливой просьбе, вопросе, обращении. Простите, как пройти на станцию? 3) как выражение протеста, несогласия. Нет уж, простите, я больше не намерен ждать! // несов. Прощать, прощая / к 1 и 2 знач.) // сущ. прощение, -я, ср (к 1 и 2 знач). Прошу прощения» [2, с. 572, 578].

В теологической литературе находим: «1. Проявление человеком милосердия, выражение нежелания мстить, держать обиду, таить злобу на совершенное им плохое деяние» [4]. В результате исследования текста Священного Писания и трудов Святых Отцов нами были выявлены следующие концептуальные признаки понятия «прощение»: «И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим» [4].

Христианин не должен помнить зла, но обязан от сердца прощать тем, которые согрешили перед ним [10, с. 830].

Важность прощения для человека: «Если ты, человек, не прощаешь всякого согрешившего против тебя, то не утруждай себя постом и молитвой. Бог не примет тебя» (Преп. Ефрем Сирий) [10, с. 834].

«Кто ради Бога для сохранения мира переносит жестокие слова человека грубого и неразумного, тот называется сыном мира и может стяжать мир в душе, теле и духе» [4, с. 835].

Простишь брата своего – Господь простит твои прегрешения. «Прости брата своего, если согрешил он против тебя, и Господь простит тебе прегрешения твои» (Преп. Ефрем Сирийский) [7, с. 136].

«От всего сердца станем прощать друг другу, потому что Бог сказал: Аминь, аминь говорю вам, если не будете отпускать друг другу от всего сердца прегрешений, то и Отец вам Небесный не отпустит вам прегрешений ваших (ср. Мф 6, 15). А мы иногда и трех раз в день не прощаем друг другу (преп. Ефрем Сирийский)» [8, с. 385–386].

Прощение – ведение ко спасению. «Прощение нередко ведет ко спасению, обуздывая обидчика стыдом, из состояния страха приводя его чувство любви и твердое благорасположение» (Св. Григорий Богослов) [6, с. 125].

Прощение людей, обижающих нас, есть уподобление Богу.

«Ничто так не уподобляет нас Богу, как то, когда мы прощаем людей злых, которые обижают нас» (Св. Иоанн Златоуст) [9, с. 227].

Прощение ближнему – совершенное прощение от Бога. «Человек, простивший своему ближнему, не может не получать совершенного прощения от Бога, потому что Бог несравненно человеколюбивее нас... (свт. Иоанн Златоуст)» [9, с. 325].

Враждующие и не примирившиеся в этой жизни найдут неуловимое осуждение в вечности. «У кого между собой вражда и отсутствует примирение в жизни, то найдут себе они неуловимое осуждение. И братоненавистники будут отосланы в тьму кромешную, как возненавидевшие Христа, сказавшего: любите друг друга, прощайте друг другу согрешения» (Преп. Ефрем Сирийский) [8, с. 27].

Русский религиозный философ и мыслитель И.А. Ильин был человеком религиозным. Как отмечают исследователи творчества этого выдающегося философа, его без преувеличения можно назвать «предвестником грядущей России» [1, с. 5].

В своих трудах И.А. Ильин уделял внимание и концепту «прощение».

Прощение грехов – в руках Господа. «Если то, что я должен простить – "грех", то прощение грехов – в руке Господа, у меня на это нет полномочий. А если вы – христиане, то я напоминаю вам о том, что Христос далеко не всем прощал грехи и далеко не всем грешникам обещал прощение. Если же то, что я должен прощать – нарушение закона или преступления, то здесь я тоже не компетентен. Мы, простые граждане государства, имеем лишь свои "мнения". Вы хотите, чтобы прикрыли нашими "мнениями" такие злодеяния, как клевета, разбой, убийство, осквернение детей, измену Родине, большевистское подстрекательство и т.п., чтобы мы с размягченным сердцем их прощали... Кто же вы тогда сами? И за кого вы принимаете нас? Ваша сентиментальная доктрина "всепрощения" – всего лишь нравственная попытка и моральное право» [1].

Леонардо да Винчи, большой знаток человеческих душ и свидетель предательства среди современников, однажды заметил: «Кто не наказывает зло, тот поощряет его» [1]. И он был прав: «прощение без предела равносильно предательству в великом деле» [1, с. 112].

Таким образом, концептуальные признаки понятия «прощение» в текстах Священного Писания, трудах Святых Отцов, русских философов и ученых таковы: «И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим» [6]. Важность прощения для человека: простить брата своего – Господь простит твои прегрешения; прощение – ведение ко спасению; прощение людей, обижающих нас, есть уподобление Богу; прощение ближнему – совершенное прощение от Бога; враждующие и не примирившиеся в этой жизни найдут неуловимое осуждение в вечности; прощение грехов – в руках Господа.

Библиографический список

1. Ильин И.А. Огни жизни. М., 2007.
2. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2001.
3. Намитокова Р.Ю. Предисловие // Комплексный этико-культурологический словарь русского языка для школ Республики Адыгея / под общ. ред. Р.Ю. Намитоковой. Майкоп, 2001.
4. Настольная книга священнослужителя: в 8 т. М., 1988. Т. 6.
5. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Аскетическая проповедь. СПб., 1905.
6. Творения Святого Отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского: в 4 ч. М., 1844. Ч. 3.
7. Творения Святого Отца нашего Ефрема Сирина. М., 1881. Ч. 2.
8. Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского: в 6 т. СПб., 1901. Т. 6
9. Шиманский Г.И. Нравственное богословие. Киев, 2010.
10. Azbuka. Ru//proshenie

И.Н. Пономаренко, С.Е. Соболев
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ)

Рассматривается репрезентация концепта «смерть» в русской языковой картине мира XIX в. В качестве материала для исследования выступают фразеологизмы и паремии, представленные в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Типологическое описание собранных единиц позволяет охарактеризовать представления о смерти в сознании народа.

Ключевые слова: *языковая картина мира, фразеология, паремиологический фонд, концепт, смерть.*

Национальная картина мира – это совокупность знаний об окружающей действительности, которая формируется в общественном и индивидуальном сознании. Она является продуктом культурно-исторического развития народа, отражает его самобытность, традиции, стереотипы и привычки. Национальная картина мира опосредуется в языке, словесности, национальные особенности фиксируются в письменном дискурсе и отображаются в речи народа, между языковой и национальной картинами мира существует тесная связь [1, с. 139]. Языковая картина мира, в свою очередь, складывается в результате концептуализации действительности.

Концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремических и т.д.). Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и сам влияет на нее [3, с. 40].

У каждого языка свой способ отражения мира, поэтому концептуальные картины народов могут существенно различаться. Однако, помимо индивидуальных, в лингвокультурологии выделяют так называемые общечеловеческие, или универсальные, концепты, которые встречаются в любой языковой картине мира. В них интерпретируются те явления и категории, с которыми знаком каждый человек, независимо от его национальной принадлежности (например, время, семья, жизнь, личность и т.д.).

Концепт «смерть» также относится к базовым универсальным концептам. Он занимает важное место в ряду ценностных понятий носителей русского языка. Народ в те или иные исторические периоды по-разному подходит к вопросу об определении сущности смерти, поэтому ее вербализация неоднозначна. Трактовка концепта «смерть» напрямую зависит от того, какой этап становления национальной картины мира анализируется. В настоящей работе данный концепт рассматривается как элемент русской культуры и языка XIX в. В рамках материала исследования выступают фразеологические и паремические единицы, включающие лексему *смерть*, собранные методом сплошной выборки из толкового словаря В.И. Даля.

Так, многие пословицы и поговорки отражают неизбежность смерти, ее неотвратимость: *смерть никого не минует; смерть не свой брат, разговаривать не станет; смерть дорогу сыщет; перед смертью не наживешься; смерть с костью сгложет; от смерти шоломом (шлемом) не закроешься; сколько ни живи, а умирать надобно; от смерти и под камнем не укроешься; смерть дело обычайное; смерть да жена – Богом суждена; смерть причину найдет; смерть беззачурное (или окладное) дело* (беззачурный – от чего нельзя зачураться, оградиться, избавиться; неизбежный, неминуемый, неотвратимый) и др.

В некоторых устойчивых сочетаниях смерть выступает как сила, перед которой равны абсолютно все: *на всех одна смерть; смерть голову откусит – всех поровняет; смерть никого не обойдет; царь и народ – все в землю пойдет; страхов много, а смерть одна*.

Часто в пословицах отображаются представления о том, что смерть справедлива: она может быть либо достойной, либо позорной. Все зависит от самого человека, его поступков и жизненного уклада: *смерть в бою дело Божье; злomu смерть, а добромu, воскресение; каково житье, такова и смерть; какова смерть, таковы и похороны; на миру и смерть красна; смерть злым, а добрым вечная память; одна смерть правдива; собачья смерть* (смерть без покаяния).

Каждому предначертан свой «смертный» час: *пришла смерть по бабу, не указывай на деда*. Однако никому неизвестно, когда он наступит. Целый пласт фразеологических и паремических единиц отображает внезапность смерти: *нежданная смерть – находка; легче всех нечаянная смерть; смерть нахрапом берет; смерть берет распахом; скорописная смерть* (скорописная – в народе внезапная, наглая, скоропостижная или напрасная).

Концепт «смерть» тесно связан с концептами «честь» и «грех»: *смерть лучше бесчестья; грех – не смех, когда смерть придет; кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает* и др.

Часть паремических единиц отражает страх смерти, который заставляет человека постоянно помнить о ней: *бойся Бога: смерть у порога; житейское делай, а смерть помни; живой смерти боится; бойся, не бойся, а смерть у порога; на смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь* и др.

Лишь немногие устойчивые выражения иронически окрашены: *от злой жены одна смерть спасает, да постриженье; у боярина семь дочерей: будет из них и смерть и*

жена; лучше смерть, нежели зол живот; хорошо ленивого по смерти посылать; смерть неминуемое дело, а к кабаку необходимый путь. У большей части выявленных единиц, отражающих исследуемый концепт, отмечаются трепет, тревога, благоговение и страх перед непостижимостью тайны смерти.

Смерть оттеняет скоротечность жизни, сетуя на неудержимость времени: *проморгнуть не успеешь, как смерть задушит; загадку жизни разрешает смерть; не на живот рождаемся, а на смерть; рубаха к телу близка, а смерть ближе; не спеши жить, придет смерть, скажешь: рано!; ум за морем, смерть за воротами; смерть не за горами, а за плечами* и др.

В словаре В.И. Даля собрано множество фразеологизмов, синонимичных лексеме *смерть*. Отчасти образная эвфемизация может свидетельствовать о табуированности самого слова. Семантический спектр данных единиц крайне разнообразен: одни отражают смерть как переход в другой мир (*исход души, отшествие от мира сего*), другие как предельную точку жизни человека (*гроб, могила, кон, кончина, предел жизни, последнее пристанище*), третьи как сон (*вечный сон, могильный сон, непробудный сон*). В некоторых она и вовсе предстает неким антропоморфным существом: *карачун, человечья смерть* (оборотень, олицетворяющий повальные болезни, чуму) и др.

Устойчивые единицы, обладающие культурно-национальной спецификой, – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [4, с. 9]. Таким образом, изучение их в диахроническом аспекте вносит определенный вклад в интерпретацию русской языковой картины мира. Продолжая наше исследование, мы собираемся сравнить репрезентацию концепта «смерть» в словаре В.И. Даля с единицами «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова советского периода и фразеологических словарей XXI в.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989. Т. 1–4.
3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 1997.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

И.В. Чернова
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ПРОСТРАНСТВО ОТЕЛЯ КАК ОДИН ИЗ БАЗОВЫХ КОМПОНЕНТОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ОТЕЛЬ»

В статье рассматривается процесс концептуализации понятия «отель» в романе А. Хейли «Отель» через анализ базовых компонентов его содержания, в частности, через анализ пространства отеля, актуализирующегося в романе посредством номинации его устройства, внешнего вида, внутренних помещений, номеров и основных служб, которые отражают индивидуально-авторское видение отеля, приобретающего дополнительные авторские значения в романе.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, художественный текст.

Вслед за В. А. Новосельцевой под концептуализацией мы понимаем появление у единиц различного уровня от слова до текста с его категориальными признаками объективных семантических приращений, развивающих значения слова, представленного в словаре, и субъективных, ассоциативно связанных с объективными приращениями [3]. В нашем исследовании мы также учитывали труды А.П. Бабушкина [1], В.В. Литвиновой [2], Е.А. Огневой [4], А.М. Прима [5], исследовавших процессы концептуализации на материалах художественных текстов.

Пространство отеля – это реальное замкнутое пространство, в котором оформляется и реализуется конкретная практическая деятельность субъектов, обеспечивающих внутригостиничную специфику. Отель «Сент-Грегори» представляет собой многоэтажное здание внушительных размеров, занимающее почти целый квартал, о чем мы узнаем из следующих примеров:

Like all sizable hotels, the St. Gregory pretended not to have a thirteenth floor, naming it the fourteenth instead. – Как и во всех больших отелях, в «Сент-Грегори» отсутствовал тринадцатый этаж: сразу за двенадцатым шел четырнадцатый.

Прилагательное *sizable* [of considerable size; fairly large] (ALED 2003: 1355) – «достаточно большой, внушительных размеров» подчеркивает величину здания, его монументальность.

Вот каким видит свой отель его владелец Уоррен Трент:

He had seen it grow from insignificance to prominence, from a modest initial building to a towering edifice occupying most of a city block. – На его глазах заурядная гостиница превратилась в знаменитый отель, из скромного здания она выросла в величественное строение, похожее на башню, занимающую почти целый квартал.

Отель предстает перед нами величественным сооружением – *edifice* [a large impressive building such as palace or a church] (ALED 2003: 450), воплощающим представление автора о том, как должен выглядеть храм гостеприимства. По своей архитектуре отель напоминает дворец или церковь, а внутренние помещения настолько велики и многочисленны, что для осваивания каждого уголка можно организовывать настоящие научно-исследовательские экспедиции.

Soon after his arrival at the St. Gregory, Peter set out to learn the geography and workings of the hotel, even to its remotest parts. In the course of one expedition he discovered the incinerator. – Питер решил познакомиться с «географией» отеля и работой всех служб, вплоть до самых отдаленных. В одну из своих очередных экспедиций по отелю он и обнаружил мусоросжигательную печь.

Лексика, связанная с исследовательской деятельностью, путешествиями и географическими открытиями (*expedition* [a long journey organized for a particular purpose, especially to a dangerous or distant place] (ALED 2003: 496) – «экспедиция», *discover* [to see, find, or become aware of (something) for the first time; to learn or find out (something surprising or unexpected)] (ALED 2003: 400) – «делать открытие», *geography* [the way that features such as rivers, mountains, towns, or streets are arranged within it] (ALED 2003: 604) – «география») помогает нам не только оценить размеры отеля, но и представить размах деятельности гостиничного предприятия, объем выполняемых им функций, которые необходимы для обеспечения качественного обслуживания гостей.

О масштабах отеля и количестве принимаемых им гостей можно судить и по тому, какая в отеле прачечная. Прачечная «Сент-Грегори», соединявшаяся с основным зданием широким подземным тоннелем, располагалась в старом окутанном паром двухэтажном доме.

The laundry, a bustling steamy province occupying an elderly two-story building of its own, was connected to the main St. Gregory structure by a wide basement tunnel.

Для такого большого отеля, как «Сент-Грегори», весьма закономерным представляется тот факт, что его прачечная может находиться в отдельном здании, но также обращает на себя внимание и то, что автор сам делает акцент на этой обособленности, употребляя выражение *of its own* [belonging to oneself and to no one else] (LDELC 2005: 997) – «принадлежащий только себе и больше никому», которое подчеркивает разобщенность, раздробленность важных частей отеля, отсутствие в них единства, необходимого для успешного функционирования предприятия.

Далее обратим внимание на прилагательное *elderly* [(of a person) old; quite old; past middle age] (LDELC 2005: 443) – «престарелый, пожилой», которое автор употребляет при описании дома, где находилась прачечная. Данное прилагательное используется только тогда, когда речь идет о человеке, достигшем престарелого возраста или дожившем до глубокой старости. Из этого следует, что, являясь примером олицетворения, прилагательное *elderly* наделяет этот дом, подобно человеку, одним из главных его свойств – возрастом, возможностью стареть, испытывая на себе все возрастные изменения, которые претерпевает человек, достигая преклонных лет. Возможно, что в свое время именно этот дом и был тем «скромным зданием», ставшим прародителем отеля «Сент-Грегори», который словно невидимыми для посторонних глаз узами был навеки связан со своим предком.

Наше внимание привлекает метафора *province* [a principal administrative division of a country or empire] (LDELC 2005: 1112) – «провинция», которую автор использует при номинации прачечной. Известно, что провинция – это территориальная, часто административная единица в пределах страны (государства) и если прачечная отеля – это его провинция, то сам отель становится государством, где служащие отеля являются постоянными жителями государства, а гости отеля – его временными резидентами.

Содержание исследуемого понятия дополняют наименования гостиничных номеров: *executive suite* – номер высшей категории для руководства отеля, *presidential suite* – президентский люкс, *owner's private suite* – личный номер-люкс руководителя отеля, *the managing director's suite* – офис/номер-люкс управляющего директора, *apartments* – апартаменты. Описанию апартаментов автор уделяет особое внимание, тщательно описывая самые роскошные из них. Практически все номера, упомянутые в романе, это номера категории люкс (a *suite* in a hotel or other public accommodation denotes a class of luxury accommodations, the key feature of which is multiple rooms), состоящие из трех и более жилых комнат (гостиной/столовой, кабинета и спальни) и предназначенные для размещения состоятельных клиентов. Данный факт подтверждает высокий статус отеля, его ориентацию на определенную клиентскую группу – влиятельных людей, чье положение в обществе требовало высококлассного приема и обслуживания.

Помимо номеров, предназначенных для проживания гостей, в отеле находилась и административная секция – *executive suite* [a collection of offices or rooms – or suite – used by top managers of a business – or executives. The oldest use of the term “executive suites” referred to the suite of offices on or near the top floor of a skyscraper where the top executives of a company worked, usually including at least the president or chief executive officer], в которой, согласно приведенному нами определению, располагались главный офис управляющего отелем, небольшой кабинет его личного секретаря и офис заместителя управляющего. По своей роскошности административные офисы не уступали интерьеру самых богатых номеров в отеле. Приведем следующий пример:

At ease behind the black marble-topped desk in the sumptuous managing director's office, he (Warren Trent) betrayed none of the irascibility so apparent the previous day. – Судя

в своем *роскошном кабинете* за столом с черной мраморной крышкой, он не выказывал и тени раздражительности, отличавшей его еще вчера.

Прилагательное *sumptuous* [grand and obviously very expensive; entailing great expense, as from choice materials, fine work, etc.; costly] (ALED 2003: 1452) – «роскошный» передает богатую обстановку комнаты, наполненной дорогостоящими вещами, такими, например, как стол с черной мраморной столешницей, за которым работал управляющий (Уоррен Трент), высокая ценность вещей бросалась в глаза.

Размеры номеров, их техническая оснащенность и великолепие интерьера воплощают образ богатого отеля, где созданы все условия для комфортного проживания постояльцев. Практически все номера в отеле – это номера высшей категории, выполненные в стиле изысканной роскоши, характерной для общества, почетные представители которого проживали в отеле.

Можно сделать вывод: автор пытается показать, что изначальное предназначение гостиницы с течением времени постепенно меняется, и из места для ночлега она превращается в дом, олицетворяющий социальный статус человека, его успех, материальное благополучие. И чем весомее положение человека в обществе, тем выше требования, которые он предъявляет к месту своего временного пребывания, полное соответствие этим запросам непременно сулит предприятию прибыль и процветание. Анализ пространства отеля – важный этап исследования концептуализации понятия «отель», выявляющий основные компоненты содержания исследуемого понятия, а также индивидуально авторские смыслы и концепты.

Библиографический список

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
2. Литвинова В.В. Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдбери: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009.
3. Новосельцева В.А. Концептуализация времени в русской фразеологии и художественных текстах (на материале произведений 40–80-х гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
4. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд., доп. М., 2013.
5. Прима А.М. Концептуализация понятия «гендер» в романе Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй»: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009.
6. ALED – Advanced Learner's English Dictionary. Great Britain: HarperCollins Publishers, 2003.
7. Hailey A. Hotel: A Bantam Book. New York, 1965.
8. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 2005.

*Дискурсивный континуум и дискретность форм существования текстов
различных типов*

*О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

**РЕГИОНАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ / НЕМАРКИРОВАННОСТЬ
УСТНЫХ РАССКАЗОВ-ВОСПОМИНАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ**

В статье с позиции региональной маркированности / немаркированности рассматриваются тематическое своеобразие и содержание устных рассказов-воспоминаний жителей Кубани.

Ключевые слова: кубанские говоры, устные рассказы-воспоминания, региональная маркированность, тема, диктум.

Многие диалектологические исследования последних десятилетий проводятся в русле антропоцентрической парадигмы, в силу чего внимание ученых направлено на рассмотрение особенностей функционирования русских говоров в тесной связи с их носителем – человеком. Накопленный в кубанской диалектологии языковой материал, в том числе собранный в диалектологических экспедициях 2005–2019 гг., позволяет приступить в его анализу с позиции коммуникативной диалектологии. Одно из ее направлений – изучение тематической специфики устных монологических текстов носителей говоров, среди которых значительный корпус составляют рассказы-воспоминания, или мемораты. Исследователями предлагаются различные критерии классификации тематического содержания диалектных меморатов (см. работы В.Е. Гольдина, О.Ю. Крючковой, О.П. Кормазиной, Ю.А. Косицыной и др.). Представляется, что с целью выявления регионального своеобразия картины мира сельского жителя, рассмотрения особенностей его мировидения целесообразна систематизация тематического разнообразия меморатов с учётом региональной маркированности / немаркированности. При этом под темой понимается обобщённый предмет речи, в роли которого выступают «факты окружающей <...> среды, намеренно выбранные говорящим, поскольку находятся в актуальной для адресанта позиции» [4, с. 34].

Записанные мемораты отличаются политематичностью, что имеет как внешние причины – коммуникативная устремленность диалектолога к получению содержательного, нарративно богатого материала, так и внутренние – полиэпизодичность, являющаяся «дифференциальным признаком воспоминаний–диалогических нарративов» [3, с. 124]. Безусловно, набор гипертем, объединяющих «разнородный тематический план одного текста» [5]), является «общечеловеческим», тождественным в меморатах представителей разных территорий. Прежде всего это темы, касающиеся личной жизни человека, а также исторически значимых событий, объединяющих людей разных регионов в социокультурную общность. Анализ исследовательских работ, выполненных на материале русских диалектов и региолектов, демонстрирует сходный набор гипертем-доминант, организующих тематическое пространство рассказов-воспоминаний: 1) «Рассказчик и его ближнее окружение»; 2) «Предки и родословная»; 3) «Образование, история и материальная культура родного

места»; 4) «Глобальные исторические события»; 5) «Народная духовная культура». Следует отметить, что смена гипертем в меморатах рассказчиков происходит не дискретно, зачастую они накладываются друг на друга, обнаруживая общие тематические зоны.

Указанные гипертемы имеют иерархическую структуру. Они включают темы и подтемы, которые в случае детализации и конкретизации могут состоять из общностей еще более низкой ступени иерархии – микротем. Именно на этих тематических уровнях и возможна систематизация меморатов на основании региональной маркированности / немаркированности. Следует отметить, что исследователями затрагивался вопрос выделения «местных» текстов. Так, лингвист О.П. Кормазина акцентирует внимание на нескольких «типичных темах, чаще других возникающих в воспоминаниях <...> жителей Приморского края» [3, с. 129], называя их «дальневосточными маркерами речи» информантов и справедливо считая ключевыми для записанных рассказов-воспоминаний, определяющими их региональную специфику.

Регионально маркированные темы отражают специфические для конкретного региона особенности материальной и духовной культуры. Поскольку исторически Кубань – это казачий край, в кубанских меморатах в рамках гипертемы «Образование, история и материальная культура родного места» территориально маркирована тема «Казачество», в которой можно выделить подтемы «Военный быт казака», «Земельные отношения в казачьих станицах», «Социальные отношения в казачьих станицах» и др. Подтема «Традиции и уклад казачьей семьи» одновременно развивает и отдельные аспекты гипертем «Рассказчик и его ближнее окружение» и «Народная духовная культура». Присутствие «казачьей» тематики в 50 % меморатов из 100 позволяет отнести её к наиболее частотной, это обусловлено тем, что многие информанты являются их потомками. См., напр., фрагменты меморатов: *А ногоро́днийи жы́лы на ду́жэ ниудо́бных миста́х... У шко́лу ходы́лы большынство́ каза́чих дитэ́й, ногоро́дним ни було́ до́ступа у шко́лу... Бидняко́в ногоро́дних ни допуска́лы к ба́рышням, дивча́там* (хут. Братский). *Ли́том уси́ жылы́ в стэпу́, у ка́ждого був свий пай, як каза́лы тоди́, – була́ своя́ цары́на* (ст-ца Старовеличковская).

Своеобразными маркерами регионально маркированной темы являются особые лексические единицы. Анализ собранного языкового материала позволил выявить следующие группы:

1. Диалектные слова. См., напр., фрагмент текста с существительным *пай*, *па́йка* «устар. основной земельный надел казака», относящимся к актуальным историзмам – «называющим уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т.п. устаревшим словам и фразеологическим единицам, для которых характерны частотность в рассказах о старине, соотнесённость с определённым историческим периодом и чёткая семантизация носителями диалекта» [2, с. 76]: *Дет мой ще тут жы́л. Булы́ у на́с и зе́мли – име́ли па́йку свою́ у стэпу́, и лошаде́й, и ха́ту, ниче́м ни нужда́лись. Ма́буть, лу́че самого́ царя́ жы́ли* (ст-ца Марьянская).

2. Литературные слова, номинирующие природные объекты Краснодарского края и отражающие особенности кубанской природы. См., напр.: *ерик, камыш, лиман, поле, степь* и др. Подобные лексемы характеризуются частотностью в речи местных и менее актуальны для жителей других регионов.

3. Локальные русские этнографизмы, «обозначающие предметы, характерные для определенной местности или для определенного сообщества людей (в нашем случае таковым является казачество в целом)» [1, с. 19]. См., напр., фрагмент, содержащий этнографизм *кубанка* «этно. невысокая папаха с плоским красным, синим или малиновым верхом»: *Казаки́ мно́га ваява́ли, далеко́ ад до́ма случа́лась быть, иде́ цэ́рквы не́ту.*

На ша'нку-куба'нку мали'лися. Каза'к, ма'буть, мать яво' зашива'е ико'нку туда', уну'брь, шо'бы мали'цца (ст-ца Тбилисская).

4. Топонимическая лексика, представляющая собой как официальные (Ахтанизовский лиман, Гуамка, Краснодар, Кубань и др.), так и местные названия географических объектов (Корено'вка, Ти'таровка, Успе'нка и др.), включая микропонимы – неофициальные названия, известные только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми небольшими объектами. См., напр., фрагмент мемората: *Жы'ли мы. Ха'тка така'я, ма'занка. Пасёлак был, где пе'ньказаво'т, где психбальни'ца. Был ху'тар. Мы на э'там ху'тари жы'ли. Вада' забрала' э'тат ху'тар. Вапце' нет йиво'. Мы ш пирие'хали сюда'. Ра'ньшы гавари'ли: Масква' и Линингра'т. Масква' – э'та где пе'ньказаво'т, канаплю' там абраба'тывали, где канто'ра, где фсё. А Линингра'т называ'лся про'ста, э'та жы'ли лю'ди, э'тат ху'тар* (ст-ца Удобная).

Анализ собранных меморатов позволил выделить и узколокальные микротемы, т. е. специфичные либо для отдельного населённого пункта, либо для близлежащих селений. Так, для станиц Курганинского района узколокальной в рамках темы «Обувь, которую носили раньше», входящей в гипертему «Образование, история и материальная культура родного места», является микротема «Асёрские калоши». См. фрагменты меморатов: *Ра'ньшы наси'ли асёрскии кало'шы. Их де'лали урме'йцы* (ст-ца Константиновская). *Асёрскии кало'шы ме'лкии* (ст-ца Родниковская). Ограниченность микротемы населёнными пунктами указанного района обусловлена тем, что на его территории в хут. Урмия компактно проживала этническая община ассирийцев, шивших обувь, которую жители района и называли *асёрские калоши*.

В координатах региональной маркированности / немаркированности можно рассматривать и фактическое, объективное содержание меморатов при развертывании темы, т. е. их диктум. При этом диктум может быть регионально маркированным и при реализации общей, свободной от территории темы. Проиллюстрируем это на примере темы «Семья, отношения в семье» в рамках гипертемы «Рассказчик и его ближнее окружение». Так, к регионально немаркированному относится диктум женских меморатов, в которых рассказчицы вспоминают, как муж «пил, бил, гулял». См., напр., фрагменты: *Ско'лько мужыко'в в стани'цэ ро'том забеле'ло (ро'том забеле'ть 'пьянствовать'), а в се'мьях одно' го'ре* (ст-ца Крыловская). – *Чёлови'ку моёму ничёго напро'тив ны скажы', кы'даицца, як скажэ'нный* (ст-ца Азовская). *Мужы'к мий ох ы бу'сорный був. Бив мэ'нэ и гуля'в по-чёрному* (ст-ца Батуриновская). *Мужы'к быв тако'й, шо протяга'л ру'кы. А в ху'тори так: е'сли дырэ'сся – сканда'л, лю'ды все зна'ют* (хут. Красный). – *Вин гуля'л як пёс, по вси'м двора'м хвосто'м виля'л* (ст-ца Бриньковская). *Ёму ничёго ны ну'жно: ны жы'нка, ны ди'ты! Ла'зэ скризь! Блудвэ'й прокля'тый* (ст-ца Гривенская).

Регионально маркированным становится развитие темы «Семья, отношения в семье», если акцент делается на особенностях взаимоотношений между мужем и женой именно в казачьей семье. Так, в традиционной кубанской семье казачка обязана была подчиняться и угождать мужу: *Прожыла' я, дивча'та, усю' жызнь пид ногтём* (ст-ца Старотитаровская). Она должна проявлять уважение к главе семьи, оставаясь в его тени. См. показательный отрывок из мемората: *По'мню, как ради'тили разгава'ривали: «Шли таки'и, и ана' прёцца папэ'рэди, а он вза'ди». Ну как-та ни при'нята так бы'ла. Каза'к, муци'на до'лжын итти' папэ'рэди* (ст-ца Пластуновская). В зафиксированных материалах нередко встречаются воспоминания об укладе казачьих семей, содержащие стереотипизированные микросценарии поведения женщины: *Када' каза'к подыйижжа'е, жына' должна' воро'та му'жу открыва'ть. – А если она не заметила, что он уже подъехал? – А хай выгляда'* (ст-ца Дядьковская). *Каза'чка му'жа*

пачи'тывала. Муш падъежжа'ить – ана' схва'тываицца, аткрыва'ить варата' (ст-ца Попутная). *Чёлови'к до ха'ты вырта'еция – на сти'л гото'втэ* (ст-ца Азовская).

Следует признать, что, в свою очередь, маркированная регионально тема может получить развитие регионально как маркированное, так и не маркированное. Например, приведенные отрывки из меморатов о взаимоотношениях мужа и жены можно рассматривать в рамках регионально маркированной микротемы «Отношения в казачьей семье». В таком случае фрагменты о том, как муж «пил, бил, гулял», характеризуются регионально не маркированным диктумом, в то время как содержание меморатов о подчиненном положении женщины в казачьей семье регионально маркировано.

Двойственность предложенной систематизации обусловлена дробностью иерархичности тематической сетки, которую ученый с учетом исследовательских целей «набрасывает» на рассказ-воспоминание.

Безусловно, релевантной частью диалектного дискурса являются мемораты, диктум которых помимо региональной маркированности характеризуется и типичностью, повторяясь с некоторыми вариациями в меморатах разных информантов. Такой типовой, повторяющийся регионально маркированный диктум по своей природе неоднороден. Одни тексты включают содержательные штампы и клише, обусловленные традицией, напр., региональной обрядовой. Так, в записанных нами воспоминаниях о свадьбе часто повторяется сюжет «Вождение журавля». Информанты из разных населённых пунктов Кубани рассказывают об обычае ходить по станице (хутору) ряжеными в последний день свадьбы, много шутить, петь песню «Такий, такой журавель», а также другие песни и славить молодую после брачной ночи. См., напр., фрагменты меморатов: *Адгуля'ли сва'дъбу – журавля' во'дють. Ря'жыныйи наряжа'юцца: па'рня наряжа'ют ниве'стай, де'фку наряжа'ют жынихо'м, ф'цыга'н наряжа'юцца. Я фсигда' наряжа'лась цыга'нкаю, кагда' журавля' вили'* (ст-ца Темиргоевская). *На фтаро'й день вади'ли журавля'. Сват и сва'ха абъявля'ли бисе'ди а че'сти ниве'сты. Привя'зывали кра'сный ласку'т к па'лки и шли с пе'сней а журавле' к свата'м* (ст-ца Тенгинская). *На втаро'й день журавля' во'дять. Пириадива'лись: кто в цыга'нях, кто ниве'ста ж жынихо'м, пато'м жу'рушку вади'ли, шуме'ли. Вили' па ули'цах жу'рушку, кто навстре'чу идёть, сто грамм налива'ють* (ст-ца Михайловская).

На появление типового, повторяющегося регионально маркированного диктума могут оказывать влияние и другие факторы, напр., обстоятельства жизни, общие для конкретного диалектного сообщества. См., напр., фрагменты меморатов о том, как шили постолы': *Постолы'... По'сли войны' ходы'ть бы'ло не в чем. Вот с тилёнка ко'жа, с поросёнка. Выриза'ють такэ', ишыва'ють, заты'гивають, туда' соло'му стэ'лють, и хо'дять в основно'м рэбя'та молоди'* (ст-ца Варениковская). *Го'ли, бо'си, у постала'х... Посталы' такы' шы'лы, ну от ис ко'жы, свино'й ко'жы... Як моро'с, оны' позмирза'юцца, а як грясъ – зна'чит поразла'зьяца. Му'ка была'* (хут. Мирный). *Бо'сыйи бы'ли. А е'сли заре'зали свинью', шку'ру снима'ли и с э'тай шку'ры шы'ли насталы'. Э'та тако'го ти'на: пиривя'зывали, а в ды'рочки шнур вдива'ли* (ст-ца Кубанская).

География зафиксированных меморатов с типовым диктумным содержанием достаточно широка. Между тем оно может быть и узколокальным, т. е. записанным в одном населённом пункте от разных информантов или в нескольких населённых пунктах одного района. Так, в ходе экспедиционного обследования Апшеронского района (2015 г.) в рассказах жителей разных станиц была зафиксирована повторяющаяся история о том, как люди во время голода спасались тем, что пекли лепёшки из плодов лесной груши – *грушаники*. При этом в других районах Краснодарского края, в том числе в тех, где есть лесные массивы (Лабинском, экспедиция 2013 г., Отрадненском, экспедиция 2014 г. районах), подобные воспоминания не зарегистрированы, хотя вопрос

о том, как выживали в голодное время, затрагивался постоянно. См., напр., фрагменты меморатов: *В лису' гру'шы сабира'ли, мало'ли их на мясару'пки и нимно'шка туда' кукуру'знай муки' дабавля'ли. Кукуру'зу сади'ли и дабавля'ли кукуру'знай муки'. И вот э'та пикли' липёшки, называ'лись груша'ники. Вот эта я по'мню* (ст-ца Лесогорская). *Мы ицо' вот чем пита'лись. В лису' гру'шки, о'чинь мно'га бы'ла. Сабира'лы, харо'шыи такы'и бы'ли, лёжаньи. Харо'шыи, спе'лыи-спе'лыи гру'шы. Пато'м их распа'рывали у пе'чки. И тада' на мясару'пки, у каво' есть мисару'пка, у каво' нима' – талку'шкай, и чуть-чуть муки'чки, паваля'им, паваля'им, и называ'лись груша'ники. Или картапля'ники. Карто'шку то'чна так жы чуть-чуть в муке' паваля'им. Картапля'ники. Из карто'шки. А з груш – груша'ники. Э'та вро'ди как хлеп вро'ди* (ст-ца Ширванская).

Таким образом, с позиции региональной маркированности / немаркированности можно рассматривать как тематику меморатов, так и их диктумное содержание. Выявление регионально маркированных тем, имеющих иерархическую структуру, и регионально маркированного диктума, в том числе типового, повторяющегося, позволяет максимально раскрыть отражённое в меморатах локальное своеобразие жизни и сознания сельских жителей определенной территории, составляющее специфику диалектного меморатного дискурса.

Библиографический список

1. Борисова О.Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.
2. Борисова О.Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2019.
3. Кормазина О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2016.
4. Косицына Ю.В. Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
5. Хорошая речь: коллективная монография / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001.

С.Г. Буданова, А.И. Петрова
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

МОСКВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И РЭП-ТЕКСТОВ)

В статье предпринят анализ репрезентантов концепта «Москва» в паремиологических единицах и рэп-текстах с целью выявления национально-культурной специфики данного концепта в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: *концепт, русская языковая картина мира, паремия, концепт «Москва», рэп-текст, рэп-дискурс.*

Город – социальный организм, включенный в экономическую, политическую и духовную жизнь общества, «мыслительный конструкт» и «ментальный образ» [3, с. 45], т.е. город отражается в сознании социума и каждого человека. Так возникает концепт

«город», а создание новых концепций в сфере его репрезентации, изучение приращенных значений данного понятия, новые подходы к его описанию, выявление национально-культурной специфики концепта «город» является актуальным и теоретически значимым.

В данном исследовании как основной нами избран интегративный подход к описанию концепта, учитывающий когнитивные и лингвокультурные его характеристики. Концепт «мы», вслед за В. И. Карасиком и Г. Г. Слышкиным, определим как «условную многомерную ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры, в связи с принадлежностью к сознанию, детерминированностью культурой и опредмечиванием в языке» [2, с. 76].

Город является объектом исследований многочисленных научных дисциплин (экологии, урбанистики, социологии, психологии, философии). Образ города находит свое воплощение в художественной литературе, а концепт «город» изучается лингвистикой. Попробуем разобраться, что представляет собой город в русской языковой картине мира, рассмотрев особенности репрезентации данного концепта в паремиологических единицах русского языка, в которых показаны традиционные репрезентации концепта «Москва» (по трехтомному словарю В. И. Даля [1]), в сравнении с текстами современных рэп-исполнителей (тексты Басты, ST, объединения Centr, Смоки Мо), демонстрирующими приращенные значения концепта.

И в паремиологических единицах, и в рэп-текстах ключевое место занимает город Москва как репрезентант концепта «город». Москва абсолютно точно представляется столицей, центром страны, диктующим нормы и правила провинциальным городам. Но при этом в паремиологических единицах Москва является местом, хранящим национальное самосознание русского человека.

Вместе с тем внутри данной группы паремиологических единиц мы можем выделить разную коннотацию. Москва представляется как мать русских городов, место невероятной красоты, богатое праздниками, ритуалами и, что немаловажно, обитель самых красивых невест. Так, положительную окраску Москва имеет в следующих единицах: «*Москва всем городам мать*»; «*Кто в Москве не бывал, красоты не видал*»; «*Славится Москва невестами, колоколами, да калачами*»; «*В Москве каждый день праздник (по множеству церквей)*»; «*Москва слезам не верит*» [1].

Негативно окрашенной Москва оказывается в следующих поговорках: «*Московские люди землю сеют рожью, а живут ложью (старин.)*»; «*В Москву идти – голову нести (старин.)*»; «*В Москве все найдешь, кроме птичьего молока*»; «*В Москве все найдешь, кроме родного отца да матери*»; «*В Москве недорода, хлебу не бывает*»; «*Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а большие деревенского едят*»; «*Москва, что доска: спать широко, да кругом метет*»; «*Ой, Москва! – она бьет с носка. Бей в доску, поминай Москву!*» [1].

В них подчеркивается лживость населения Москвы, отсутствие родственных связей между людьми, что является странным и непонятным для жителей провинции, и неприветливость самого города как его индивидуальная особенность.

В поговорке «*Москва – кому мать, кому мачеха*» [1], на наш взгляд, отмечается важнейшая особенность столицы: кого-то она принимает, становится родным городом, а для кого-то так и остается чужой, неудобной и холодной. Эта особенность Москвы в настоящее время подчеркнута и в рэп-дискурсе.

Так, в тексте ST «*Девочка с периферии*» речь идет о девушке, приехавшей в столицу из провинции за большой любовью, но потерпевшей фиаско. В итоге перед нами: молодая мать-одиночка, единственным мужчиной в жизни которой стал ее сын. Перед

ней стоял выбор: вернуться в свой родной провинциальный город или принять правила столицы, чтобы суметь обеспечить ребенка и себя.

«Девочка с периферии не видела мир, / Но видела холод хрущевок, / В них холод квартир, в них сладкие сны / Под клетчатым мамином пледом...», «Девочка с периферии не знала любви, / Меня съёмные углы, она копила рубли, / Ее манили огни этой ночной Москвы...» [5], – именно такой нам представляется жизнь этой девушки, для которой Москва была городом мечты, а стала городом, в котором «мечты ее топтали ногами».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Москва здесь представляется явно «мачехой», поскольку весьма недружелюбно настроена к таким девушкам: им здесь разбивают сердца, оставляют одних, полностью пренебрегая их мечтами, целями и жизнями в целом.

«Матерью» героини, противопоставленной той самой «Москве-мачехе», является провинция – пространство, в котором у героини были мечты, возможность к чему-то стремиться, укутываться в «клетчатый мамин плед», ощущая тепло родного дома и любовь близких людей. В конечном счете огни Москвы превращаются из маяков, указывающих путь, манящих и зовущих за собой, в «огни этой ночной Москвы», а родной город, та самая провинция, представляется как «городок», т. е. что-то хорошее, доброе, наполненное лаской: *«Звонки от мамы, когда уже внук и жених / Приедут в их городок, чтоб стариков навестить...»* [5]. Но возвращение означает крах ее мечты.

В тексте «ГотеММосква» столицу Баста представляет так: *«Этот город как Сталин, этот город был спален / Этот город закладка, город в заплатках, город доставка...»* [6], *«Этот город сто лет не спал, он вечно вставлен»* [6], *«Это город скандалов, это город кидалова»* [6], *«Все дороги ведут в Москву, / Но эти дороги ведут через нос к инсульту...»* [6], *«Это город бесконечного рейва и подпольных тус: / Москва прётся на техно, утром прётся в вуз»* [6]. Мы видим, что здесь показана репрезентация концепта Москвы как города, тонущего в пороках, живущего в бешеном ритме, стирающего грани морального, обесценивающего цели и жизненные ориентиры людей, оказывающихся в нем.

В данном тексте важным является и его название – «ГотеММосква», в котором мы обнаруживаем контаминацию названий двух мегаполисов: Готема и Москвы. Готем-Сити – это вымышленный город, где происходит действие историй о Бэтмене. Расположен на Восточном побережье США. Он представляет собой мрачный мегаполис с гипертрофированными недостатками. Его прототипы – Нью-Йорк и Чикаго, а антипод – вымышленный город Метрополис, где живёт Супермен. То есть, выбирая такое название тексту, исполнитель подчеркивает недостатки и пороки Москвы, показывая ее сходство с Готемом. Выражает это исполнитель в строках: *«Никого не пожалеет этот голодный Готем / Он вдыхает наши жизни, выдыхает копоть / Этот город пророк, это город порока...»* [6].

В образе «матери» Москва предстает в тексте Басты «Москва»: *«Парни из провинции реализуют свои амбиции...»* [7]. Москва здесь – город возможностей, в котором лирический герой встречает единомышленников и таким образом обретает почву под ногами. Баста говорит: *«У меня Ростовская прописка в корке, но незаметно для себя я тут пустил корни»* [7], он подчеркивает свою принадлежность к провинции, нисколько ее не отрицает, но констатирует, что и в городе возможностей он уже ощущает себя своим, т. е. Москва принимает героя, как истинная «мать», не создавая ситуаций, в которых он будет чувствовать себя чужим.

Продолжается такая реализация концепта Москвы в рэп-творчестве коренных москвичей. В тексте объединения Centr «Город дорог» одну из частей исполняет Guf, истинный москвич и патриот своего города: *«А я тут: Садовое кольцо вокруг – вот, что*

мне нужно. / Я здесь, как обычно – скромно: / От Красной площади, пешочком и до дома... / После нормального движения в пять утра в воскресенье...» [4]. Гуф описывает пешую прогулку после бессонной ночи, и для него это привычная атмосфера, неотъемлемая часть его жизни. Ему нравится лицезреть здания, среди которых Собор Василия Блаженного, памятник Ленину – важные культурные локации; рад ощущать, «как асфальт под ногами сменяет брусчатку»; дома его ждет любимая девушка, и он счастлив, и неотъемлемая часть этого счастья – его родная Москва, которой он и посвящает свою партию текста: *«Я посвящаю строки этому городу, точнее, его центру, каждому метру...»* [4]. Исполнитель говорит о Москве как о родном городе, для него Москва – лучшее место на Земле, несмотря на ее недостатки. Метафорически она представлена той самой «матерью», потому что, как известно, родителей мы принимаем любыми.

Необходимо отметить, что в большом количестве текстов современных рэп-исполнителей Москва остается центром страны, диктующим нормы и правила провинциальным городам и абсолютно точно является местом, хранящим национальное самосознание русского человека, как это было выражено и в паремиологических единицах.

Необходимо уделить внимание репрезентации концепта «Москва» в тексте Басты «Москва», поскольку столица здесь остается в некотором смысле жестокой, непоколебимой перед человеческими слабостями, но уже оставляет возможность «подружиться» с собой: *«Москва, сожжённая дотла, ты до сих пор в пепле. / Те, кто тебя не смогли покорить, лезут в пекло. / Ставки слишком высоки, вес имеют только бренды. / Какой в тебе понт и каков твой рейтинг...»* [7], *«Сегодня ты первый, завтра о тебе никто не вспомнит – / Москва слезам не верит, не забывай свои корни, / Протянут руку, если имеют интерес...»* [7], *«Москва – все дороги ведут в мегаполис. / Билет на автобус, самолёт или поезд. / Сперва приспособиться к этому бешеному ритму, / Попасть в движуху, а там будет видно...»* [7]. Особенный интерес представляет вторичность процитированных нами строк: «Москва, сожженная дотла» – 1812 г., «Москва слезам не верит» – известный фильм, «Все дороги ведут в Москву» – известное выражение, благодаря прецедентности Баста создает образ Москвы, который уже давно сформирован и отражен в национальном сознании граждан страны. В жизни лирического героя данного текста Москва представляется городом, в котором ему повезло: *«Не знаю... наверное, мне реально повезло: / Я просто надеялся на себя и на своё музло, / Я здесь встретил здоровых людей, / Общность взглядов, помноженная на родство идей. / И пять лет в самом сердце матушки-столицы / Парни из провинции реализуют свои амбиции, / И нам есть чем гордиться...»* [7]. Герой по-прежнему осознает, что Москва – это город большого соблазна, что в его силах стереть человека в порошок, но он начинает осознавать Москву как второй дом, принимая ее недостатки и правила игры: *«Я был в Сочи, Париже, Пекине, Нью-Йорке, / Но Москва – это то, что по-особенному торкает... да... / У меня ростовская прописка в корке, / Но незаметно для себя я тут пустил корни: / Мы понаехали и понаоставались...»* [7], *«Я видел Москву, как притон или дурдом. / Видел ее, как юнец смотрит на первую любовь. / Помню, как со временем стал родным новый район, / И съёмная хата мне напомнила дом»* [7]. И к концу текста герой уже полностью погружен в ритм города, который вполне вписывается в его образ жизни: *«Я часто был слеп, и меня вёл поводырь, / Мне нравится твой безумный ритм moscowneversleep, / Мне по душе эти улицы, урбанистический стиль...»* [7].

Итак, проанализировав паремиологические единицы и рэп-тексты, мы выявили пару антиномий, появившихся в паремиях и перешедших в рэп-дискурс: 1) город

Москва: мать или мачеха; 2) положительный и отрицательный образ города. Таким образом, мы видим, что русская языковая картина мира, безусловно, обновляется, но даже в ее новых проявлениях (рэп-дискурсе) мы можем наблюдать преимущество и обращение к тем приращенным значениям концептов, которые были реализованы в паремиологических единицах.

Библиографический список

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994.
2. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Архангельск, 1997. Вып. 2. С. 156–158.
3. Самситова Л. Х. Сущность и специфика культурных концептов в языковой картине мира // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, №3(1). С. 1529–1532.
4. Текст Centr «Город дорог». URL: <https://genius.com/Centr-city-of-roads-lyrics>.
5. Текст ST «Девочка с периферии». URL: <https://teksty-pesenok.ru/st/tekst-pesni-devochka-s-periferii-feat-alek/5249198/>.
6. Текст Басты «ГотеММосква». URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/basta/1064446>
7. Текст Басты «Москва». URL: <https://genius.com/Bastamoscow-lyrics>.

*С. Г. Буданова, А. Н. Ткаченко
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

РОЛЬ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье рассматриваются выразительные свойства знаков препинания в публицистической сфере. Также подробно иллюстрируются приёмы воздействия на читательскую аудиторию посредством индивидуально-авторской пунктуации.

Ключевые слова: *пунктуация, восклицательный знак, тире, многоточие, индивидуально-авторская пунктуация, экспрессивная пунктуация, экспрессивные знаки препинания.*

В последние десятилетия пунктуация привлекает всё большее внимание. Изучаются пунктуационные нормы и их изменение, роль пунктуации в организации и восприятии текста, а также функционирование знаков препинания в тексте. Поскольку газеты и журналы в современном обществе имеют реальную возможность воздействовать на читательскую аудиторию, влиять на повседневную жизнь людей, то необходимо будет подробнее рассмотреть особенности языка в публицистике.

Для публицистического стиля характерен конструктивный принцип: чередование экспрессивности и стандарта. Экспрессивность рассматривается как обнаружение авторской индивидуальности, которая проявляется в эмоциях и чувствах. Стремление автора достичь максимальной выразительности становится мотивом поиска экспрессивных средств языка, способных произвести эмоциональный эффект и вызвать у читателя соответствующую реакцию.

Современная лингвистика диктует новый подход к пунктуации. Если раньше пунктуация рассматривалась только с формально-грамматической стороны, то теперь пунктуационные знаки всё чаще несут в себе экспрессивную функцию.

Под экспрессивностью понимается «такое свойство текста, которое передаёт смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление» [0].

Исходя из специфики знаков препинания как смысловых единиц, в публицистике выделяют две группы экспрессивных пунктуационных знаков: структурно-логические, эмотивные.

К структурно-логическим знакам препинания относятся запятая, точка с запятой, точка, вопросительный знак и двоеточие. Они выражают логическое развитие мысли и реализуют своё значение в пределах структуры, в основе которой лежит тематическое членение предложения.

Эмотивные знаки препинания – восклицательный знак, многоточие, кавычки, тире – отражают в письменной речи эмотивные реакции пишущего и проявляют своё значение в коннотациях.

Подробно остановимся именно на таких экспрессивных знаках препинания, как тире, многоточие и восклицательный знак, и посмотрим, каковы их функции именно в публицистическом контексте.

Тире – многофункциональный знак в русском языке. Н. С. Валгина утверждает, что диапазон употребления тире действительно широк: во-первых, это фиксатор всевозможных «грамматических» пропусков, тире заполняет эти пустые места; во-вторых, тире при отсутствии специальных лексико-грамматических средств выражения (при бессоюзии) способствует передаче на письме особых смысловых отношений; в-третьих, тире служит с целью создания эмоционально-экспрессивных качеств речи [0].

В публицистике часто тире становится знаком логического завершения высказывания и одновременно знаком присоединения другой части. Так, в российской ежедневной общественно-политической и деловой газете «Известия» мы можем увидеть такой пример:

Так частенько мечтаю разбежаться и – взлететь, ощутить это потрясающее чувство полёта, выси (ноябрь, 2021 г.).

Здесь тире в качестве соединительного союза указывает на быстрый темп речи и восходящую интонацию высказывания (градацию).

Ненормированное употребление тире стало настолько массовым, что его ставят даже там, где, по сути, его не должно быть. Также в газете «Известия» мы можем заметить и такой пример:

Он сам – предприниматель и всегда внимательно присматривается к объявлениям (декабрь, 2021 г.).

Также в общероссийской еженедельной газете «Собеседник»:

Я – твой лучший и верный друг (октябрь, 2022 г.).

Согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации» В. В. Лопатина тире в данных примерах использоваться не должны. Подобные структуры с тире при подлежащем, выраженном личным местоимением, активны именно в газетном языке [0].

Ещё одним экспрессивным знаком является *многоточие*. В старину этот знак имел иное название – «отточие». В современной публицистике употребление многоточия

значительно расширилось. Как знак оно лишено «грамматичности», его позиции в составе предложения или целого текста непредсказуемы.

Многоточие способно подчеркнуть неожиданность высказывания, в каком-то плане его абсурдность:

Нужна ли учёному наука... («Литературная газета», октябрь, 2021 г.).

В данном примере мы можем заметить приём замещения: на месте многоточия, согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации», должен стоять вопросительный знак, но так как многоточие в публицистике целиком подчинено эмоциональной и содержательной стороне текста, то здесь вполне будет уместно многоточие.

В газетных заголовках многоточие может стоять не только в конце высказывания (постпозиция), но и в начале (препозиция) или в середине (интерпозиция):

...Тем приятнее победа («Собеседник», апрель, 2022 г.).

Разнообразие... по стандарту («Правда», сентябрь, 2021 г.).

В данных примерах видно, что многоточие может подчёркивать алогизмы, указывать на подтекстное содержание, неожиданность и содержательную неоправданность сочетания каких-либо слов.

Также рассмотрим ещё один экспрессивный знак – *восклицательный знак*. Изначально этот знак назывался «удивительным».

Кроме общеизвестных функций восклицательного знака (функции завершения и функции интонации сообщения), в публицистике он употребляется после предложений, которые по своей эмоциональной окраске не являются восклицательными. В таких случаях восклицательный знак указывает на особое, чаще всего ироническое отношение к содержанию высказывания. Подобный пример мы можем заметить в «Российской газете»:

Он создавал для нас радугу. Радугу! Ха! Это очень мило! (август, 2021 г.).

В публицистике, а именно в заголовках газет, широко распространено сочетание шрифтовых выделений и знаков препинания для обозначений отдельных фраз, слов или слогов с целью актуализации дополнительных смыслов. Например, в «Российской газете» в одной из рекламных объявлений канцелярских товаров видим:

Цены класс! ные («Российская газета», октябрь, 2022 г.).

Такое сочетание шрифтовых выделений и знаков препинания позволяет вычленить усечённую разговорную конструкцию – «класс», характерную для речи целевой аудитории данной рекламы.

Подобные сочетание встречаем и в других газетных заголовках:

Распродано! жа («Вечерняя Москва», август, 2022 г.).

В данном заголовке об объявлении распродажи обуви слово «да» может рассматриваться как эмоциональный призыв к обязательной и благовременной покупке обуви.

Таким образом, рассмотрев классификации знаков препинания, их экспрессивные функции и особенности использования в публицистических текстах, можно прийти к выводу, что различные средства пунктуации способствуют реализации основной цели: воздействовать на читателя через передачу новой информации. Знаки препинания служат для оформления авторской мысли и передачи различных экспрессивных оттенков, отражающих в письменной речи эмотивные реакции автора.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // Герценовские чтения: межвуз. конф. Л., 1970. С. 87–90.
2. Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М., 1979. С. 11.
3. Коньков В. И. Речевая структура газетного текста. СПб., 1995.
4. Лопатин В. В. Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник. М., 2007.
5. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учеб. пособие. Минск, 1997.

*Б.Г. Вульфович
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРОВОЦИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ (В КОНТЕКСТЕ СВО НА УКРАИНЕ)

В статье рассматриваются лингвистические способы провоцирования конфликтов в интернет-комментариях в контексте СВО на Украине. На фоне спецоперации наблюдается рост различного рода провокаций в интернет-пространстве, зачастую направленных на повышение уровня обеспокоенности населения в отношении происходящего на фронте, введение в заблуждение путем сообщения заведомо ложной информации провоцирование конфликтов между читателями и создание напряженной атмосферы в обществе. Вследствие сетевой анонимности провокация обычно остаётся безнаказанной, а конфликт обретает большие масштабы. Рассмотрены примеры из различных информационных сообществ, в комментариях к постам которых содержатся призывы и провокации к конфликту. Как правило, данные высказывания провоцируют довольно активную полемику.

Ключевые слова: комментарий, интернет-дискурс, конфликт, социальная сеть, СМИ, массмедиа.

В настоящее время интернет-комментарии приобретают всё больше имплицитных смыслов. Общение в Интернете давно выходит за рамки «вопрос-ответ», и нередки случаи, когда комментарии становятся интереснее, чем исходный материал, в отношении которого они написаны. Для нас представляют интерес комментарии, которые создаются по политическим материалам в СМИ, поскольку данная сфера всегда являлась центром притяжения для многих социальных групп, а Интернет способствовал появлению такой возможности, как комментирование какого-либо события политического мира или высказывания политика.

Комментарии создаются при определённой интенции, т.е. при анализе комментария прежде всего необходимо ответить на вопрос: «Какую цель преследовал создатель комментария?» Рассмотрим комментарии, которые непосредственно связаны с речевой агрессией, т.е. те комментарии, цель которых – разжигание конфликта или провокация того или иного действия, угодного его создателю.

Непосредственно изучение вопроса речевой агрессии в СМИ началось сравнительно недавно – в конце XX в. Результаты исследования отражены в работах таких ученых, как Е.Н. Басовская [1], Е.Ю. Булыгиной [2], Е.В. Кокориной [4], А.П. Сквородникова [7] и др., в которых рассматривалось влияние разговорной лексики в области публицистики.

С развитием Интернета характер коммуникации в Сети изменился: произошёл переход с одностороннего типа общения на двусторонний, благодаря чему пользователи получили возможность не только читать информацию, но и комментировать, а в некоторых случаях и дополнять её. «...На этом этапе развития Интернет становится максимально интерактивным за счёт того, что его контент создаётся не только профессионалами, но и самыми обычными пользователями» [5, с. 45–46]. Переход к интерактивности и более активному взаимодействию между пользователями также способствовал росту конфронтации между ними посредством интернет-комментариев к обсуждаемому контенту.

Свобода слова при составлении комментариев и практически полное отсутствие цензуры (за исключением тех сайтов, на которых проводится ручная или автоматическая модерация комментариев) начали приводить к полному уходу от каких-либо норм речевого поведения и этикета, что способствовало большему количеству агрессивных комментариев.

Несмотря на то что на многих сайтах дается описание правил комментирования, в которых упоминаются стандартные просьбы не употреблять обценную лексику, не оскорблять других участников, не подвергать никого расовой дискриминации и т.д., зачастую пользователи пренебрегают данными правилами, пользуясь вседозволенностью, свойственной виртуальному миру.

По мнению Г.Н. Трофимовой, «в виртуальном мире личность надевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, снимает психологические барьеры, высвобождает творческое “я”... при этом человек, надевший виртуальную маску, становится более агрессивным, оказывается настроен более негативно» [8, с. 175].

Сетевая анонимность способствует появлению суждения, что за слова не придётся держать ответ, вследствие чего психологический барьер снимается и, как правило, отрицательные мысли и идеи выходят на первый план.

«Представляется, что языковой материал интернет-коммуникации очень важен для психолингвистики и социолингвистики, так как спонтанная речевая деятельность, как лакмусовая бумажка, проявляет истинные настроения, господствующие в обществе. Правда, “минусом” является то, что анонимность не позволяет учесть такие факторы, как возраст, образование, социальное положение авторов комментариев» [6, с. 78].

Таким образом, «настроения, господствующие в обществе», являются лингвопрагматическим потенциалом интернет-комментариев, который мы рассмотрим на примере конфликтных комментариев.

«Поскольку комментарии в большинстве случаев пишутся спонтанно и под влиянием какой-либо амбиции, они обладают определённым лингвопрагматическим потенциалом, который при правильно проведённом анализе позволяет сделать выводы об отношении общественности (электората) к политику» [3, с. 85].

Для анализа были собраны комментарии, написанные к постам в телеграм-канале «Типичный Краснодар» (https://t.me/krd_tipich_ru), на котором освещаются различные события в городе Краснодаре. Как правило, реакция на них может быть неоднозначна. Канал имеет аудиторию более 141060 подписчиков. Тематика отобранных материалов разнообразна: светские события, новости города, различные новости из разных частей страны, чрезвычайные происшествия, преступления. Комментарии были отобраны

путём метода частичной выборки; внимание уделялось постам разной тематики с целью показать, что не только актуальные и вызывающие широкий общественный резонанс публикации могут быть использованы для создания речевой агрессии (во всех примерах авторская орфография сохранена).

В последнее время участились случаи написания комментариев ботами, причем это происходит систематически. Например, в посте, посвящённом летним пробкам в Горячем Ключе (<https://t.me/c/1162450256/917220>), находим комментарий, никак не относящийся к описываемому материалу: *«Тенденция лжи простым гражданам уже достигла своего максимума. Явным примером тому стало уничтожение всей авиации в Крыму из-за предателей, но нет, нам льют в уши, что все хорошо и потерь нет, а авиация вся исчезла потому, что кто-то покурил в неподобающем месте. Такой лапши на наших ушах еще не было...»*.

Несмотря на то что аккаунт, с которого был написан данный комментарий, удалён, сам текст остался под данным постом. Безусловно, комментарий составлен автоматическим путём, однако нас интересует его лингвопрагматическая сторона. Данное сообщение относится к взрыву склада с боеприпасами недалеко от аэропорта в Крыму. Следует отметить, что автор использованы слова с яркой отрицательной коннотацией: «тенденция лжи» – само слово «тенденция» намекает на продолжительное течение событий, т.е. автор комментария стремится сообщить читателю, что это уже якобы некий общепризнанный факт. Затем автор называет граждан «простыми». Безусловно, данное преуменьшение служит для того, чтобы противопоставить «непростых» представителей военного и политического аппарата и обычных людей. Здесь автор подменяет исходные понятия, поскольку «простых» граждан не существует – все люди какой-либо страны являются её гражданами. В данном случае слово «простые» провоцирует дальнейшие отрицательные эмоции читателя к происходящему и стремится пошатнуть его отношение к нему. Далее приводится ничем не обоснованный пример, в котором автор почему-то утверждает, что якобы знает, что произошло на самом деле. Само предложение на уровне синтаксиса составлено достаточно сложно, чтобы человек, при беглом прочтении уловил только поверхностный смысл, а не суть фразы: оно начинается с «явного примера» (эпитет «явный» усиливает эмоциональный посыл автора), противительные союзы «а» и «но» служат для того, чтобы сбить читателя с толку, смешать логические связи и донести до него только посыл автора. Если не принимать во внимание это сложное предложение, то у нас остаётся набор ключевых слов: «тенденция лжи, ложь простым гражданам, яркий пример, Крым, льют в уши, авиация исчезла, лапша на ушах, которой ещё не было». Таким образом, данный комментарий скорее всего был составлен при помощи лингвистов и направлен на внесение смуты среди читательской аудитории канала, а также на пробуждение недоверия с их стороны к официальным источникам информации. К сожалению, такие комментарии и аккаунты, с которых они пишутся, блокируются далеко не всегда и не сразу.

Однако любопытна и реакция подписчиков канала на данный комментарий. Некоторые не понимают, что это бот, и отвечать ему бессмысленно: *«Действительно, такой лапши, что ты тут строчишь, ещё не было. Свали из чата и свою лапшу забери»*. И хотя автор прав, такие комментарии желательно просто игнорировать.

Другим примером может служить следующий комментарий к этому же посту: *«Во дела, недавно в омске дом обрушился, а властям пофиг, жители давно говорили что он аварийный. самое печальное это то, что таких домов по всей россии около 40% и никто ничего не делает с этим, только цены повышают на недвижимость. сейчас жильцы дома остались без жилья, зато власти готовы вливать миллиарды рублей на*

восстановление Донбасса. Класс!!». Данный комментарий снова написан «не по теме» и, безусловно, направлен на дестабилизацию социальной обстановки среди населения. В начале комментария разговорное выражение «во дела», с одной стороны, придаёт автору комментария вид «своего человека» в лице народа, с другой – сразу повышает уровень экспрессии. Использование лексем «пофиг» также отличается отрицательной коннотацией, а сообщение о том, что около 40% домов в России являются аварийными, усиливает эту информацию. Автор противопоставляет оставшихся без жилья людей и деньги, потраченные на спецоперацию на Украине. При тщательном прочтении данный комментарий является абсурдным: неясно, почему именно Омск выбран в качестве примера, откуда появилась цифра «40%», и почему именно «миллиарды» уходят на СВО. Заключительное ироничное «класс» сочетается с начальным «во дела», придавая комментарию особую иронию. Как и в предыдущем комментарии, при беглом прочтении обыватель реагирует на ключевые слова: «дом обрушился, властям пофиг, аварийный, 40% цены завышают жильцы без жилья, миллиарды на Донбасс, класс». Таким образом, данный комментарий далёк от действительности, однако рассчитан на то, чтобы оказать влияние на менее внимательно читающую часть населения страны.

Один читатель ответил на данный комментарий: *«Кто вам сказал, что пофиг и не собираются возмещать ущерб? Там уже начались проверки разборки с фондами и почему решения суда не исполнили»*. Ответ объективен и достаточно правдоподобен, однако в данном случае автор комментария не понял, что сообщение составлено ботом и ответа на его комментарий не будет. В то же время другой читатель оказался более проникновенным: *«Это либо провокаторы, либо предатели. Сеют смуту и срач, волнуя безграмотных людей, которые потом в свою очередь сеют панику»*. В данном случае автор грамотно трактовал исходный посыл комментария и сделал правильный вывод.

Приведем ещё один пример подобного комментария: *«Последний период времени политика расходования средств в стране направлена все больше на Донбасс. Конечно, очень радостно, что у них отстроят новые города и районы, но почему наша инфраструктура не ремонтируется, а туда бабки утекают миллиардами? Где здравый рассудок в таких действиях?»*.

Как и предыдущие комментарии, он также составлен не по теме поста, под которым написан, и в нём полностью отсутствует здравый смысл, однако присутствует непростая синтаксическая структура с ключевыми словами-триггерами, на которые должен отреагировать читатель.

Прежде всего отметим контекстное использование слов. Слово «политика» может трактоваться по-разному: либо как система управления государством, либо как действия, проводимые для каких-либо целей. Поскольку политическая повестка дня в настоящее время упоминается очень часто, данное слово обладает дополнительной коннотацией. «Наша инфраструктура» – в данном словосочетании не ясен смысл использования слова «наша», поскольку не понятно, что автор имел в виду – город, страну или же ещё что-нибудь. Переход на сниженную лексику («бабки») использован для придания экспрессии комментарию и большему отождествлению автора с «народом». Его употребление похоже на «во дела» из предыдущего комментария. Риторический вопрос, поставленный в конце комментария, призывает читателей задуматься о здравом рассудке. Но при этом возникает вопрос, что понимать под таковым, если государство как раз старается одинаково заботиться о стране и уделять внимание всем регионам. Отбросив сложные конструкции, получаем следующие ключевые слова: политика, расходование средств, Донбасс, наша инфраструктура не ремонтируется, здравый смысл. Именно такой смысл хотел реализовать автор комментария.

На основании рассмотренных комментариев можно выделить следующие способы провоцирования в Интернете: отход от темы исходного поста путем вброса информации из совсем другой области, но при это затрагивающей личные амбиции потенциальных читателей; противопоставление «народ» – «власть», при этом народ всегда показан страдающей стороной; сопоставление «Донбасс» – «народ», которое создает иллюзию перераспределения траты всех имеющихся у государства средств на поддержку новых присоединенных территорий, в то время как народ должен быть лишен каких-либо социальных благ в их пользу. Более того, сама стилистика данных комментариев носит провокационный характер: риторические фигуры, гиперболлизация, метафоризация и другие стилистические средства используются для создания более ярко выраженного эмфатического эффекта.

Таким образом, комментарии, которые содержат в себе имплицитные способы провоцирования, которые при беглом прочтении действительно могут быть приняты читателями за данность. В основном суть таких провокаций – подменить существующую картину мира у читателя на ту, которая выгодна автору комментария. Данного эффекта можно избежать, если критически подходить к прочитанному, однако если судить по ответам на данные комментарии, становится очевидно, что далеко не все читатели так делают. Полагаем, что данные комментарии составляются людьми с лингвистическим образованием и служат для дестабилизации общественности. Смысл, который в них реализуется, на самом деле не представляет никакой значимости, и сами такие комментарии никакой смысловой нагрузки не несут; их необходимо игнорировать и блокировать аккаунты, с которых они поступают, на государственном уровне.

Библиографический список

1. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7.
2. Булыгина Е. Ю., Стексова Т. И. Проявление языковой агрессии в СМИ // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2000.
3. Вульфович Б.Г., Катермина В.В. Методика трехкомпонентного анализа лингвопрагматического потенциала интернет-комментария в политическом интернет-дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4.
4. Кокорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
5. Ляшева М. Н. Функционирование идеологем в современном развлекательном интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2019.
6. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. №3 (45). С. 77–81.
7. Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. Красноярск; Ачинск, 1997. Вып. 2.
8. Трофимова Г. Н. Особенности негативных тенденций в массовой коммуникации // Материалы X Междунар. конгресса Междунар. общества по прикладной психолингвистике. М., 2013.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В лингвистических исследованиях последних лет термин «дискурс» используется как метаязыковое обозначение различных объектов изучения речевых произведений или научного подхода, направленного на изучение речевой деятельности в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов. В статье осуществляется анализ дискурса как единицы высшего порядка, определяются принципы и признаки его структурного оформления.

Ключевые слова: дискурс, лингвистика, текст, структура.

В настоящее время содержание понятия *дискурса* в современной лингвистике не определено однозначно. Систематическое появление все новых подходов к его интерпретации не только не способствует снятию трудностей его толкования, но и приводит к полемике вокруг него.

Понятие *дискурс* в языковедческих работах в качестве лингвистического термина впервые было употреблено в статье «Дискурс-анализ» З. Харриса в 1952 г. и определялось следующим образом: «the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation» [11, с. 1] – очередность предложений, проговоренных или написанных одним или несколькими людьми в конкретной ситуации. Последующее распространение дискурсивного подхода за пределами лингвистики в таких областях научного знания, как философия, литературоведение, социология, педагогика, юриспруденция и т.д., обусловило междисциплинарный статус понятия и множественность его трактовок [6]. Множественность толкований термина и его появление в работах с разными дискурсивными тематиками не закрепили за ним общеупотребительного значения. Е.С. Кубрякова, например, связывает описанную ситуацию или с тем, что «формирование термина еще не завершено, или с тем, что следование моде сопровождается размыванием его первоначальных содержательных границ» [3, с. 113].

Сегодня понятие дискурса нуждается именно в том, чтобы перечислить его критериальные признаки с целью указать его отличия от тех понятий, несомненную близость с которыми он фактически разделяет, очертить границы между дискурсивными и недискурсивными явлениями, а главное, объяснить, почему «дискурс – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [8, с. 71], как то совершенно правильно подчеркнул Ю. С. Степанов.

Большинство общепризнанных интерпретаций дискурса отталкиваются либо от понятия речевой деятельности [12, с. 243], [9, с. 55], либо от понятия текста в рамках структурно-синтаксического подхода [1; 2]. Текст не включает паралингвистические составляющие сообщения, сам текст и его языковые элементы истолковываются читателем, опираясь на его социокультурный опыт.

Основанием для возникновения противоречивых трактовок дискурса, а также оппозиций **дискурс – текст** и **дискурс – речевая деятельность** является наличие процессуальной и материальной составляющих самой речи [10, с. 86]. По определению П. Серио, под дискурсом понимается высказывание, рассматриваемое с точки зрения «дискурсивного механизма, который им управляет» [7, с. 50]. То есть с точки зрения структурирования текста в языке он определяется как высказывание, а с точки зрения

условий воспроизведения (институциональных рамок – социальных, исторических, интеллектуальных) – как дискурс. Язык считается главным инструментом взаимодействия в человеческой жизни. «Коммуникативный дискурс – это своеобразное коммуникативное мышление и коммуникативное взаимодействие» [4, с. 294].

Г.Н. Манаенко утверждает, что вне зависимости от того, какой позиции придерживаться при интерпретации дискурса (текста, реализующегося в конкретных условиях, речевой практики или собственно речевого потока), специфика феномена состоит в его социальной и идеологической природе, обусловленной утвердившимися типами речевого взаимодействия участников какого-либо коллектива [5, с. 5]. Это не просто поток речевого общения как одной из сторон социального взаимодействия, но речевое поведение субъекта идеологии, ограниченное в своем проявлении конкретными обстоятельствами жизни человека в определенном социуме в хронологически очерченных рамках этапа его развития. Различные же трактовки дискурса обусловлены методологическими установками и теоретическими подходами к анализу феномена. Совместить объект рассмотрения и одновременно четко дифференцировать содержание существующих определений термина возможно, если рассматривать дискурс как вид речевой коммуникации во взаимосвязи с причинно-следственными отношениями разных социальных явлений, языковую деятельность в качестве средства его реализации, текст как форму воплощения. Таким образом, дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями наряду с утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику.

Библиографический список

1. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978.
2. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста. М., 1982. Вып. 2.
3. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М., 2012.
4. Курбатов В.И. Коммуникативный дискурс (понимание, интерпретация, смысловые границы коммуникативного взаимодействия) // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4.
5. Манаенко Г.Н. Языковая система текст – дискурс: категории и аспекты исследования: материалы Всерос. науч. Конф. Самара, 2003.
6. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М., 2009.
7. Серю П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930-е гг. М., 2001.
8. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке. XX в. // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
9. Формановская Н. И. Речевое общение и коммуникативное взаимодействие // Русская речь. 2014. № 4.
10. Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект от текста к дискурсу и обратно. СПб., 2011.
11. Harris Zellig S. Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 28. No. 1.
12. Van Dijk T. Principles of Critical Discourse Analysis / T. Dijk Van // The Handbook of Discourse Analysis. Cornwall, 2001.

**СПОРТИВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ
КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ЕДИНИЦА СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА (НА
МАТЕРИАЛЕ РЕПОРТАЖА
ПО БАСКЕТБОЛУ)**

В статье рассматривается спортивный комментарий как коммуникативная единица спортивного дискурса на материале репортажа по баскетболу. Цель работы – изучение спортивного комментария с точки зрения коммуникативной лингвистики. Для её достижения поставлены следующие задачи: описать характерные черты коммуникативных текстов спортивного комментария, вывить факторы, влияющие на восприятие информации адресатом. Методами исследования служат описательный, структурно-семантический, а также сравнительно-сопоставительный анализ текстов спортивного репортажа. В статье определена специфика функционирования спортивного комментария в процессе коммуникации и выявлены некоторые разновидности спортивного комментария как коммуникативной единицы, произведён анализ текстов авторских комментариев конкретных журналистов. Теоретическая значимость заключается в дальнейшей разработке теории речевой коммуникации, проявляющейся в устном спортивном дискурсе.

Ключевые слова: спортивный комментарий, коммуникативная единица, спортивный дискурс, спортивный комментатор.

В современной медиалингвистике особое положение занимает такой краткий импровизированный медийный текст, как спортивный комментарий (далее СК). Он неоднократно привлекал внимание многих учёных [2; 3; 6–9; 11; 12 и др.]. СК исследуется как самостоятельный ядерный жанр [6; 9 и др.] и элемент акта коммуникации [3].

В данной статье устный телевизионный СК рассматривается как коммуникативная единица (далее KE) спортивного дискурса (далее СД) на материале репортажа по баскетболу – «Чемпионат по баскетболу «ЦСКА – Локомотив-Кубань. Полуфинал. Матч № 7. Плей-офф 2023» от 02.05.2023. Комментаторы: Дмитрий Колинов, Максим Абрамов». Изучение СК как неотъемлемой KE СД требует структурно-семантического и коммуникативно-прагматического подходов. Лингвокультурный аспект – значимый экстралингвистический фактор формирования дискурсивной личности спортивного комментатора [8, с. 321].

Как считает Ф.И. Шарков, основная функция спортивного журналиста – обеспечение эффективной коммуникации «между спортивным событием (спортивным субъектом) и целевой аудиторией» [11, с. 25]. Для достижения своих целей любой спортивный комментатор должен выполнить ряд задач: следовать соответствующим требованиям к речи специалиста [5], в первую очередь точно излагать свои авторские намерения, делая СК общедоступным, понятным и интересным для восприятия адресатом.

Коммуникативный текст как вербализованный продукт коммуникации одновременно с тем является связным речевым произведением, имеющим свою структуру. Такой текст состоит из монологических или диалогических высказываний

либо представляет собой их сложное единство (монолог и диалог), а к его коммуникативным свойствам относятся «информативность, интенциональность, мотивированность, тематичность, ситуативность и межтекстуальность» [10, с. 213].

СК как коммуникативный текст публицистического стиля должен иметь ряд признаков: информативность, логичность, связность, структурированность, оценочность, лингвокреативность и др. На наш взгляд, именно СК, отличающийся данными чертами, может считаться идеальным.

В. И. Карасик выделяет две группы функций языка: прагматические (инструментальная и регуляторная) и матетические эмоциональные (интерактивная и персональная) и матетические рационально-логические (эвристическая, информативная, имагинативная) [4, с. 34]. Данные функции находят отражение и в определении коммуникативной роли обоих участников (адресант и адресат) такого речевого акта, как спортивное комментирование, которое бывает нескольких видов:

1. Аудиоряд. Слуховой СК нацелен на обзор спортивного события без возможности сослаться на транслируемые действия.

2. Видео- и аудиоряд. Реализация слухового СК в медийной речи подкрепляется «картинкой», позволяющей не только аудиально воспринимать передаваемую информацию, но и наблюдать за происходящим событием.

3. Текстовый комментарий. Функционирует в письменной речи и воспринимается только в условиях прочтения.

В условиях спонтанной импровизированной речи телевизионное комментирование как коммуникативный акт отличается остротой демократизации языка. В ходе анализа СК можно обнаружить, что процесс колебательности языковых единиц – постоянный признак СК как КЕ. На наш взгляд, каждому спортивному обозревателю необходимо видеть тонкую грань между позитивной и негативной демократизацией речи.

Безусловно, не каждый СК легко воспринимается и интерпретируется реципиентом спортивной речи. Это обусловлено не только «ораторским талантом» каждого отдельного спортивного медиатора, но и психо- и социолингвистическими способностями самого зрителя / слушателя. От того, насколько сформировано дискурсивное мышление как адресанта, так и адресата, зависит успех коммуникативных отношений.

Многообразие СК достигается посредством применения спортивными журналистами приёмов языковой и речевой выразительности. Также значимую роль для формирования СК как КЕ играет лексическое разнообразие (просторечия, лексика высокого стиля, заимствования, фразеологизмы, профессионализмы и др.) текстов, а также вариативность их коммуникативно-синтаксических (различные типы обще- и частноинформативных, обще- и частноверификативных [1] высказываний). Следует отметить, что формально-синтаксическая структура неразрывно связана с коммуникативно-синтаксической, где тема-рематическое членение СК можно считать средством выявления некоторых коммуникативных особенностей этой КЕ.

Далее представлены некоторые разновидности СК как КЕ, выявленные в ходе анализа текстов спортивного репортажа по баскетболу (11 СК):

1. Аналитический СК. Его основным отличием от всех остальных подвидов можно считать разностороннюю направленность текста, в котором не только рассматривается спортивное действие, но и акцентируется внимание слушателя / зрителя на деталях (им же автор СК придаёт оценочность).

Дмитрий Колинов: «ЦСКА имеет небольшое преимущество, потому что тот же Никита Курбанов является одним из самых титулованных игроков, а внутри ЦСКА тоже очень много людей, которые прошли через эти важные матчи».

2. СК, констатирующий факт. Специфика заключена в лаконичности, информативности и «авторской сдержанности» (в большинстве случаев).

Максим Абрамов: «ЦСКА уже проиграл три матча "Локомотиву", и вот сегодня решающая встреча».

3. Убеждающий СК. Главной целью автора такого комментария служит такой «поведенческий фактор», как стремление спортивного оратора доказать (доказательности) личную точку зрения

Дмитрий Колинов: «Непонятно, что окажет влияние сегодня, но уж точно можно быть уверенным, что Локо отдаст себя полностью на площадке».

4. СК – «приветствие». Будучи неотъемлемым элементом спортивного репортажа (далее СР), СК входит в состав частей его (СР) структуры, в которой обязательно содержится приветствие аудитории.

Дмитрий Колинов: «Друзья, приветствуем всех, кто присоединился к нашей трансляции. Это седьмой матч полуфинальной серии "ЦСКА – Локомотив-Кубань"».

5. СК-«прощание». Его функционирование в коммуникативном акте между спортивным комментатором и адресатом обусловлено теми же факторами, что определяют роль предыдущего подвида.

Максим Абрамов: «Дмитрий Колинов, Максим Абрамов для вас комментировали сегодняшней матч. Друзья, смотрите баскетбол, смотрите лигу ВТБ. Ну, а мы с вами обязательно ещё увидимся».

6. Обобщающий СК. В процессе трансляции каждый спортивный журналист прибегает к подведению итогов либо спортивного события в целом, либо какой-то его отдельной части.

Максим Абрамов: «103:100 – такой итог седьмого матча финальной серии, матча, в котором был овертайм, в котором "Локомотив-Кубань" был сразу без нескольких ключевых игроков: Джелена Барфорда, Девонте Кейкока...».

7. СК, выражающий авторские эмоции. Здесь стоит отметить значимость такого «человеческого фактора», как эмоциональный фон комментатора, влияющий непосредственным образом на коммуникативную установку СК.

Дмитрий Колинов: «Как приятно, что именно российские игроки "Локомотива" берут на себя инициативу на первых минутах, всё получается!».

Нередко в процессе общения между комментаторами-коллегами, освещающими спортивное событие, в диалогической речи реализуются и другие подвиды СК. Например:

– Максим Абрамов: «Да, при том, что баскетбольный матч длится 40 минут, но сегодня уже ошибаться нельзя, сегодня каждое набранное очко на счету» – СК-«согласие».

– Дмитрий Колинов: «Есть поверье, да, расскажи про это» – СК-«побуждение».

– Максим Абрамов: «Да, есть статистика: каждый матч, в котором Окаро Уайт набирает очки, "Локомотив-Кубань" побеждает» – СК-«пояснение».

– Дмитрий Колинов: «Да, Ливии Жан-Шарль здесь преследовал самого опасного атакующего игрока Локо, по ходу серии хотя бы» – СК-«дополнение».

Из рассмотренных примеров СК можно выделить следующие разновидности, в которых ярко выражаются авторские интенции: аналитический, констатирующий факт, обобщающий, убеждающий, выражающий авторские эмоции, «приветствие», «прощание», «пояснение», «согласие», «побуждение», «дополнение».

Таким образом, многообразие СК определяется рядом факторов: авторским намерением, структурно-семантическим строем высказываний, авторской субъективностью / объективностью и т.п. Исходя из этого, в ходе анализа СК можно выявить следующие особенности, определяющие его как КЕ: устанавливается контакт с

аудиторией слушателей / зрителей, выражаются личные чувства автора (эмоционально-эмотивная окрашенность речи); в каждом СК либо задаётся новая тема, либо развивается уже установленная; констатируются факты; анализируются всевозможные детали спортивного события; представляется личная точка зрения медиатора по поводу того или иного факта; автором СК применяются методы «словесного убеждения», а также побуждения к действию (анализу передаваемой информации и т.п.) адресата и др.

Каждый отдельный СК, будучи авторским произведением, отличается лингвокреативностью, новизной, а в некоторых ситуациях даже экставагантностью, что формирует коммуникативное многообразие таких КЕ, как СК.

Библиографический список

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
2. Гудков Д.Б. Спортивный комментарий как зеркало речевой революции // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 64–68.
3. Занозина В.В. Спортивный комментарий как элемент акта коммуникации // Rhema. Рема. 2014. № 3.
4. Карасик В.И. Моделирование функций языка // Язык и культура. 2022. № 58.
5. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 7-е изд. М., 2015.
6. Лягунова С.В. О лексико-стилистических особенностях в жанре спортивного комментария // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 3 (69), № 3.
7. Марков В.Т. Языковые особенности и логико-семантическое устройство текстов спортивного репортажа // Коммуникативные исследования. 2014. № 1.
8. Пак Л.Е. Концепт дискурсивной личности спортивного комментатора США и России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, №3 (28).
9. Рыжикова М.Д. Спортивный комментарий как жанр спонтанного дискурса (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). Филологические науки. Вып. 114.
10. Чичерина Ю.В. Текст как основа деятельности на иностранном языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 6.
11. Шарков Ф.И. Генезис коммуникативной функции спортивной журналистики (на примере России и Великобритании) // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 5.
12. Шевченко В.Д., Писарева А.Г. Специфика коммуникации в спортивном интернет-дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 2.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье исследуются особенности экономического дискурса, описаны признаки данного вида дискурса. Экономический дискурс рассматривается сквозь призму современных медитекстов, которые раскрывают его основной синтаксический потенциал. Обосновывается важность выделения экономического дискурса как одного из компонентов политического дискурса, занимающего особое положение в экономической науке и культуре. Данный материал помогает выявить важную роль экономического дискурса в сложном процессе познания изменений в экономической жизни социума.

Ключевые слова: *институциональный дискурс, медиатекст, экономический дискурс, синтаксический потенциал, экономика.*

В языкознании начала XXI в. особое место занимает такое явление, как дискурс. Большое количество ученых обращались к данному явлению, подчеркивая его важность, особенность и многогранность, но до сих пор до конца не изучены вопросы трактовки дискурса, поэтому следует подчеркнуть **актуальность** данного исследования. Изучению различных аспектов дискурса посвятили свои работы многие отечественные и зарубежные лингвисты: А. Кирбик, Дж. Филипс, Л. Безуглая, М. Макаров, В. Карасик, Р. Ходж, В. Лукьянец, В. Демьянков.

Материалом данного исследования послужили статьи ежедневной российской общественно-политической газеты «Московский комсомолец» за 2020–2023 гг.

С начала XXI в. многие лингвисты в качестве объекта исследовали лингвистические тексты экономического дискурса (Т. А. Евтушина, Е.О. Шибанова, А.П. Чудинов, Н.Ю. Бородулина, И.В. Мурудян). Наша цель состоит в исследовании экономического дискурса как отдельного вида институционального дискурса и компонента политического дискурса. В результате исследования необходимо решить следующие задачи: 1) охарактеризовать понятие «экономический дискурс»; 2) назвать признаки экономического дискурса; 3) исследовать синтаксические конструкции экономического дискурса на основе современных медиатекстов.

Дискурс понимается как коммуникативное явление, которое включает в себя кроме текста еще и экстралингвистические факторы [1, с. 3]. Дискурс подобен речи, которая находится в постоянном движении. Согласно В. И. Карасику, **дискурс** понимается как речь, деятельность участников общения, установление контакта, эмоциональный обмен данными, воздействие друг на друга [2, с. 5]. В лингвистике под **дискурсом** понимают связный текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как социальное действие, как компонент взаимодействия [3, с. 136–137].

Многие научные деятели выделяют следующие основные аспекты понимания **дискурса**: 1) текст для обозначения дискурса; 2) процесс, связанный с созданием речи; 3) речь, которая выше уровня предложения или словосочетания; 4) высказывания, объединенные одной целью; 5) средства беседы и мышления, как и жанры; 6) форма

речевого общения; 7) сложное коммуникативное событие; 8) социолингвистическая структура, созданная адресатом [4, с. 43].

В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова **экономика** – это хозяйственный уклад, хозяйство или наука, изучающая хозяйственную деятельность [5, 1399–1400]. Экономика языка – это область исследований на стыке экономики и социолингвистики, обусловленная общностью исследуемых объектов.

Язык – это основа коммуникаций представителей различных наук: экономики, истории, литературоведения, языкознания, политики. Язык экономической науки описывает экономическую действительность и предопределяет основные действия в ней [6, с. 7].

Экономика – это важная сфера общественной жизни, в которой осуществляется производство, обмен, распределение и потребление продуктов человеческой деятельности, формируется система производительных сил и экономических отношений между людьми [7, с. 380].

Исследовать экономический дискурс невозможно без изучения социума и индивидуальной личности. Данная тема интересна тем, что все процессы, происходящие в жизни человека, реализуются в жанрах экономического дискурса [8, с. 8].

Некоторые языковеды считают, это **экономический дискурс** – является неотъемлемая часть политического дискурса, потому что экономика и политика имеют определенные точки соприкосновения, неотделимы друг от друга (А.П. Чудинов); другие употребляют понятие «экономический дискурс» параллельно с понятием «бизнес-дискурс» (Е. Г. Петушинская).

Глобальные изменения в сфере экономики повлекли за собой изменения в языке СМИ. **Экономический дискурс** – это речевая деятельность в сфере экономики, речь политических деятелей, журналистов, профессионалов и непрофессионалов в сфере экономики. Современный мир диктует свои условия, поэтому процесс коммуникации характеризуется высокой скоростью. Периодические издания сообщают нам о событиях в мире, формируют отношение к ним и побуждают к оценке экономических процессов в стране.

Вопрос о выплате вкладов с советских сберкнижек регулярно поднимается в Госдуме [9]; Если считать напрямую, по паритету покупательской способности, то 1 советский рубль – это 300-400 нынешних [9].

Основные **признаки экономического дискурса**: 1) освещение событий в экономической жизни общества; 2) информирование о состоянии экономики; 3) формирование определенного отношения к различным изменениям и побуждение к определенным действиям; 4) создание экономических теорий; 5) исследование направлений развития экономики, а также уровня жизни населения.

Основная функция языка СМИ – влиять на адресата, поэтому большое значение имеет синтаксическое построение текста экономического дискурса. Для дискурса экономической публицистики характерны предложения со сложной структурой.

«Недоверие инвесторов к стабильности экономического положения холдинга и разочарование в успешной реализации его запланированных проектов в дальнейшем только росло: осенью 2021 года на Мосбирже были приостановлены торги всеми выпусками облигаций госкомпаний на сумму более 70 млрд рублей, после чего новая команда менеджеров начала переговоры с кредиторами о возможности реструктуризации долгов» [9].

Необходимо отметить, что объем синтаксических конструкций экономического дискурса достаточно велик, к ним можно отнести:

1) **вводные конструкции** с собственной **оценкой высказывания**; например: «А теперь Орешкин подтвердил это заявление на эмоциональном уровне. В общем, надо расслабиться и ничего не бояться. Наверху знают, что делают. **Прекрасная же гражданская позиция**» [9];

2) **членение единой структуры** на отдельные высказывания (парцелляция), помогает разделить экономический дискурс согласно замыслу: «Какое будущее ждет российский **автомобильный рынок**? Как обстоит ситуация с **импортом** в данном сегменте? Как именно изменятся **цены** на машины?» [9];

3) **неполные предложения**, чаще всего без глагола-сказуемого: «В русском сообществе в Анталье настоящая паника» [9];

4) **вставные конструкции**, которые используются в качестве **уточняющей информации**: «Учитывая, что рубль по отношению к лире падает, а цены в Турции растут, то **естественно**, что россиянам, которые получают доход в рублях, жить становится дороже» [9]; «Несмотря на столь резкое подорожание, **нельзя сказать**, что в Анталье жители в чем-то себя ограничивают» [9];

5) **конструкции с чужой речью**: «В античных музеях, где только один билет стоит **1200 рублей**, толпы туристов и местных жителей» [9]; «**Как сказал накануне Михаил Мишустин**, нового рекорда урожая не будет, но результат вполне высокий» [9];

6) **диалоговое общение**:

«← **Сколько это в современных российских реалиях?**

– Если считать напрямую, по паритету **покупательской способности**, то 1 советский рубль – это 300-400 нынешних» [9].

Указанные синтаксические конструкции используются достаточно часто в современных медиатекстах, они акцентируют внимание читателя на себе, тем самым выполняя функцию воздействия. Исследование экономического дискурса как компонента институционального дискурса имеет большое значение для реализации основных его функций, неотделимо от изучения политического дискурса, который определяет новые правила.

Библиографический список

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация М., 1989. 2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. –

3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998.

4. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 88.

5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 4.

6. Рогожникова В.Н. Язык современной экономической науки: подходы к изучению // Научные исследования экономического факультета. 2022. Т. 14, вып. 4.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

8. Томашевская К.В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.

9. Национальный корпус русского языка. URL: [https:// www.ruscorpora.ru](https://www.ruscorpora.ru).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЗАГОЛОВОК КАК СИЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ МЕДИАТЕКСТА

В статье на примере анализа университетских газет Кубанского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета рассматривается функциональная нагруженность заголовка. В медиатексте заголовок – это не только важная часть текста, но и средство выражения концептуальной позиции автора.

Ключевые слова: *заголовок, медиатекст, СМИ, учебные газеты.*

В современной коммуникации медиапространство определяется как совокупность источников, которые на профессиональной основе обеспечивают информацией людей и следуют закономерностям развития социальной системы [8]. Текстовая модальность является неотъемлемой частью публицистических материалов разных жанров.

Медиатекст – общий термин для именованя текстов массовой коммуникации. Многие ученые считают, что понятие «медиатекст» шире понятия «текст», так как оно выходит за пределы вербальной знаковой системы. Так, Алан Белл в своей книге «Approaches to Mass Media» отмечает, что понятие «медиатекст» включает визуальные образы, звуковые эффекты, музыку, голосовые качества, т. е. медиатексты отражают технологии, которые используются для их создания [4].

В аудиовизуальных текстах воздействовать на читателя намного проще. Ведущий радиийного или телевизионного эфира может имплицитно влиять на слушателя, используя темп повествования, мимику, тональность голоса, а также даже цветовое решение. К голосовому воздействию можно отнести «голос совести» или «веление сердца» – ситуация, когда поданная новость воздействует настолько сильно, что зритель полностью соглашается с оратором и готов ему доверять. Ярким примером такого способа коммуникации являются такие тележурналисты, как Владимир Соловьев, Дмитрий Киселев, Сергей Брилев (телеканал «Россия») и др. Посредством понижения и повышения голоса, создавая эффект элитарности информации, они удерживают внимание слушателя.

Изучение медийных текстов включает подходы и методы, которые используются для традиционного анализа текстов. Так, заголовок – это первая ступень общения читателя и автора, в нем заключается основная мысль текста, ключевая эмоция, которую материал вызывает у читателя. Как и в тексте статьи, так и в самом заголовке часто используются фразеологические единицы и идиоматические выражения, их роль заключается в оценке автора содержательной части статьи. Заголовок должен быть лаконичным, название статьи как отдельный микротекст может быть рассмотрен в качестве способа выражения авторского «Я» в тексте.

Читатель соотносит заголовок со смыслом текста. И в данном случае заголовок играет большую роль, эмоционально воздействуя на читателя, выполняя оценочно-экспрессивную функцию. Он имеет важное значение в организации языковых средств, благодаря чему восприятие текста становится проще. Иными словами, оно понимается как средство достижения целостности текста и оценивается как его сильная позиция. Заголовок делает чтение статей легче и в том случае, если он играет архитектурную

роль. Архитектоника в литературе обозначает общее построение произведения, композицию.

Среди функций, которые выполняет заголовок, можно выделить номинативную, рекламную, информативную, оценочно-экспрессивную и интегративную [3]. Сторонники традиционной системы функций заголовка включают в объем информационной функции волевое и эмоциональное воздействия на реципиента [1].

Заглавие текста также является важной частью авторской подачи. Статьи, в которые автор вкладывает собственное мнение и умело воздействует на читателя, могут быть не замечены, если заголовок не побуждает читателя остановиться и прочитать материал. Название материала – это первое, что видит читатель и зачастую интерес к тексту обусловлен тем, понравился ли заголовок. В случае, если он не привлекает, то текст с большой вероятностью останется непрочитанным.

Ярким примером, где автор не скупится на выражение эмоций при выборе заголовков, являются статьи главного редактора журнала «Родная Кубань» Ю. М. Павлова. При написании статей он позволяет себе дерзкие высказывания. Например, статья в газете «Завтра», посвященная интервью Дмитрия Быкова, озаглавлена: «Словесная диарея Дмитрия Быкова» [9]. Во всех статьях Юрий Михайлович уделяет большое внимание России и порицанию славянофобии. Так, 23 марта 2023 г. на сайте «Родной Кубани» вышел небольшой материал под названием «Русский ответ либералам» [7]. Увидев заголовок, можно понять позицию автора и сделать предположения о его мнении, которое он выразит в статье.

Другой пример – учебные СМИ как первая ступень профессиональной практики студентов факультета журналистики. У каждого университета есть своя газета и набор медиа, например радио, телевидение и социальные сети. Студенты под руководством преподавателей учатся писать материалы. Так, в газете «Линия», принадлежащей Высшей школе журналистики и массовой коммуникации при Санкт-Петербургском государственном университете, каждый номер уникален. Концепция издания заключается в том, что номер полностью создается студентами под руководством их кураторов. «Куратор – преподаватель СПбГУ Александра Литвинова. Номер подготовлен студентами группы 22.Б14-вжж.» [6]. Иными словами, студенты собираются в группу и создают номер с нуля, придумывая тематику выпуска, наполнение, подбирают иллюстрации и заголовки.

Например, в выпуске газеты «Линия» от 22 апреля 2022 г. появился материал под заголовком «От «кореша» до «рофла»: археология интернет-сленга» [5]. Над материалом работали сразу три журналиста Екатерина Ясева, Екатерина Чугуевская, Виктория Прилепо. Тема статьи – исследование интернет-сленга с 2009 г. по сей день. Студенты разделили этот временной промежуток на три этапа, выделив подзаголовки: «Для олдов: вспомним 2009–2015», «Сленг для самых хайповых», «Сленг TikTok'a: ловим вайб и рофлим».

Самое примечательное в данном материале, что девушки активно используют сленг. После каждого подзаголовка – стильное приветствие в духе времени. Например, «Всем приффки!», «Всем драгути!», «Всем хай!». Текст сопровождается активным использованием эмодзи при помощи пунктуационных знаков: «(-), (=), <3». Это способствует погружению читателя в атмосферу и облегчает восприятие. Авторы используют экспрессивную сленговую лексику, кричащие междометия «Ну и треш!», «Клево» и др.

В Кубанском государственном университете также издается корпоративная газета «Кубанский университет», студенты принимают участие исключительно в написании материалов, темы которых им выдаются или предлагаются выпускающим

редактором. Начинающие журналисты могут реализовать свои идеи, но они не должны выходить за пределы установленной тематики номера и концепции самой газеты.

В газете «Кубанский университет» в основной рубрике «События» вышел материал Дарьи Малашихиной «Олимпиада по финансовой грамотности» [8]. Из заголовка понятно, о чем пойдет речь. Студенты КубГУ, а именно команда «Акулы финансов», приняла участие в олимпиаде по финансовой грамотности. Команды экономического факультета заняли первое место, продолжая «тенденцию» побед уже пятый год. Читая статьи, можно сразу понять, что произошло, кто участвовал и где, но штамп в виде заглавия, стандартные речевые клише, которыми изобилует не только эта статья, но и многие материалы газеты, не цепляют и не задерживают внимания читателей.

Проведенное исследование показало, что заголовок является очень важной частью любого материала. Его главная задача – зацепить читателя и привлечь внимание к затронутой теме для реализации аттрактивной функции. Заголовки должны быть броскими, лаконичными, отражающими позицию автора, а также устанавливающими контакт между читателем и автором. Поэтому журналисты нового поколения должны осознать значимость заголовка как сильной позиции медийного текста, если ставят целью привлечение внимания читателя к своей статье.

Библиографический список

1. Бухарев Н. Е. Структурное развитие заголовков. Алма-Ата, 1971.
2. Евдокимов В. А. Информационное и медиапространство: соотношение понятий // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 4 (34).
3. Елисеева И. С. Экспликация авторской оценки в тексте газетно-журнальной статьи // Молодой ученый. 2021. № 50 (392).
4. Завацкая В. В. К определению понятия медиатекст // Вестник гуманитарного университета. Минск, 2020. №12.
5. URL: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1647254087_5553.pdf
6. URL: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1683040240_6827.pdf
7. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/ot-pervogo-litsa/ot-pervogo-litsa_15164.html
8. URL: https://www.kubsu.ru/sites/default/files/newspaper/kubgu_92.pdf
9. URL: https://zavtra.ru/blogs/slovesnaya_diareya_dmitriya_bikova

*А.Г. Рябинина
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «УЧИТЕЛЬ / ПРЕПОДАВАТЕЛЬ» ВО ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ

В статье проанализирован лингвокультурный типаж «учитель / преподаватель», репрезентированный во вторичных поликодовых текстах современной рекламы. Выявлены средства его актуализации в медийном дискурсе: прецедентные выражения, прецедентное имя, типичный образ, стандартная ситуация. Предложены примеры современных рекламных текстов с подробным анализом на вербальном, визуальном и аудиальном уровнях.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, стереотипизация, прецедентность, вторичный текст, рекламный текст, дискурс.

Вторичные поликодовые тексты современной рекламы часто включают стереотипизированные реалии, входящие в когнитивное пространство целевой аудитории и составляющие национальную картину мира русского человека. Одним из них является лингвокультурный типаж «учитель / преподаватель», который активно функционирует в рекламных текстах.

Под вторичным рекламным текстом понимается сложно организованное поликодовое произведение, которое восходит к одному или сразу к нескольким первичным текстам, с разной степенью полноты в нем реализуемых посредством сохранения плана выражения и / или плана содержания исходного(-ых) текста(-ов). Лингвокультурный типаж, функционирующий в рекламе, «представляет собой обобщенный тип личности, обладающей набором понятийных, образных и ценностных характеристик» [2, с. 5], «абстрактное ментальное образование», являющееся разновидностью концепта, «в котором акцентируется внимание на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры и на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [1, с. 5].

Цель настоящей работы заключается в выявлении особенностей репрезентации лингвокультурного типажа «учитель / преподаватель» во вторичных текстах современной рекламы.

Материалом исследования стали поликодовые рекламные тексты, которые строятся на основе вербальных, визуальных и аудиальных элементов, обусловлены ситуативной вторичностью. они отсылают к осенним праздникам (День знаний, День учителя), выходят в эфир с августа и транслируются до ноября, демонстрируют актуальные товары и услуги (школьная форма, спортивная одежда, канцелярские принадлежности, поиск репетитора и др.).

В результате проведенного анализа были выявлены следующие средства актуализации лингвокультурного типажа «учитель / преподаватель»: прецедентные выражения, прецедентное имя, стереотипный образ, стандартная ситуация. При этом в большинстве случаев наблюдается их контаминация для максимального воздействия на целевую аудиторию и полноценного воссоздания лингвокультурного типажа в языковом и сюжетно-образном аспектах.

Проанализируем рекламный анонс детективного телесериала «След»², в котором представлены стереотипный образ учителя, стандартная ситуация, касающаяся проведения педагогом родительского собрания, и прецедентное имя:

Учитель: Итак, с деньгами на новый скелет в кабинет биологии решили. Теперь домоводство. Скажите мне, пожалуйста, почему девочки приходят в фартуках с кокеткой? Что за выпендрож такой? Чтобы обязательно все девочки приходили в простых передниках из тефлона! Кстати, скоро мы будем строить выкройки, поэтому всем обязательно купить кальку на флизелине. Господи, да почему одни папаши-то пришли?! Где все мамы?

² Для просмотра анализируемых рекламных текстов можно перейти по ссылке <https://disk.yandex.ru/d/A2mOOa8FMQI3Qw>

Один из родителей: *Марья Ивановна, но кто же назначает родительское собрание на вечер буднего дня? На пятом – новые серии «Следа».*

Второй из родителей: *Все наши мамы перед телевизорами.*

Учитель (уходя в учительскую): *Как перед телевизорами? Ах!*

Завуч: *Опаздываем, Марья Ивановна.*

Речь учителя имеет учебно-назидательный и организационный характер, что отражается посредством тематики, связанной с обсуждением школьной формы («*почему девочки приходят в фартуках с кокеткой*», «*девочки приходили в простых передниках из тефлона*») и приобретением необходимых принадлежностей для работы на уроке («*скелет в кабинет биологии*», «*всем обязательно купить кальку на флизелине*»), функционирования вопросительных и восклицательных предложений, типичных для учебного дискурса лексических единиц, использующихся чаще всего в педагогической среде. Причем в видеоряд включен лингвокультурный типаж учителя, у которого не только стереотипный внешний вид (собранные волосы, очки, пиджак, блуза, длинная юбка, часы, папка-планшет) и соответствующая манера вести беседу (строгость, четкая дикция, сдержанная эмоциональность, жесты), но и типичные для русской национальной картины мира имя и отчество (*Марья Ивановна*), позволяющие установить профессиональную принадлежность персонажа без приращения дополнительных смыслов. Об этом свидетельствуют и фонетические особенности произношения обращения ([Мъриван:ъ]) персонажами с учетом особой редукции звуков. Важно заметить, что действие происходит в учебном кабинете биологии, где стоят парты, открыт журнал с оценками учащихся, на доске мелом сделаны записи «*11.00. До 10 числа сдать деньги!*», «*Сбор у метро Маяковская*», включен интерактивный экран с изображением этапов эволюции человека и установлены стенды с описанием жизни растений и животных. Во второй части видеоряда педагог прерывает собрание, так как торопится в учительскую, где собрались коллеги, и стереотипизированный персонаж в образе завуча или директора, сидящего во главе стола, произносит неодобрительную реплику («*Опаздываем, Марья Ивановна*»), которая является прецедентным выражением и свойственна педагогической сфере общения при иерархических отношениях. Образы педагогов-женщин разных возрастов и физрука-мужчины тоже узнаваемы посредством внешнего вида (очки, бусы, часы, строгая женская одежда, собранная прическа; спортивный костюм, футболка, короткая мужская стрижка, свисток) и поведения.

В качестве другого примера реализации лингвокультурного типажа «учитель / преподаватель» рассмотрим рекламу творожка «Чудо», текст которой напоминает проверку домашнего задания учителем:

Девочка (в роли учителя): *В лесу краснеет пуговка. Это чудо...?*

Мама (в роли ученицы): *Клюковка.*

Девочка (в роли учителя): *А эти ягодки?*

Папа (в роли ученика): *Я учил, но... забыл.*

Мама (в роли ученицы): *Мы вспомним, если попробуем.*

Девочка (в роли учителя): *Я обо всем позаботилась.*

В данном диалоге посредством опроса предполагаемых учеников наблюдается имитация проверки ранее заданного материала учителем, что отражено при помощи вопросительных предложений («*Это чудо...?*», «*А эти ягодки?*») и ожидания правильных ответов. Маркером учебного дискурса является включение типичной реплики («*Я учил, но... забыл*»), характерной для не подготовившегося к уроку учащегося, пытающегося оправдаться перед педагогом. Несмотря на то что в качестве главных героев выступают ребенок и его родители, а действие происходит в домашней комнате, стереотипизированный образ (собранные волосы, строгое платье красного

цвета), важные детали (доска, указка, тема занятия «Северные ягоды», наглядный материал в виде карточек), необходимые для осуществления учебной коммуникативно-прагматической ситуации, сохранены. Поведение персонажей тоже можно считать стереотипным: учитель задает вопросы, указкой показывает на изображение, а обучающиеся сидят за столом, поднимают руку для ответа.

Включение подобного сюжета и образов наблюдается и в рекламном тексте магазина «Пятерочка»:

Девочка (в роли учителя): *Как успехи в акции?*

Мама (в роли ученика): *Отлично!*

Девочка (в роли учителя): *Молодец, Селиванов! Стараешься!*

Особенность организации материала в поликодовом тексте заключается в том, что отражена современная тенденция к цифровизации и компьютеризации учебного процесса, так как создается имитация выполнения тестового задания на ноутбуке, за которое учащийся получает оценку («*Отлично! Ваш результат*») и похвалу педагога, содержащую типичную одобрительную лексику и обращение по фамилии. При этом образ учителя отсылает в большей степени к советскому времени, о чем свидетельствует внешний вид (красный пиджак, строгая юбка, блуза, бусы, очки, волосы, собранные в пучок, классный журнал, указка) и сдержанное поведение.

Во вторичном рекламном тексте магазина «Дочки-Сыночки», построенном на основе типичного диалога учителя и ученика, воссоздается современный лингвокультурный типаж:

Учитель: *Вовочка, реши задачу. Сколько мама потратит, если купит водолазку за 149 рублей, колготки за 59 рублей и туфли за 699 рублей.*

Ученик: *Марья Ивановна, таких цен не бывает!*

Учитель: *А в «Дочках-Сыночках» бывает.*

Ученик: *Во как!*

Начальная реплика данного диалога обусловлена композиционно-структурной вторичностью, так как отсылает к стандартным математическим задачам, представленным в трансформированном виде на лексическом уровне. Сюжет видеоролика типичен, так как ситуация происходит на уроке математики, где учащиеся решают задачи. В образе учителя представлена девушка, внешний вид которой напоминает молодого педагога (современная прическа, одежда, отсутствие очков и др.). При этом классная комната, детали интерьера, образы учащихся тоже отсылают к современным реалиям. Включение повелительных и восклицательных конструкций, обращений (*Вовочка, Марья Ивановна*), которые можно считать прецедентными именами для русской национальной картины мира, является стандартным для подобных сюжетов и позволяет передать особенности учебного дискурса.

Кроме учителя-женщины наблюдается функционирование в рекламном тексте персонажа в образе вузовского преподавателя, роль которого обычно играет мужчина:

Преподаватель: *И, таким образом, мы с вами делаем вывод, что ум нам нужен для того, чтобы быть умными, а свобода, чтобы быть свободными. И вот в этом заключается основной посыл «Альфа Банка». Пожалуйста, запишите или запомните.*

Студент: *Простите.*

Преподаватель: *Да?*

Студент: *Мы свободны?*

Преподаватель: *Самый умный, да? А сейчас подходим ко мне и берем кредиты.*

Согласно сюжету молодой преподаватель подводит итоги занятия и дает задание современным студентам (одежда, прическа, поведение, тетради, ручки, наушники, телефоны, зарядные устройства, кофе и др.), что является типичным в учебной

деятельности. Конструкции научного стиля речи, глаголы в повелительном наклонении, вводные слова, вопросительные предложения передают особенности учебного дискурса. Обстановка (аудитория-амфитеатр, столы, сидения, освещение и др.), детали (доска с формулами, распечатанные материалы и др.), внешний вид педагога-мужчины (рубашка, штаны, пиджак, прическа), который стоит посередине аудитории, жестикулирует, говорит грамотно и уверенно, ведет себя педагогично в процессе диалога с учащимся, отсылают к современным реалиям и воссоздают лингвокультурный типаж «преподаватель».

В качестве другого примера обратимся к рекламному тексту сервиса «Sravni.ru», имитирующему проведение лекционного занятия:

Преподаватель: *Согласно теории сравнительности, самую выгодную цену на ОСАГО можно найти, сравнив ее со всеми остальными. Домашнее задание на завтра: найдите мне самое выгодное ОСАГО.*

Первый студент: *Уже нашла.*

Преподаватель: *Так быстро!?*

Первый студент: *В сервисе «Sravni.ru» за 2 минуты можно купить или продлить свой полис ОСАГО с экономией до 3 тысяч рублей.*

Преподаватель: *А скидки останутся?*

Второй студент: *Останутся. Ведь цены на ОСАГО отличаются. Их нужно сравнивать.*

Преподаватель: *Невероятно.*

В образе преподавателя выступает солидный мужчина преклонных лет (классический костюм, галстук, борода, прическа, седые волосы, очки, манера говорения), ассоциирующийся с ученым, который объясняет положения теории, записывает на доске формулу и ведет диалог со студентами. Учебная аудитория, внешний вид студентов-девушек, детали соответствуют современным реалиям. При этом языковой материал рекламы является вторичным, так как соотносится на лексическом, структурном и семантическом уровне с учебным дискурсом (предполагаемая тема, объяснение нового материала, формулировка задания на дом, вопрос к студенческой аудитории, ответные реплики).

Таким образом, во вторичных поликодовых текстах современной рекламы репрезентируется лингвокультурный типаж «учитель / преподаватель» в вербальном, визуальном, аудиальном аспектах. К основным средствам его актуализации относятся прецедентные выражения, прецедентные имена, типичные образы, стандартные ситуации. Их контаминация позволяет наиболее точно передать специфику анализируемого лингвокультурного типажа. Его отличительными особенностями являются речевое поведение, портретные характеристики, возрастная и гендерная отнесенность образов учителя и преподавателя, которые ассоциируются с современными фрагментами действительности и реалиями прошлого, но сохраняются в русской языковой картине мира.

Библиографический список

1. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2005. С. 5–25.

2. Щербаева А.А. Лингвокультурные типы «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики: на материале прозы А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. С. 5.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ЦИРКОВОЙ МЕТАФОРЫ)

В статье на примере цирковой метафоры представлены результаты анализа метафорического моделирования мира политики. Рассмотрена взаимосвязь между событиями в современном политикуме и языковыми средствами, используемыми для их репрезентации. В статье доказывается, что метафорическая модель «политика – это цирк» построена на основе фреймово-слотовой структуры, включающей широкий спектр языковых единиц, реализованных на уровне вторичной номинации.

Ключевые слова: *политическая метафора, метафорическое моделирование, метафора цирка, фрейм, слот, медиатекст.*

Язык политики представляет сегодня ценный ресурс для манипулирования массовым адресатом, формирующий систему ценностей и убеждений участников медийного пространства. Для манипулятивных целей наиболее востребованы языковые единицы на уровне вторичной номинации, среди которых особая роль отводится метафоре с ее высоким семантико-прагматическим потенциалом и спецификой функционирования в медиатекстах. Интерес к особенностям реализации метафоры цирка в текстах русскоязычных СМИ обусловлен ее манипулятивным характером, сильным прагматическим эффектом, так как цирк, цирковая арена, цирковое представление легко сопоставимы с политической реальностью, в которой объективируются социально-политические особенности современного мироустройства. Метафора цирка, будучи красочной и эмоциональной, представляет собой неотъемлемый элемент для создания политических образов в текстах СМИ. Значимость цирковой метафоры подтверждается выводами С. Н. Шумаковой, которая считает, что «диапазон метафорических репрезентаций циркового искусства невероятно широк и выступает средством выразить невыразимое, глубже понять и осознать окружающий мир» [4]. Зачастую метафору цирка рассматривают в рамках концептуальной метафорологии, выделяя разного рода импликации. Так, в работе Ван Дзянин отмечены следующие смысловые отношения: «метафора “политика – цирк”»: цирк – это постоянный праздник; цирк – это тяжелая работа; в цирке все не по-настоящему; цирк – закрытое сообщество, куда с трудом могут проникнуть чужаки; на арене цирка весь вечер клоуны» [1, с. 17]. Для репрезентации современной политической коммуникации, в которой доминируют негативные образы и агрессивные способы решения вопросов, рассмотрим обобщенную метафорическую модель «политика – это цирк», которая обладает установленной фреймово-слотовой структурой.

Фрейм ‘виды зрелищных представлений’

Метафоры, входящие в данный фрейм, репрезентируют политическую обстановку в различных странах и регионах, разного рода решения политических субъектов, дискредитирующие поведение политиков, влияющие на судьбу стран, игру на публику с целью привлечь внимание электората, неискренность и лживость в политической среде в целом.

Слот 1 – Цирк и цирковые жанры

В лексикографических источниках лексема **цирк** имеет два значения: 1. Вид искусства, объединяющий выступления акробатов, гимнастов, клоунов, эквилибристов, дрессировщиков, фокусников, музыкальных эксцентриков. 2. Зрелищное предприятие, помещение, где даются представления с участием таких артистов [3, с. 506]. В медиатекстах находят отражение оба значения, где выступления цирковых артистов сравниваются со всей политической системой: *«Наша политика – цирк, и клоуны все те же»* (ОМ, 29.10.2013); *Цирк коллективного Запада* (ИноСМИ, 14.08.2022); *Владимир Зеленский успешно превращает в цирк все, чем занимается* (3mv.ru, 21.09.2020). Относительно второго значения лексемы цирк отметим, что метафорическим переносом наделяется политическая гонка, выборы, решение важных стратегических задач: *Пушков назвал процесс по импичменту Трампа «цирком»* (Спутник, 14.02.2021); *Порошенко устроил цирк на сессии Генассамблеи ООН* (news-front.info, 26.09.2018); *Куда уехал цирк: почему Петр Порошенко спешно покинул Украину* (Известия, 21.12.2021). Интересными представляются адекватные сочетания, придающие иронический оттенок актуальным описываемым событиям: *Дешевый цирк: Порошенко просит украинцев поверить ему снова, понять и простить* (ПолитНавигатор, 18.04.2019); *Европейский газовый цирк продолжается* (Фокус, 26.10.2021); *Захарова назвала «адским цирком» ситуацию вокруг турбин для «Северного потока-1»* (Газета.ру, 14.07.2022).

Цирковое искусство имеет свою специфику и жанровое многообразие, истоки которого уходят в далекое прошлое. Выступления артистов цирка, среди которых акробаты, жонглеры, эквилибристы, иллюзионисты, комики, мимы, дрессировщики, были известны ещё в Древней Греции и Риме, в Древнем Египте и Византии. Эти специальности артистов цирка превратились в соответствующие жанры, которые в текстах СМИ имеют высокий уровень экспрессии и используются в качестве метафор. Так, ярким примером служит *клоунада*, которая в медиатекстах подчеркивает смехотворность политических решений, их несерьезность: *В Госдуме назвали «клоунадой» решение Украины установить причины «потери» Крыма* (Газета.ру, 02.02.2022); *Политическая клоунада от экс-президента Порошенко* (www.5-tv.ru, 10.02.2017); *Лидер фракции коммунистов Петр Симоненко называет ситуацию в парламенте «клоунадой»* (Интерфакс, 05.04.2013). Второй жанр – *жонглирование*, используемый для номинации разного рода документов, фактов, обещаний, связанных с политикой: *«Экономический блок» от Порошенко: жонглирование цифрами, продажа земли* (КП, 07.09.2017); *Киев откровенно жонглирует информацией* (КП, 17.09.2021); *Порошенко будет жонглировать итогами голосования* (argumentua.com, 07.12.2018). В «Словаре иностранных слов» под ред. Н. Г. Комлева *«эквилибристика – жанр циркового искусства со сложным соблюдением равновесия при выполнении упражнений на канате, проволоке и т. п. Перен. сложные ухищрения, изворотливость»* [2, с. 345]. В текстах СМИ реализуется сема ‘держать равновесие’: *Россию в предстоящие годы ожидает изоциренная эквилибристика: геополитическая между Китаем и Америкой, экономическая между Европой и Китаем* (Форбс, 08.06.2012); ‘изворотливость’: *Активная эквилибристика Навального* (www.mk.ru, 22.08.2019).

Слот 2 – Обобщённые виды представлений

Цирковое искусство отличается от других видов искусств, так как содержит в себе обобщенный опыт репрезентации действительности посредством чередующихся разнообразных, чаще не связанных между собой трюков, на первый взгляд простых, однако содержащих многолетний опыт, навыки, силу, ловкость и мастерство, цель которых высмеивать неуклюжесть и беспомощность, что также характерно для современного политикума. Данный факт определяет использование различных

наименований массовых мероприятий, которые не все входят в общий синонимический ряд, однако могут быть характерны для самого действия, происходящего в цирке. Эти действия характеризуют масштабность политической обстановки, какого-либо события (например выборов), решений политиков, влияющих на остальных участников политического процесса и др.: *Цирковое представление, называемое американской политикой, продолжается* (ru.journal-neo.org, 07.12.2020). Отметим, что не всегда в медиатекстах лексема представление относится к семантическому полю цирка, а может быть репрезентировано такими лексемами спектакль, инсценировка, постановка, шоу: *Для многих политика – это спектакль, а на сцене его уже нет* (Коммерсант, 16.08.2013); *Об инсценировках как методе политики Запада* (iz.ru, 18.07.2022); *ГБР призывает адвокатов Петра Порошенко не превращать процессуальные действия в политическое шоу* (www.ukrinform.ru, 23.12.2021); *Зеленского заподозрили в инсценировке «штурма Шапитолия»* (ukraina.ru, 23.03.2021).

Слот 3 – Участники цирка

Цирковые профессии в текстах СМИ в метафорическом смысле характеризуют участников политического процесса, лидеров государств или регионов, которые в своей деятельности сравниваются с разного рода артистами. Посредством цирковой метафоры выражается оценка профессионализма либо политического статуса определенного политического субъекта. Легкомысленность, смехотворность действий политиков, гиперболизация злободневных проблем, ориентированность на публику, искусство перевоплощаться выражаются в метафорической номинации «клоун», в которой денотатом является политический субъект: *Клоун на гастролях: Зеленский 6 раз опозорился в США* (www.rubaltic.ru, 03.09.2021); *Байден: Для Трампа есть много прозвищ, начну с «клоуна»* (eadaaily.com, 06.05.2019); *Николай Азаров: Без ЕС и США к «трио клоунов» Кличко, Яценюку и Тягнибоку никто не относился всерьёз* (newsland.com, 11.02.2015). В ходе анализа нами зафиксированы метафорические номинации, связанные с профессиями цирковых артистов: *Незадачливый фокусник Порошенко вытащил в Мюнхене не того кролика* (ria.ru, 08.02.2015); *«Иллюзионист увлек за собой»: европейский депутат обвинил Зеленского в создании очага напряженности* (НТВ, 06.06.2022); *«Политический акробат» Зеленский не может объяснить гражданам запрет на вакцину из РФ* (politobzor.net, 24.12.2020); *Канделаки остро высказалась о Соловьеве: дрессировщик политического цирка* (newsland.com, 21.10.2018); *Президент Владимир Зеленский сравнил нахождение на посту главы государства с положением канатоходца под куполом цирка* (Лента.ру, 22.06.2020).

Фрейм ‘зрительный зал и цирковой реквизит’

Метафоры, входящие в данный фрейм, характеризуют политическую реальность с точки зрения публичного выступления артиста и зрителя.

Слот 1 – Место выступления и виды цирка

В лексикографических источниках находим определение наиболее популярного места проведения цирковых представлений: «шапито [фр. Chapiteau – верхушка колонны, капитель]– 1) разборное цирковое сооружение в виде шатра; 2) передвижной цирк, дающий в нем представления» [3, с. 568]. В текстах СМИ данная метафорическая номинация чаще используется во втором значении как синонимическая: *«Крымчане вовремя все поняли»: Захарова оценила дебаты Зеленского и Порошенко как «Шапито»* (Первый русский, 19.04.2019). Известно, что элементы представления в цирке проводятся в воздухе, под сводом крыши (купола): *Под куполом украинского цирка: чудесное воскрешение Бабченко* (https://lv.sputniknews.ru, 31.05.2018). Известен также бродячий цирк, специфика которого заключалась в передвижном караване в виде

шапито: «**Бродячий цирк**» с дезинфицированием икон – как Порошенко встречал Пасху (<https://rusvesna.su>, 20.04.2017).

Слот 2 – Реквизит

Среди циркового реквизита множество предметов, однако в метафорическом значении используются наиболее известные атрибуты (костюм, маска, кольца, кони и т.д.): *В армянской политике пополнение: успешный бизнесмен примеряет на себя костюм клоуна* (<https://1news.az>, 01.09.2022); *В Вашингтоне примерили маски клоунов. Понравилось* (<https://stockinfofocus.ru>, 29.01.2016); *Цирк с тремя кольцами Дональда Трампа* (<https://translated.turbopages.org>, 22.10.2017); *Сегодня на Майдане – представление. Цирк с конями. Или с хромой лошадью, как хотите* (golospravdy.eu, 05.03.2020).

Таким образом, прагматический потенциал метафорической модели «политика – это цирк» наделен семантикой неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности. В предложенной статье был проведен анализ двух фреймов: ‘виды зрелищных представлений’ и ‘зрительный зал и цирковой реквизит’. Особое внимание было уделено слотам цирк и цирковые жанры. Лексические единицы, формирующие фреймово-слотовую структуру метафорической модели, используются в текстах СМИ в качестве критики политических субъектов, их неспособности вести себя достойно, решать важные задачи как внутри страны, так и на международной арене. Именно такие метафоры, на наш взгляд, наиболее востребованы при описании современных социополитических реалий и представляют собой зеркало, максимально отчетливо отражающее события последних лет.

Библиографический список

1. Ван Цзянин. Функционирование концептуальной метафоры в газетном тексте: опыт комплексного анализа // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире, 2020. №4.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов русского языка. Более 4500 слов и выражений. М.: 1999.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006.
4. Шумакова С.Н. Цирковое искусство как метафора жизни // Филология и искусствоведение: электронный научный журнал 2014. №3.

А.А. Хамраева
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАФОРЫ В ПРОПОВЕДЯХ ПРОТОИЕРЕЯ А. ТКАЧЕВА

Статья посвящена рассмотрению прецедентных феноменов в качестве метафоры в проповедях протоиерея Андрея Ткачева. Особое место в религиозном дискурсе занимает метафора, так как позволяет автору наиболее точно передать суть объясняемых явлений.

Ключевые слова: проповедь, интертекст, прецедентные феномены, метафора.

В современной лингвистике исследователи все чаще уделяют внимание изучению различных аспектов религиозной коммуникации: речевых стратегий (Е.В. Бобырева), специфики религиозной публицистики (А.С. Макарова), особенностей жанров (Д.И. Звездин), средств выразительности в религиозных текстах (О.Г. Силенко, И.Н. Суспицина, О.А. Прохвятилова). Объектом многочисленных лингвистических исследований становится церковная проповедь.

В толковом словаре С.И. Ожегова слово «проповедь» зафиксировано в двух значениях: «1. Речь религиозно-назидательного содержания, произносимая в храме во время богослужения. 2. перен. Распространение каких-либо идей, взглядов (книжн.)» [2, с. 612]. В первом значении мы имеем дело с традиционной проповедью – элементом богослужения, целью которой является толкование прочитанного евангельского текста или освящение событий церковного календаря. Во втором значении христианской проповедью можно считать любой текст, даже косвенно разъясняющий Священное Писание, транслирующий христианский образ жизни, затрагивающий богословские проблемы и т.п.

Так, миссионерские статьи протоиерея Андрея Ткачева сочетают в себе признаки проповеди и публицистического текста. Главным признаком проповеди является опора на Священное Писание, выраженная непосредственно – через формальные средства интертекстуальности (цитаты, реминисценции) и имплицитно – через отнесенность к теме веры. Одним из приемов, характерных в большей степени для публицистики, является введение в текст прецедентных феноменов со сферой-источником «художественная литература». Их употребление обеспечивает речевому произведению эмоциональность, выразительность и уникальность.

Среди функций интертекста выделяют следующие: контактоустанавливающая (интертекстемы, источниками которых являются тексты, хорошо знакомые как автору, так и читателю, позволяют установить контакт с адресатом), модальная (интертекст является способом выражения автором своего отношения к написанному), эстетическая (интертекстемы украшают речь говорящего/пишущего), культурная (интертекстемы свидетельствуют о культурной преемственности авторов). Сходными функциями, на наш взгляд, обладают и средства выразительности, поэтому интертекстуальные включения можно рассматривать не только как формы отсылки к «чужому тексту», но и как тропы и фигуры речи.

Ключевое место в религиозном дискурсе занимает метафора, поскольку именно через нее «реализуется как прагматическая функция (формирование у адресата определенного отношения к ценностям, нормам, правилам поведения), так и изобразительная (метафора делает речь выразительной, поскольку для выражения абстрактных понятий необходимы яркие, запоминающиеся образы)» [3, с. 137]. Кроме того, как отмечает иерей Петр Шитиков, метафора – «наиболее подходящий инструмент именно для религиозного языка, поскольку с ее помощью неизвестное может быть концептуализировано в терминах уже известных явлений. Поскольку лишь немногие святые имели опыт богообщения, метафора – единственный путь выражения религиозного опыта в форме предположений и отрицаний» [1, с. 40].

По наблюдениям О.А. Прохвятиловой, одна из особенностей религиозных метафор связана с «зонами их концентрации». Насыщенность метафорами характерна для сильных позиций текста: вступления и заключения, а также «назидательно-интерпретирующей части пастырского слова» [4, с. 11]. Именно поэтому в исследуемых текстах преобладает образная метафора, которая представляет действительность, интерпретирующая знакомые объекты, подчеркивает их индивидуальность.

Обращение к текстам протоиерея Андрея Ткачева позволяет обнаружить, что в них представлены метафоры, среди которых можно выделить два тематических блока.

1. Характеристика человека: *«Просто иначе, если не будет тяжело, любая женщина захочет быть владычицей морской. Ты ей принеси новое корыто, а она захочет рубленую избу. Ты ее из избы переведи в каменный дом, а она захочет быть дворянкой столбовой, а потом – царицей, а потом захочет золотую рыбку на посылках иметь... Это логика, логика женского сердца, и от этого никуда не денешься»* [6, с. 45]. Здесь автор использует словосочетание *владычица морская* в значении «жадная женщина». Смысл высказывания реализуется через ряд знаков известного текста «Сказки о рыбаке и рыбке»: корыто, изба, дворянка столбовая, царица, золотую рыбку иметь на посылках.

«Не скажет век с молитвой и слезой, / как ни скорбит перед закрытой дверью: / “Впусти меня! – Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!” – писал Тютчев о человеке XIX в. Конечно, в XXI в. эти проблемы усугубились и умножились» [7, с. 11]. В данном примере цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Наш век» указывает на отсутствие у человека веры в Бога.

В другом фрагменте проповеди: *«Но целые поколения Хлестаковых учили французский для писания любовных записок, а не для чтения, скажем, Расина...»* [5, с. 48] – о. Андрей использует имя героя комедии «Ревизор» в значении «легкомысленный человек». Еще пример – название рассказа А.П. Чехова: *«Был бы Святейший чеховским “Человеком в футляре”, не носили бы его имя в зубах, родных и вставленных пересмешики»* [7, с. 55] и др.

2. Характеристика явлений действительности: *«Восстать на Господа означает отвергнуть Его заповеди. Для этого прежде их нужно рационально покритиковать и едко высмеять. Этому был посвящен весь восемнадцатый и девятнадцатый век. В двадцатом веке слово взял “товарищ Маузер”. В двадцать первом – информационные технологии»* [7, с. 54] – в данном примере строчкой из стихотворения «Левый марш» протоирей Ткачев характеризует отношение государства к церкви в начале XX в. Другая цитата: *«Так что наша работа – это придание жизни смысла. Мы, по сути, вносим смысл, как изюмчик, перчик, соль, – такую иррациональную величину вносим в жизнь, чтобы жизнь была жизнью, а не ледяным домиком Снежной королевы»* [6, с. 89] – может служить метафорическим синонимом скучного, бесцельного существования.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что в статьях и проповедях протоиерея Андрея Ткачева прецедентные феномены могут наполнять метафору. В этом случае интертекст приобретает функции, схожие с функциями тропов: эстетическую, модальную, культурную и контактоустанавливающую.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2010.
2. Силенко О.Г., Суспицына И.Н. Метафора в религиозном дискурсе // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2013. С. 135–147.
3. Прохватаилова О.А. Выразительные средства современной православной проповеди // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 7–13.
4. Ткачев А. Бремя страстей. Тайная жизнь наших душ. М., 2021.
5. Ткачев А. В общении с родителями. Беседы о христианском воспитании. Киев, 2018.
6. Ткачев А. О мире и человеке: сб. ст. М., 2015.

7. Шитиков П., иерей Роль метафоры в религиозном дискурсе»// Труды Минской духовной академии. Минск, 2015. № 12. С. 39–44.

*П.С. Бирюкова, З.А. Штанченко
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ)

Данная статья посвящена анализу англоязычных неологизмов, затрагивающих разные сферы человеческой жизни, отражающих современные тенденции и изменения в ценностной картине мира человека.

Ключевые слова: *англоязычные неологизмы, антропоцентризм, тенденции, здоровье, досуг, работа.*

Появление новых слов – это непрерывный процесс, свидетельствующий о развитии языка. Неологизмы позволяют выявить изменения в ценностной картине общества на определенном этапе его развития. Как точно замечает Н.В. Бугорская, «язык отражает объективную действительность через внутренний мир человека (мотивы и цели его деятельности, ценностные ориентации и т.д.) и, отражая, часто трансформирует его сообразно им» [1, с. 20]. В данной статье мы собираемся проанализировать группы неологизмов для выявления тенденций изменения ценностной картины общества. Мы разделили рассматриваемые неологизмы на следующие группы: «Здоровье физическое и ментальное»; «Работа»; «Прием пищи/Пищевые привычки»; «Досуг (Отдых и отпуск)».

Тенденция заботиться о ментальном здоровье в современном мире находит свое отражение в языке. Рассмотрим первую группу неологизмов «Здоровье физическое и ментальное».

Первым примером является неологизм “*dirty wellness*” – “activities that involve being outside in nature and getting dirty, thought to be good for people’s physical and mental health” [5]. Дефиниция неологизма “*dirty wellness*” антропоцентрична: основное внимание уделяется физическому и ментальному здоровью человека. «Лекарем» в данном случае выступает сама природа, куда стремится городской житель, уставший от урбанистического пейзажа. Однако простого нахождения на природе уже недостаточно для полного восстановления сил. Для единения с природой и поправки здоровья горожанину необходимо испачкаться, забыв о пресловутой городской чистоте (а зачастую стерильности).

Сходным понятием является “*soil bathing*” – “the practice of immersing your body in wet earth as a way of improving your mental health” [5]. Идея данного неологизма схожа с идеей предыдущего (если не идентична). Такие «грязевые ванны» не несут особой пользы для физического здоровья. Цели этих ванн – релаксация, отдых и успокоение путем слияния с природой.

Следующим видом ванн, лечащих ментальные недуги, является “*spiritual bath*” – “a ritual that involves having a bath to encourage wellbeing, with oils, herbs, flowers etc. added to the water and in a relaxing environment, for example with candles and soft music” [5]. Здесь уже речь идет о способе расслабления в домашних условиях, не требующем выхода за территорию апартаментов. “*Spiritual bath*” включает в себя создание расслабляющей

атмосферы в ванне с использованием ароматерапии (в виде различных эфирных масел, трав, цветов и т.д.), а также свечей и приятной музыки.

Еще одно понятие, относящееся к улучшению ментального здоровья – “*wearapy*”. “*Wearapy*” – “the activity of wearing particular clothes as a form of therapy, with the clothes chosen to make the wearer feel happy or comforted etc.” [5]. В дефиниции неологизма присутствует лексема «терапия», это свидетельствует о том, что люди пытаются избавиться себя от рутины посредством ношения ярких или комфортных вещей. Это позволяет им стать счастливее или расслабиться и отдохнуть от городского стресса или рутины.

Следующий рассматриваемый неологизм – “*dopamine decor*”. “*Dopamine decor*” – “the trend of using bright colours and patterns when decorating and furnishing your home to make you happier and improve your mental health” [5]. Данный неологизм означает использование ярких цветовых решений в интерьере, которые позволяют человеку чувствовать себя счастливее или просто улучшают эмоциональное состояние.

Помимо перечисленных неологизмов в группу «Здоровье физическое и ментальное» были также включены следующие: “*sensehacking*” (“the activity of stimulating all five senses in order to become happier and healthier” [5]), “*quiet thriving*” (“the activity of making small changes to the way you work to help you feel happier and more fulfilled in your job” [5]), “*brown noise*” (“a type of sound that resembles a low rumble or the noise the sea makes, thought by some people to encourage sleep and relaxation” [5]), “*scream pot*” (“a type of clay pot that you can scream into as a way of releasing negative emotions such as anger and frustration” [5]), “*skychology*” (“the act of looking up at the sky, thought by some people to be good for your wellbeing” [5]) и “*mind gym*” (“a place or club where you can go to do classes and have treatments that improve your mental health” [5]).

Все эти неологизмы свидетельствуют о повышенном внимании к ментальному здоровью. Ввиду растущего стресса на фоне быстрого городского темпа жизни люди все больше нуждаются в эффективных способах успокоения и расслабления. Все чаще и чаще городской житель выбирает пребывание на природе (напрямую или опосредованно) в качестве отдыха. Картина мира современного человека весьма антропоцентрична. Из-за улучшения уровня жизни в современном мире больше внимания уделяется личности отдельного человека и его состоянию, что, в свою очередь, отражается и в языке.

Неологизмы, безусловно, также не обходят стороной область работы и трудоустройства. А.А. Шаповалова пишет: «Серьезные социальные перемены, бурное развитие технологий, появление на рынке труда тех или иных имен и компаний – всё это приводит к увеличению числа неологизмов для обозначения новых понятий в этой сфере» [4, с. 20]. Рассмотрим следующую группу неологизмов – «Работа».

Для начала рассмотрим понятие “*anti-perk*”. “*Anti-perk*” – “an advantage someone is given because of their job that is in fact not useful or helpful” [5]. В данном неологизме речь идет о различных неполезных, с точки зрения некоторых сотрудников, льготах/привилегиях (например, бесплатные массажи, комнаты для фитнеса/медитаций и т.д.). В наше время люди стали намного прагматичнее, поэтому они ожидают от работодателя каких-то более весомых и полезных бонусов. Этот неологизм также подтверждает антропоцентричность картины мира современного человека.

Следующим неологизмом является “*desk-bombing*” – “the activity of suddenly going to talk to someone who is working at their desk, rather than phoning them or sending them an email, seen by some people as impolite” [5]. С распространением понятия «личные границы» люди стали все больше обращать внимание на личное пространство, поэтому многие считают такое поведение коллег раздражающим и неуместным.

Далее следует неологизм “*Sunday scaries*” – “a feeling of stress or anxiety experienced by someone on a Sunday before they have to go back to work the next day after the weekend” [5]. Здесь можно говорить о последствиях быстрого темпа жизни в нынешних реалиях, а также об отсутствии у современных людей баланса между работой и домом (work-life balance). В этом случае на выходных люди не успевают достаточно отдохнуть или не отдыхают правильно, тратя свое время на пассивный отдых за смартфоном или компьютером.

В группу неологизмов, посвященных работе, мы также включили следующие понятия: “*rage applying*” (“the activity of impulsively applying for several new jobs only because your present job is currently making you unhappy or angry” [5]), “*quiet thriving*” (“the activity of making small changes to the way you work to help you feel happier and more fulfilled in your job” [5]), “*milestone anxiety*” (“a condition in which someone feels frightened or very worried because they have not achieved the same things in life as other people of the same age” [5]), “*hustle culture*” (“the idea that work must be the most important thing in your life and that working long hours and not taking time off is the only way to achieve success” [5]) и “*productivity theatre*” (“a way someone behaves at work that makes them appear to be working very hard, even if this is not the case” [5]). Все эти неологизмы в большинстве своем сигнализируют о повышенном уровне стресса у людей, связанном с работой.

Как пишет Т.А. Таганова, «особый интерес представляет изменение лексики именно тех сфер жизни, которые являются базовыми, “устоявшимися”, в наименьшей степени подверженными изменениям. Одной из таких областей является лексика семантического поля “еда”» [3, с. 133]. Рассмотрим группу неологизмов «Прием пицци/Пищевые привычки».

Первым примером является неологизм “*sustainatarian*” – “a person who only eats food that has been produced in a way that causes little or no damage to the environment, and usually very little meat or fish” [5]. Это понятие указывает на высокую сознательность людей в наше время. Они стараются причинять своими действиями минимальный вред окружающей среде.

Довольно схожим понятием с предыдущим является “*regenivore*” – “a person who tries to actively stop or reverse the damage being done to the environment through the foods they choose to buy and eat” [5]. Тут также можно говорить об ответственности, которую люди стараются нести перед планетой. Борьба за экологию стала очень интенсивной, поэтому люди ищут все новые и новые выходы из сложившейся экологической ситуации.

Еще один интересный неологизм из данной группы – является “*mind dieting*” – “the activity of thinking carefully about what you eat in a way that motivates you to choose foods that are better for you” [5]. Это понятие антропоцентрично, так как фокусируется на отдельном человеке. Человек, выбирая еду осознанно, беспокоится о себе и делает вклад в будущее, заботясь о здоровье.

Говоря о еде и пищевых привычках, можно сделать вывод, что существует устойчивая тенденция к осознанному выбору пищи. Люди думают об экологии, о последствиях для окружающей среды, к которым приводит деятельность человека. Также присутствует тенденция заботы о здоровье «на перспективу», что говорит о хорошем уровне жизни и высоком уровне самосознания людей.

Несомненно, благодаря глобализации и развитию науки и техники такая фундаментальная сфера человеческой жизни, как досуг, претерпевает множество изменений. В языке, соответственно, появляются новые понятия для обозначения новых реалий. Рассмотрим последнюю группу неологизмов «Досуг (отдых и отпуск)».

Так, неологизм “*regenerative tourism*” (“the activity of going on holiday to a particular destination and making a positive impact on the place and the people who live there” [5]) подтверждает существование тенденции к осознанности и высокому уровню самосознания у людей. Люди больше не желают бездумно лежать, находясь на отдыхе, они предпочитают быть активными и улучшать то место, куда они приехали отдыхать.

Неологизм “*edu-vacation*” (“a holiday that includes some educational activities, such as classes, cultural tours etc.” [5]) также сигнализирует о тенденции к активному отдыху. Люди стараются не только расслабляться на отдыхе, но и получить приятный и полезный опыт, будь то какие-либо знания о их месте пребывания или же просто обучение какой-то дисциплине в новой локации и с новыми людьми.

Следующим понятием является “*thermal tourism*” – “a travel to a warmer country to spend the winter months there in order to avoid the cold weather and higher heating bills in your own country” [5]. Здесь можно говорить о стремлении людей избегать неблагоприятных температур и о желании находиться в теплом климате. Они стараются постоянно проводить время в комфортных условиях, что сигнализирует о высоком уровне заботы о себе.

Еще один неологизм “*homotel*” (“a hotel that is designed to make guests feel as though they are living in a comfortable home” [5]) также подтверждает людское стремление к окружению себя комфортом. Человек старается лишней раз специально не подвергать себя стрессу, ведь стресса в жизни современного человека и так хватает.

В группу неологизмов по теме «Досуг» вошли также: “*place lag*” (“a feeling of surprise and slight confusion that people experience after making a long journey by plane and arriving in a place that is strange and new” [5]), “*nap box*” (“a type of narrow cupboard designed for someone to stand in while they have a short nap, the inside having special shelves to support the person’s head and body” [5]) и “*gratification travel*” (“going on long, expensive holidays, usually to faraway destinations” [5]). Они позволяют понять, что сфера досуга быстро развивается, а это приводит к появлению все более узконаправленных понятий.

Итак, проанализировав все выделенные нами группы неологизмов, можно сделать вывод о следующих тенденциях и изменениях в ценностной картине мира: антропоцентризм почти во всех сферах жизни; высокий уровень осознанности людей и их желание быть полезными и приносить что-либо в этот мир; повышенное внимание к своему здоровью, а в особенности к ментальному здоровью; а также высокий уровень стресса городских жителей. «В словообразовании усматривается усиление личностного начала в процессах словотворчества последних десятилетий» [2, с. 2]. Несмотря на «заикленность» на личных желаниях и целях, человек все же старается уходить от потребительского отношения к обществу и природе. В то же время люди страдают от большого количества «побочных эффектов» современной жизни, это например, неудовлетворенность работой, несоблюдение баланса между работой и домом и отсутствие мотивации к работе. Однако человек, несомненно, движется в правильном направлении.

Библиографический список

1. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2.
2. Рзаева С.М. Антропоцентрический подход в изучении неологизмов // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Орехово-Зуево, 2018.

3. Таганова Т.А. Неологизмы современного английского языка: структурные и семантические особенности (на примере гастронимов) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2015. № 11.

4. Шаповалова А.А. Структурно-семантические особенности неологизмов тематического поля Employment/Job // Электронный научный журнал. 2021. № 8 (46).

5. Cambridge Dictionary blog URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/author/cambridgewords/>

В.В. Катермина
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования языковой личности в контексте цифровой культуры. Постижение сути языковой личности является определением тех путей, посредством которых фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с ее мировоззрением. В статье подчеркивается, что языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях, в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры.

Ключевые слова: языковая личность, цифровая культура, язык, уровни языковой личности, типы языковой личности.

Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики имманентной с ее установкой рассматривать язык в самом себе и для себя к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью [8]. Наблюдается тенденция изучать человеческий фактор в языке, язык в связи с человеческой деятельностью, человека в языке и язык в человеке. Эти призывы поддерживаются общей тенденцией гуманизации научного знания, «очеловечивания» науки [5, с. 19].

Развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI в. способствовало не только созданию принципиально новых способов хранения, поиска и представления информации, но и возникновению новой культурной и языковой среды, новой лингвистической реальности, которая формируется и стремительно развивается с расширением сферы действия современных средств коммуникации: Интернета, сотовой и спутниковой связи. Принятие существования межкультурных различий – тип межкультурного восприятия, характеризующийся знанием другой культуры, в целом благожелательным к ней отношением, не предполагающим вместе с тем активного проникновения в инокультурную среду. Адаптация личности к новой культуре – позитивное отношение к другой культуре, восприятие ее норм и ценностей, умение жить и действовать по ее правилам при сохранении собственной культурной идентичности [2, с. 119].

Постигая родной язык, человек постепенно знакомится с богатством и разнообразием окружающего мира – от конкретных предметов, элементарных норм поведения до абстрактных понятий и закономерностей мироздания. Человек формируется как личность, лишь приобщившись к культуре и принимая участие в социальной деятельности и развитии языка.

Под личностью собственно языковой может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе языка базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре [3; 5].

О.А. Леонтович, называя языковую личность центральным системообразующим звеном коммуникативного процесса, определяет ее как «национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно-обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способный к межкультурной трансформации» [7, с. 122].

Понятие языковой личности образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Интеграционный и многомерный характер этого термина имплицитно подразумевает неоднозначность и многоаспектность его понимания в лингвистике, задаваемого такими параметрами, как уровень абстракции (личность индивидуальная, групповая и базисная) и качественная область (личность физическая, социальная и духовная).

Личность вообще, по образному определению Н.Ф. Алефиренко [1], рождается как своеобразный «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений между членами конкретного этнокультурного сообщества в процессе их совместной деятельности. Иными словами, основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта: а) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; б) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой и в) процесс усвоения законов социальной психологии народа. В становлении языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка. Лингвокультурная личность – закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности.

Ю.Н. Караулов в структуре языковой личности выделяет три уровня: вербально-семантический, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком; когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей; и прагматический, заключающий цели, мотивы, интересы и национальности [6, с. 5]. Основное место в этой структуре принадлежит ценностям, представляющим «лично окрашенное отношение к миру» [4, с. 120]. Эти ценности, состоящие из культурных доминант,

образуют «ценностную картину мира», которая и создает определенный тип культуры, существующий в том или ином языке.

Анализ языковой личности может производиться на различных уровнях: структурно-языковом, отражающем степень владения обыденным языком, лингвокогнитивном, предполагающем выявление и характеристику мотивов и целей, движущих ее развитием, поведением, управляющих ее текстопроизводством и определяющих иерархию смыслов и ценностей в языковой модели мира.

Языковая личность характеризуется не только степенью владения языком, но и выбором – социальным, личностным – языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым языковой картиной, сложившейся в данном языке.

В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с ее мировоззрением. Любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немислимо без языка и речи. Речь человека отражает его внутренний мир, служит источником знания о его личности. Более того, «очевидно, что человека нельзя изучить вне языка...», поскольку, даже с обывательской точки зрения, трудно понять, что представляет из себя человек, пока мы не услышим, как и что он говорит. Но также невозможно «язык рассматривать в отрыве от человека», так как без личности, говорящей на языке, он остается не более чем системой знаков [6, с. 134]. Эта мысль подтверждается В. Воробьевым, который считает, что о личности можно говорить только как «о языковой личности, как о воплощенной в языке» [цит. по: 6, с. 29].

Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях, в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры. Язык, в свою очередь, выступает кодовым организатором, связующим звеном между внутренним миром человека и внешним миром: воспринимая в процессе деятельности мир, человек фиксирует в языке результаты познания.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура: материалы 2-й Междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. Ч.2.
2. Буряк Н.Ю. Язык и личность в контексте информационно-коммуникативной культуры // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5.
3. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4.
4. Гуревич А.Я. Философия культуры. М., 1995.
5. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология – Philologica. Краснодар, 1994.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
7. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.
8. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ РЯДОВОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

В статье рассматривается коммуникативная тактика передачи объективной информации в мемуарах представителя сельской интеллигенции о трудовой деятельности.

Ключевые слова: *рядовой носитель языка, мемуар, речевая стратегия самопрезентации, тактика передачи объективной информации.*

В настоящее время в науке возрос интерес к языковой личности рядового носителя языка, которая рассматривается учеными в разных аспектах. Одно из направлений исследования самопрезентация данного типа языковой личности, т. е. «коммуникативная стратегия, присущая любому виду общения и представляющая собой демонстрацию человеком своих личностных характеристик» [1]. Следует отметить, что самопрезентация в стратегическом аспекте включает в себя ряд коммуникативных тактик, которые описываются в несколько этапов: 1) выявление и типологизация основных тактик стратегии самопрезентации; 2) анализ плана содержания тактики; 3) описание языкового выражения тактики [4]. На базе содержания беседы учеными выделяются следующие типы тактик: тактика передачи объективной информации, тактика передачи субъективной информации, представленной двумя разновидностями – передачей положительной информации и отрицательной информации.

Цель данной работы – рассмотрение реализации стратегии самопрезентации через тактику передачи объективной информации в устных воспоминаниях рядового носителя языка – жительницы ст-цы Раздольной Кореновского района Котовец Нины Александровны, 1943 года рождения (далее – Н. А.). В ходе анализа фактического материала мы ограничились рассмотрением указанной коммуникативной тактики в воспоминаниях Н. А., объектом которых выступает трудовая деятельность. Подчеркнем, что концепт *труд* является одним из основополагающих в ценностной картине мира сельского человека. Н. А. – представитель сельской интеллигенции, всю жизнь работала с детьми: пионервожатой, воспитателем, учителем в начальной школе и учителем русского языка и литературы. Уже 23 года на пенсии.

Реализуя тактику передачи объективной информации в мемуарах о трудовой деятельности, Н. А. делает акцент как на физическом труде, обязательном в то время для учащихся общеобразовательных и профессиональных учреждений, так и на умственном, рассказывая об учебе в школе, педучилище, работе учителем. См. фрагменты соответствующих мемуаров: *«Ну, в школи што мы делали. Ни толька учились, а мы работали, каждая висна, месяц у нас был на работи, а осинью так и да двух месяцев работали. А зимой на фермах. Уот ужэ ф старшых класах, да ни толька старшыми классы, с пятава класса хадили на агурыцы, агурыцы вырацивали на симина. Был симинавоччиский калхос у нас, вырацивали агурыцы, уот мы эти агурыцы сабирали, а ани жы долга, эта весь синтябырь и актыбырь. А висной свиклу палолы, прарывали, сичас эта аднаразавыи симина, аднадольныи, как их называют, а тада ис каждаяда семичка их штук пять-шэсть вырастала расткоф. И вот хадили, прарывали эту свиклу, и палолы ш, траву вырывали, так што работали, работали. А зимой хадили на ферму, нас пряма-таки ужэ в диятам класси заставляли хадить на ферму. Мы хадили уот на первую*

МТФ, уот туда, и кармили кароф, чистили их, канешна». Приведенный фрагмент – ответ на вопрос, что делали в школе. И в первую очередь именно занятия физической работой, помощь колхозу становятся объектом воспоминаний информанта. Личное местоимение *мы* фиксируется только в первых двух предложениях, далее употребляются неопределенно-личные конструкции с нулевым подлежащим (термин И.А. Мельчука [2]), обозначающим ситуативно обусловленную группу людей – школьников. Данный вид односоставных предложений обеспечивает последовательность вспоминаемых событий, динамизм. Цепочка неопределенно-личных предложений заставляет слушателя следить прежде всего за действием, называющим конкретный вид работы. Обращает на себя внимание употребление глагольной формы *работали* в начале фрагмента и его двойной повтор в конце мемуара о работе на колхозных полях, что создает кольцевую композицию и акцентирует внимание на ключевой лексеме. Адресат делает вывод, что труд прививался с самого детства, со школьного возраста дети помогали старшим, трудились.

Нелёгкому умственному труду посвящен следующий фрагмент воспоминаний Н. А.: *«...а мы работали, я вот, например, работала, уроки вила, группу прадлёнава дня на полстафки брали и ищё вичерняя школа была для взрослых. От прытстафь сибе, дамой прыхадили выжытыи как лимон, с вечира упадэш, а утрам часа ф читыры паднималась фсигда, штоп праверить титради, дамой насили»*. Данная информация свидетельствует о том, как много приходилось трудиться простому учителю, сколько сил уходило на школу. Использованная Н. А. своеобразная градация (*уроки – группа продленного дня – вечерняя школа*) заканчивается фразеологическим сочетанием *выжытыи как лимон*, наглядно демонстрирующим состояние учителя к концу рабочего дня. Однако данный компонент оказывается не вершиной градации, поскольку далее указывается факт подъема в 4 утра с целью проверки тетрадей.

Охарактеризуем языковые средства вербализации тактики передачи объективной информации. Они достаточно разнообразны.

1. Числительные. Например, указание конкретного класса школы даёт адресанту объективную информацию о том, какую работу доверяли детям определенного возраста: так, в 5-м классе работали на полях, а ученики 10-го класса ухаживали за животными. Посредством использования числительных Н. А. знакомит с особенностями выращивания свёклы: *каждава семичка их штук пять, шэсть вырастала расткоф*.

2. Лексические единицы, называющие конкретный временной период (название времен года – *каждая висна, осинью, зимой*; месяцев – *синтябрь и актябрь*).

3. Лексические единицы, называющие сельскохозяйственные культуры (*огурцы, свёкла, кукуруза, пшеница, подсолнухи, ячень, лён, пастернак*), в том числе узкоспециальные термины (*семена однопольные, семенная кукуруза*).

4. Наименования местных сельскохозяйственных предприятий и их частей (*первая МТФ, совхоз, семеноводческий колхоз*).

Кроме того, языковым средством подачи объективной информации выступают высказывания, представляющие собой самоидентификационную формулу – *имя (местоимение) + характеризующий предикат*, которая выражает профессиональный тип самоидентификации информанта. Приведем фрагменты воспоминаний Н. А.: *«Када я работать начала ужэ, сначала важатай работала, патом читыры года в начальной школы работала, а патом миня пиривили на русский язык и литиратуру, ужэ тут я стала работать в старших класах. <...> Фсю жызьнь праработала уот училилим рускава языка и литературы»*. К профессиональному типу самоидентификации относится и упоминание о профессиональных достижениях – различных статусах, званиях, наградах. См., напр.: *«Уот у миня да сих пор есть знак «Пабидитиль соцсаривнавания», первая*

места школа занимала в раёни, ни так, как сичас. Знамя нам вручали, я как рас работала там, тагда была прицудатилим прафсаюзава камитета школы».

Высказывания, содержащие объективную информацию о себе, могут иметь различные модификации в текстах устных воспоминаний. К подобным способам относятся случаи неявно выраженного самоидентификационного суждения, когда его приходится реконструировать на базе содержания или связанной с ним ситуативной информации. Так, одним из видов тактики передачи объективной информации о прошлом является его сопоставление с настоящим. В результате профессиональная самоидентификация информанта реализуется через вербализацию оппозиции «раньше» – «сейчас», которая объективируется как при рассказе Н. А. о современной школе, процессе обучения, так и в её воспоминаниях о времени, когда она сама преподавала. Примечательно, что в картине мира сельского человека «в рамках темпоральной парадигмы настоящее – прошлое высказывания с семантикой настоящего наделены, как правило, отрицательным оценочным модусом» [3]. Иными словами, сельские жители склонны идеализировать прошлое, видеть в нём некий эталон жизни. Данное обстоятельство обуславливает появление закономерной оценочной окраски при презентации объективной информации в воспоминаниях Н. А. Приведем показательный фрагмент мемуарата: *«А у нас были группы прадленава дня, а сычас их нету. <...> а титради правиряли каждый день, заставляли нас правирять каждый день, ищѐ послі кантрольных работ была опцяя титрать, на каждава учинака страницы, и записывали ацэнки и ашыпки, какіи дапустил учиник, от в эту титрать, а патом работали над этими ашыпками, так што мы работали не так, как сычас. А сычас титради ни правиряюцца, вот прихаділі ка мне дети. 3 дикабры-месіца в апрелі-месіцэ ні адной работы ні праверіна. "А каг жэ вам ставяі ацэнкі?". "А руку паднімем, сказалі два слова, і паставілі ацэнку, і фсё"». Данный отрывок четко распадается на два семантических блока за счет антитезы и композиционного стыка – стилистического приема, заключающегося в повторении в начале нового предложения слова, которым заканчивается предыдущее предложение. За счет этих выразительных средств подчеркивается непринятие Н. А. ситуации, сложившейся в современной школе: респондент справедливо отмечает, что все меньше уделяется внимания конкретному ученику, на второй план уходит забота о качестве знаний отдельного ребенка. В содержательном аспекте противопоставление блоков *раньше – сейчас* происходит за счет контраста объема работы учителя (заметим, непосредственно профессиональной, а не бюрократически-вспомогательной): раньше каждый день проверяли тетради, причем информант использует лексический повтор, помещая доминантное в семантическом плане словосочетание *каждый день* в постпозицию, что, безусловно, служит усилению воздействия на адресата (*титради правиряли каждый день, заставляли нас правирять каждый день*), раньше на каждого ученика заводилась тетрадь, где фиксировались ошибки, их обязательно нужно было отрабатывать. Всего этого не делается сейчас. Истинность данного положения дел подчеркивается во втором семантическом блоке использованием конструкций с прямой речью, имитирующих диалог с учениками.*

Таким образом, реализация стратегии самопрезентации посредством тактики представления объективной информации в воспоминаниях Н. А. Котовец осуществляется с помощью разноуровневых языковых средств: лексических, морфологических, синтаксических. В мемуаратах, посвященных трудовой деятельности, передается объективная информация о трудовом воспитании в школе, о тяжелом труде учителя. При этом основные представления о работе связаны с пониманием ее как неотъемлемой части жизни сельского человека.

Библиографический список

1. Дубских А.И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиаальном дискурсе (на материале «звездных» интервью). URL: <https://www.prlib.ru/item/910176>.
2. Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: диатезы и залого. Л., 1974. С. 343–361.
3. Оглезнева Е.А. Диалектные высказывания с ключевыми словами «раньше» и «сейчас»: лингвокультурологический анализ. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialektnyevyskazyvaniya-s-klyuchevymi-slovami-ranshe-i-seychas-lingvokulturologicheskiy-analiz>
4. Толстова М.А. Реализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021.

Е.О. Силина, Л.Ю. Костина
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ (на материале устных воспоминаний жительницы станции Камышеватской Ейского района П.С. Фенько)

В статье рассматриваются такие специфические черты повествовательного текста диалектоносителя, как смешение речевых регистров, совмещение ситуационной темы с ситуацией текущего общения, событийность, изобразительность, антропоцентричность и др.

Ключевые слова: диалект, меморат, повествование, речевой регистр.

Немецкий языковед В. фон Гумбольдт утверждал, что язык тесно переплетен с духовным развитием человечества. Язык неотделим от человеческой культуры и представляет её важнейший компонент. В настоящее время одним из актуальных направлений в лингвистике в рамках когнитивного подхода к изучению языка и речи является исследование антропоцентризма речевого жанра.

Жанр автобиографического рассказа-воспоминания – пример взаимовлияния языка и человека. Автобиографический рассказ – своеобразный автопортрет человека, который говорящий выстраивает за короткое время, актуализируя тем самым важные для него события жизни, факты и ценности.

Следует отметить, что в последнее время интерес исследователей в области коммуникативной диалектологии направлен не на описание отдельных языковых единиц разных уровней, функционирующих в устном тексте, а на целостный диалектный нарратив-меморат. Цель данной статьи – охарактеризовать особенности построения повествования в диалектном рассказе-воспоминании. Анализируемый меморат был записан в ходе студенческой диалектологической практики летом 2021 г. в ст-це Камышеватской Ейского района. Информант – Фенько Пелагея Стефановна (далее – П. С.), 1937 года рождения, коренная жительница станицы. Окончила 7 классов, всю жизнь работала маляром-штукатуром. По воспоминаниям односельчан, П. С. долгие годы трудилась в домах станичников: выполняла отделочные работы. Скончалась в 2022 г.

Выбор темы исследования обусловлен характером беседы с информантом, поскольку П. С. продемонстрировала манеру повествования, присущую многим малообразованным сельским жителям – носителям диалекта: она способна говорить долго, без дополнительных наводящих вопросов, самостоятельно направлять свои мысли в следующую после описанного событийную канву. Речь информанта при этом характеризуется индивидуальной адресацией, непринужденностью, неподготовленностью устного рассказа, нарушениями в передаче последовательности описываемых действий, самоперебивами, самокоррекцией, разного рода повторами.

При анализе структуры повествования П.С. мы опирались на классификацию речевых регистров Г. А. Золотовой [2]. Профессор В. Е. Гольдин, один из родоначальников коммуникативной диалектологии, констатировал смешение названных регистров в мемуаратах сельских жителей [1], что подтверждают и наши материалы.

В мемуаратах П.С. в первую очередь обращает на себя внимание ведущая роль репродуктивного регистра, который как бы инкрустирован формами информативного и генеритивного. Следует констатировать, что исследователи фиксируют и другое соотношение регистров в диалектном повествовании, напр., информативный как основной и фрагменты репродуктивного и генеритивного [1, с. 4]. Приведем фрагмент мемуарата П.С.: *Жылы трудна, патаму шо послы вайны ф калхозы мать работала. А отец был на фронти. И ана работала ф колхозы. Вот. А мы были дома, ф садик ходылы, ясля называлась. Нас была пятира. Вот падраслы рыбагы, ну и мы так жыш падраслы. И от была мне, ну, примерна лет пять. Подйихала машына, ну, дитвара, ну, я и кажу систри меньшый: «Пайдём, машына, на машыне шо-та написана». Но я ужэ буквы знала, а слага нада слажыть было. Вот. И мы питходым, и стаит бартава машына, бартава. Вона называлась тада. Как и там было написана на ящыку, як оцей борт назывался, шо зирно возылы. Вот и там была напысано, красна обшыто чи обыта, от «Уражай», а напысана была бильми цыфрамы, убывалы как раз. Ну, прышли мы да дому, мать кажэ: «Кушайти кашу». Тада нычэ нэ було. Кашы паулы, малака завилы, маты управилась. И была двинацать чысоф, вот это я помню.* В приведенном фрагменте высказывания *Жылы трудна...* Тада нычэ нэ було сообщают об общих обстоятельствах жизни тех лет, т. е. являются проявлением информативного регистра. Однако прежде всего адресант не только информирует, т. е. передает то, что было в ее жизни когда-то, но и воспроизводит в своей речи те ситуации, о которых говорит, представляет их существующими «здесь» и «сейчас», в момент реально протекающего общения. Иными словами, имеет место совмещение в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения как ведущий принцип диалектного повествования (см. [1]). Приведем примеры: *Я захожду и плачу. Мамка: «Чё ты плачии?» «Я ф туалет хачу». Мать фстае, думаит: «Шо ты брэшыш. Щас пароть буду»...* «Ну, мни там адна жэныцина кажэ: «Палина, я работаю на этам, на каси. Прыхоть, я тоби тюльки дам»... Вот мы питходым, и стаит бартава машына... Из типичных языковых средств, реализующих репродуктивный регистр, следует отметить использование форм глаголов в форме настоящего времени, указательной частицы *вот*, соотносящей повествуемое с как бы «наблюдаемой» ситуацией на морфологическом уровне, функционирование конструкций именно прямой речи, а не косвенной с целью передачи чужой речи, частотное употребление личных форм глагола речи *казать* (*кажу, кажэ*), что, согласно Н. В. Максимовой, сигнализирует о «перпендикуляре нарратива, разрывающем ткань повествования постоянными напоминаниями: «это я», «я здесь»» [3, с. 73].

Реализация в рассказе П. С. генеритивного регистра имеет специфику. Он не вербализуется посредством каких-то типичных высказываний обобщённого характера, свойственных различным ситуациям, а проявляется имплицитно в характеристике

реакции матери адресанта на поступки дочери (особенности поведения, речевые реакции). Приведем фрагменты диалогов, буквально исполняемых информантом. См., напр., отрывок из мемората о том, как первый претендент на руку П.С. настаивал на том, чтобы она накануне проводов в армию ночевала у него: *«Мэнэ забирають в армию. Шоп Палина у мэнэ ночувала!»* (реакция матери) *«Та ты! Нет, нет, нет»*. *Ну, тада я сагласна с мамой*. Или реакция матери на поздний приход дочери домой: *«И маты на мэнэ, качалкай хотэла вдарить»*. Меморат о том, как П. С. выбрала другого жениха, не дождавшись предыдущего из армии: *Мы праходым. «Здрасте!» Ана (мать) сидит, як сабака. «А я вас и нэ ждала». Як стала мэнэ палывать маты, як стала. «Вот эта два года ждалы. Какова чёрта ана попёрлась в цэнтр. Ана ш балакала, и што ш, вот эта натварыла. А те там ждуть, готовяцца»*. Приведенные фрагменты демонстрируют стремление матери сохранить честь дочери перед соседями («Что скажут люди?»), пресечь попытку нового жениха жить с невестой до брака («никаких ночёвок»), возмущение по поводу нарушения слова, данного жениху. Все это – свидетельство проявления традиционных народных ценностей, основанных на жизненном опыте многих поколений.

В ходе анализа повествования информанта были выделены следующие характерные особенности речи П. С.: 1) событийность (кража коровы, её страхование, переселение в новое жильё, разделка свиньи, знакомство с Толиком, возлюбленным, поход в кино с другим ухажёром – Николаем, избиение Пелагеи Толиком, провода Толика в армию, знакомство с новым возлюбленным, ставшим мужем информанта, сватовство); 2) образность, проявляющаяся в иконичности речи, которая как один из основных принципов диалектного повествования соотносится со сферой коммуникативных средств, направленных на адресата: предоставить ему больше деталей, описать так, чтобы факт прошлого был максимально понятен (наличие мельчайших подробностей в воспоминаниях П.С.: цвет надписей на бортовой машине; точное указание времени, номеров домов, вида каши, сваренной матерью, школьных оценок, конкретной суммы спрятанных денег, выдуманного имя, которым представилась будущему мужу и т. д.); 3) антропоцентричность, проявляющаяся прежде всего в том, что в центре событий, выступающих объектом воспоминаний, обязательно стоят люди, что обуславливает присутствие большого количества личных имен собственных в меморатах (*Пелагея Стефановна, мать Екатерина, Копорин, Цекун, Толик, Коля, Роцин, кум Гриша, девочка Валя, Аня, Бондаренчиха, Иваниха, Шепель* и др.), в диалектном повествовании действия, состояния, оценки участников ситуаций и их высказывания формируют тематический центр – предмет конкретизации, доходящей обычно до прямого воспроизведения речи участников события; 4) эгоцентричность, поскольку ядром повествования в меморате всё же остаётся информант: мы узнаём подробности жизни П. С., в которых она выступает на первом плане.

Таким образом, в меморатах П. С. наблюдается смешение речевых регистров, которое подкреплено двумя основными принципами построения повествования – совмещением ситуации-темы и текущего повествования и иконичностью речи. Характерными дискурсивными чертами устных рассказов-воспоминаний информанта выступают антропоцентричность, эгоцентричность, образность, событийность, что наблюдается как на собственно языковом уровне (лексическом, морфологическом, синтаксическом), так и на коммуникативном, где обнаруживается психологизм речи информанта и проявляется его картина мира.

Библиографический список

1. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2009. Вып. 1. Т. 9. С. 3–7.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
3. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М., 2003.

*Л.Ю. Костина, Е.Е. Шушура,
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

МЕМОРАТЫ О ТРУДЕ: КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (на материале автобиографических рассказов Шушура Т.В.)

В статье рассматриваются коммуникативные тактики передачи объективной и субъективной информации в устных воспоминаниях диалектоносителя.

Ключевые слова: *рядовой носитель языка, меморат, тактика передачи объективной / субъективной информации.*

В последнее время в диалектологии активно изучаются в разных аспектах устные рассказы-воспоминания сельских жителей: с позиции отражения в них языковой картины мира, композиционного построения рассказов, их тематических особенностей, а также наличия выразительных средств и реализации категорий авторизации, персуазивности, модальности и др. Объектом нашего исследования послужили коммуникативные стратегии самопрезентации в устных воспоминаниях жительницы села Новое Село Брюховецкого района Шушура Тамилы Владимировны, 1946 года рождения (далее – Т. В.).

Учеными выделяются две тактики стратегии самопрезентации: тактика передачи объективной информации и тактика передачи субъективной информации. Обратимся к тексту воспоминаний Т.В. и проанализируем данные тактики.

Тактика передачи объективной информации «предполагает передачу фактической информации логического характера, которая основана на четких сведениях и цифрах» [2, с. 77]. Данная тактика выражается в меморатах рассказчицы с помощью разнообразных языковых средств. В первую очередь, следует назвать числительные, которые в силу своей природы призваны передавать объективную информацию. В меморатах Т. В. числительные функционируют в разных смысловых блоках:

1. Возраст: *Як токо двинацать лет було мини, школьни каникулы, я на роботы, на току, на розгрузкы, там пышыныця... И ото фси каникулы на роботы, двинацат, трынацатый оце ш. А тоди ужэ було мини трынацать, мэнэ поставылы (я така была вопце девачка крепка) и мэнэ поставылы, сосетка и ще там одна дифчёнка, на цыплят, на суточных цыплят...* Обращает на себя внимание, что указание на возраст обязательно сопровождает рассказ Т. В. об очередном этапе ее трудового пути. Это неудивительно, ведь концепт *труд* является центральным в автобиографических рассказах сельских жителей, поскольку работа для них, по сути, выступает образом жизни, а жизнь проходит во время работы.

2. Временной континуум: *Як ото цыплята бэрэши суточны, так и це ш, ноль-два. И два мисяця кормыш, ухажушш, тоди здаеш.*

3. Количество животных, за которых несет ответственность работник: *Мама прыйшла мини помагать, я нэ могу доить ужэ, питнацыть кароф... Двинацать тысяч цыплят, и як раз протиф дому на фтаром километру.*

4. Возраст животных: *Цэ таки ужэ, шо два мисяця, тры–чытыри поросяткам. Ага, а тоди мэнэ поставылы на ноль-два.*

5. Привес: *Вы так ныкада прывеса ны получатэ. Сто двацать чытыри грама получили, то цэ скажыть спасиба, шо нам, кажэ, сто двацать грам ще далы. Та с такым, кажэ, отнашэнием там и сто двацать ны нада вам давать.*

6. Объем / площадь: *Пыйдымо брать корм, а варылы такый кашу густу-густу вырылы. Пыйдымо набырать, я ш набыру, натопчу, як вона ш кажэ, видра питнацатилитрови... Прыстав, шо мни шыснацать лет, два таких видра по трыцать килаграм тинуть... И у нас жы ш огород був тама ш за СЭТЭФХЭ двацать сем сотых... У мэнэ двацать, допустим, хай, и пять, а у нэй двацать и сем. Ну двацать кылаграм симсот грам. Ага, а у мэнэ двацать килаграм и пяцот грам чытыри фси тура ф круговую. А у нэй одын тур.*

7. Расстояние. *Двинацать тысяч цыплят и як раз протиф дому на фтаром киламетру, канец, дарога метров двести, и нашы шалашы стоялы оце ш с этимы с цыпляткамы.*

Следует отметить, что такое конкретное указание на разнообразные количественные показатели, связанные с работой, обусловлены, безусловно, профессиональной деятельностью Т. В., которая всю жизнь была связана именно с животноводством, занимала руководящие должности. Ее память сохранила все до мелочей, что демонстрирует, насколько глубоко рассказчица вникла в работу и посвящала себя этому делу.

Маркерами прошлого в воспоминаниях Т. В. выступают и имена собственные – антропонимы и топонимы, выполняющие характерные для них когнитивную, номинативную и коммуникативную функции. Преимущественно Т. В. использует в своих мемуарах антропонимы, которые можно объединить в несколько групп:

1. Имена: *А жылы ш дэ они, то ш Шушуры началы строяця, а вин помогав дятке Ваське класты, вот... Там покойни робылы Выснины, Ванька и та, тю, гля, я зобула, як её жэ... Тамарка... В машины посадыв йиго и Витьку. А Витьку, правда, ны выкыдав, а так тики тожэ. А Васька той ны супэрэчив, вопице ны обзывался... А Марию ныколы ны забуду...*

Обратим внимание на наличие суффикса -К- в названных именах. Обычно уменьшительные имена, образованные при помощи данного суффикса, отличаются грубоватой, пренебрежительной коннотацией. Исторически это связано с существовавшей традицией использовать имена для самоуничижения при обращении к лицу из привилегированного сословия. Однако для жителей села данная форма не является грубой, она лишь свидетельствует о простоте общения и очевидной близости между рассказчиком и именуемым. В некотором роде, как отмечают исследователи, формф с суффиксом -К- выступали в народной речевой среде в роли аналогов имён с уменьшительно-ласкательными суффиксами -ОЧК-, -ЕЧК-, -ОНЬК-, -ЕНЬК.

2. Фамилии: *Прыхав прыцыдатель Пидан, на маму дывиця... Ага, Ветров дятка питходэ, нагой тики тово, полытила моя каша... Ты мини вси равно, хоть Грэчиху, яка разныця кого... Колы вызывалы Довыдэнка, а Довыданко був заведуцим... А вин позвоныв этому, Гарбузу, што мне делать, так ы так... А Пархомынка (ныхто ны бачив) стоить та слуха...*

3. Имя + фамилия + отчество: *А Пытрэнко цэй жыш пыдлыза був, Михал Иваныч, фсэ врэмьа по зоданию Витиному йиздыв до мэнэ...*

4. Отчество: *Дивчата гукают мэнэ: – Владимировна, иды сюда!* Так рассказчицу называли ее подчиненные, что говорит о более близких отношениях в сельской местности, чем обычно в модели «начальник – подчиненный». Отметим, что в целом обращения по отчеству в народной речи могут использоваться как знак уважения к человеку либо как доказательство долгой дружеской связи.

5. Имя + отчество: *МЭТЭФЭ поставыла на нагы, довольни вси, ще прыхав Анатолий Матвеевич... Йивгеня Иванна, шо там... А МЭТЭХВЭ робыл, отут на углу живэ, хата стоить, Ольга, йиш батько робыл тамычкы, Пал Пытровыч...*

6. Имя + фамилия (такое сочетание используется только для именованья мужчин): *Сразу Городова поставыли, ладно, Гордово Ваньку ставлялы. Ну, вин ладно, вин ны спициалист, вин трактарист, ладно, пацан... А тоди поставылы Мокарынка Сиргея с ынституцкым абразаванием... Васька Курочка и Качан Витька...*

При упоминании женщин последовательно вместо фамилии употребляется отфамильное прозвище с характерным суффиксом –ИХ(а). В.В. Виноградов указывал, что ему свойственны «живые значения» [1], видимо, имея в виду его исключительную продуктивность в народной речи именно как суффикса женскости: *Женя Пидюрыха была у мэнэ зоотэхником, Люда Пархомынчиха – учёчиком... Яка оцэ Зинка была Пауциха покойна, на совисть робыла... А та, Лена Рыпчиха, Генкына, тожэ харашо робыла, тожэ у нэй харащи булы поросяткы... А такычкы хто, як-ныбуь Валька Пытрэнчиха, у нэй харащи поросяткы булы... И пишла ото я робыть, а с тёткой Ленкой Васильчихою, а ву нэй жэ дитэй нэ було, и оцэ пийдымо брать корм, а варыли такый кашу густу-густу вырылы... И цэ ш я прыйшла на роботу, а дивчата и кажуть, Валька Пытрэнчиха, кума Алка Назарынчиха... А тоди с Валею Жычихою було сядуть на лавочки, ото ш хто знае ш, росказувалы...*

Прозвища, по признанию самой Т. В., были очень распространены: *И Валя Жычиха, она ш мэнэ ны як нэ называла, она, у нэй вопце тут ныкого ны було по имени, у фсих була кличка. Я була, пидожды, хто, королева? Королева, по-мойму. Ага, шось такэ. Чи прынцеса, чи королева, нэ, королева, по-мойму.* Т. В. делает ремарку о том, что её звали королевой. Это прозвище говорит о том, что она выделялась среди остальных сотрудников, которым давали прозвища, трудолюбием, ответственностью, честностью и умением слаженно организовать работу. Недаром это вызывало у некоторых зависть.

Обратим внимание на высказывания, в которых используется формула, выражающая самоидентификацию информанта, прежде всего профессиональную, представленную существительными – номинациями профессий: *Я ужэ робыла помошником учёчика, тоди ужэ я стала дояркою... Тим боле ще свынаркой робыла, прынимала, таки оны манюньки, так ш харашыньки... Ну, и вин ждал мэнэ, и снял мэнэ с зоотэхникив и поставыл мэнэ заведущей на ферму. Ну, я ото ш стала... Ага. А то ш стала ш заведущей и пишла ш цэ на МЭТЭХВЭ, мэнэ поставылы. Цэ ш я тут була заатэхником, я нэ знаю, стикы я лет була, тры чи чытыри, СЫТЫХВИ... В поливоцтви робыла, буряк пололы, ну фсэ, шо дэ нада...*

В рассказах Т. В. есть упоминания о собственных достижениях: *И я всё время шла у пэрэдовицах. А потом дятьки Васьки Грэчки маты прыйшла до нас свынаркою, и здаем мы тур, и я здаю и вона. Я здаю читвэртый тур, а она пэрвый. У мэнэ читвэртый тур пошты як у нэй, а у нэй пэрвый. И мэнэ ш выдвынулы в пырыдовыкы и награждают жэ ш на раён.*

Под тактикой передачи субъективной информации понимается оценка рассказчиком собственных качеств, черт характера, уровня знаний и жизненного опыта

[2]. Чаще всего рассказчик позиционирует себя с позитивной стороны, но не исключены моменты, в которых фиксируется неблагоприятная оценка. В анализируемых нами воспоминаниях Т. В. о трудовой деятельности реализуется исключительно тактика передачи положительной информации о себе. Труд является важнейшей нравственной ценностью в картине мира сельского человека, поэтому характеристика личности по отношению к работе является критерием её соответствия морально-этическому эталону вообще. Мемораты Т. В. демонстрируют следующие ее черты характера и жизненные принципы как работника:

1. Ум, грамотность: *Я ш робыла заведущей, сразу ш мэнэ поставылы зоотэхником. Ны знаю, хто сказав, шо поставтэ Шушуру зоотэхником, она грамотна. И ото мэнэ як бах и поставылы.*

2. Требовательность: *Шо п я ны бачила ны одной доски там и вопце ныде. Шо п я ны бачила ны одной доски. Так, цэ рас. Тыпер, шо п я ны бачила грязной воды у вас. Шо это такое, у вас вода вся в гимнах стоить. Як опровляющя туда, так она и стоить...*

Обратим внимание на использование в данных предложениях анафоры. За счет этой стилистической фигуры адресант добавляет повествованию эмоциональности. Приведенный элемент самопрезентации подается в виде самоцитации, т. е. это не просто пересказ, это цитирование себя с воспроизведением интонации в том виде, в котором эти фразы Т. В. адресовала работникам много лет назад, рассказчица буквально интонационно воспроизводит свое речевое поведение, транслируя свои переживания, боль за общее дело.

3. Великолепные организаторские способности: *Пидняла ферму, як рас новый корпус поставылы чытырэхрядный. Я корпус прыняла цэй. А на СЭТЭХВИ робыла, ну цэ ужэ после... Ага, корпус харошый, здаровый, прыняла я. Ну, пырыбазировалы там отой корпус, де булы стадо. Одын пишов пьд родылку, другой пишол пьд тылят. Ны пьд тылят, а пьд ти, шо тылылыся коровы, и малиньки тиляткы там булы то ш. Ну, родылка... МЭТЭФЭ поставыла на нагы, довольни вси...*

Из представленных отрывков видно, что Т. В. была профессионалом в своем деле. Она единственная могла организовать работу так, чтобы ферма через время становилась ведущей в колхозе. Это говорит о том, что Т. В. обладала лидерскими качествами, не боялась брать на себя ответственность и слаженно делать свое дело. Примечательны слов одного из специалистов колхоза о Т. В.: *А вин кажэ: «Пока ты Шушуру ны поставышь, ны будэ дела. Поставь ийё и всё пойдет». О-о-о, та шо на мини свет клином зийшовся, чи шо. То на МЭТЭХФЭ, то на СТЭХФЭ».* Здесь важно, что Т. В. приводит в пример слова других людей, сказанные о ней, т. е. чужую речь. Эта тактика передачи субъективной информации очень важна, поскольку передает оценку окружающих – взгляд со стороны.

Таким образом, в меморатах Т.В. Шушуры, посвящённых труду, представлены разные тактики самопрезентации человека, как объективная, которая помогает адресату составить представление об объективной действительности, воспроизводимой в воспоминаниях о прошлом, так и субъективная, характеризующая личность самого адресата.

Библиографический список

1. Виноградов В. В. История слов. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov>
2. Толстова М. А. Реализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020.

ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОЛОГИЗМОВ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению аксиологического аспекта неологизмов в медицинском дискурсе. Рассматриваются две группы неологизмов. В первую группу включены коронеологизмы. Вторая группа включает неологизмы из различных областей медицинского дискурса. В статье раскрывается понятие «ценность», дается краткая история возникновения аксиологии. Отмечается, что неологизмы отражают реалии современного общества, определяют современную ценностную картину мира.

Ключевые слова: *дискурс, неологизм, аксиология, ценностная картина мира, ценность, антиценность.*

«Ценности – это убеждения человека в значимости (важности) для него некоторого объекта или состояния как цели или средства. Ценности – это стандарты, с которыми человек соотносит реальное положение вещей (результат соотнесения выражается в оценках удовлетворенности). Базовые ценности – это те конечные, "целевые" ценности человека, на основе которых формируется все множество инструментальных (оперативных, текущих) ценностей, направляющих его жизнедеятельность» [2, с. 5].

Аксиология как отдельное философское направление, изучающее свойства, структуру и содержание ценностей, сформировалось относительно недавно, во второй половине XIX в. Этому событию предшествовала долгая история философского осмысления понятия «ценность». Аксиологическая терминология отмечается уже в трудах Платона, который отождествлял ценности с благами, под которыми подразумевал мудрость, здоровье, богатство. Аристотель продолжил иерархизацию «ценного», составив классификацию добродетелей и пороков. При этом, в отличие от Платона, добродетели он не считал врожденными качествами, подчеркивая значимость нравственного воспитания [3, с. 13–14].

Б. С. Ерасов строит типологию ценностей следующим образом: 1) витальные: благополучие, безопасность, здоровье, жизнь и др.; 2) социальные: патриотизм, равенство, богатство, предприимчивость, трудолюбие, дисциплина, семья и др.; 3) политические: мир, конституция, законность, гражданские свободы и др.; 4) моральные: любовь к детям, уважение к старшим, порядочность, честь, любовь, добро и др.; 5) религиозные: вера, Бог и др.; 6) эстетические: гармония, стиль, красота и др. [цит. по 3, с. 23].

Материалом исследования послужили неологизмы, взятые из современных лексикографических источников: Cambridge Dictionaries Online и Urban Dictionary.

Неологизмы разделены на группы.

В первую группу включены неологизмы, касающиеся ковид-19 и его прямых и косвенных последствий для жизни современного человечества.

Появившись внезапно и изменив в корне жизнь современного человека, ковид-19 способствовал появлению целого пласта неологизмов, следовательно, обогащению лексикона.

Novid – someone who has never had the Covid-19 virus – человек, который никогда не был заражен вирусом Ковид-19.

Pandemic brain – a series of symptoms including forgetting things and not being able to think clearly that people are said to experience as a result of the covid-19 pandemic, even if they have not had covid – последствия заболевания ковид-19, такие как забывчивость и неспособность ясно мыслить, которые обнаруживаются у людей, даже не перенесших коронавируса.

Tripledemic – the widespread outbreak of covid-19, flu and respiratory syncytial virus at the same time – вспышка ковид-19, гриппа и респираторно-синцитиального вируса одновременно.

Но данная группа не ограничивается только коронеологизмами. Испугавшись стихийного бедствия под названием «Ковид-19», люди теперь особенно чувствительны к слову «вирус».

Superdodger – someone who is resistant to a particular virus – тот, кто устойчив к определенному вирусу.

Disease X – a currently unknown virus or bacterium that has the potential to cause a serious epidemic – неизвестный в настоящее время вирус или бактерия, которые могут вызвать серьезную эпидемию.

MPOX – a new word for monkeypox (= a disease caused by a virus that can be spread to humans by monkeys, apes, rats, and other animals) – новое слово для обозначения оспы обезьян (заболевания, вызываемого вирусом, который может передаваться человеку от обезьян, приматов, крыс и других животных).

Virovore – an organism that eats viruses – организм, питающийся вирусами.

С.Ф. Анисимов, исследуя проблему ценностей в условиях изменяющегося мира, в основу классификации кладет принцип стабильности (устойчивости). Он считает, что существуют абсолютные ценности, которые неизменно сохраняют свою значимость (жизнь, здоровье, духовность, прогресс и др.), и релятивные ценности, характеризующиеся непостоянством и изменчивостью под влиянием исторических, политических и идеологических условий. Автор выделяет и антиценности (псевдоценности), под которыми подразумевает невежество, болезни, деградацию и т.п. Кроме того, ученый ранжировал ценности по их значимости. К высшим ценностям бытия он относит человека и человечество, затем следуют ценности материальной жизни и социальные ценности духовной жизни общества [3, с. 23].

Столкнувшись с вирусом и несущее огромные человеческие, экономические потери, вынужденное отказаться от прежнего образа жизни, человечество пережило глобальную переоценку ценностей. Антиценность (болезнь) позволила по достоинству оценить здоровье.

Во вторую группу включены неологизмы из различных областей медицины: диетология, психология, генетика, спортивная медицина и др.

Candyceutical – a small, chewy, coloured sweet that contains vitamins or other ingredients to improve your health – небольшая жевательная цветная конфета, содержащая витамины или другие ингредиенты для улучшения вашего здоровья.

Sustainatarian – a person who only eats food that has been produced in a way that causes little or no damage to the environment, and usually very little meat or fish – человек, который ест только продукты, произведенные таким образом, чтобы вред, наносимый окружающей среде, был минимальным. Как правило, люди, придерживающиеся этой диеты, употребляют очень мало мяса и рыбы.

Mind dieting – the activity of thinking carefully about what you eat in a way that motivates you to choose foods that are better for you – тщательный анализ своего меню, в результате которого человек выбирает наиболее полезные продукты питания.

Pangenome – the complete set of genetic material of humans from different geographical and ethnic origins – полный набор генетического материала людей разного географического и этнического происхождения.

Robotherapist – a robot that can massage someone to treat pain and injury, in a similar way to a physiotherapist – робот, который способен делать лечебный массаж.

Parastronaut – a person with a physical disability who has been trained to travel in space – человек с ограниченными физическими возможностями, прошедший подготовку к путешествию в космос.

Dental desert – an area where there are not enough dentists to give everyone who lives there dental care, or where it is very difficult to get affordable or state-funded dental care – район, где не хватает стоматологов, чтобы оказать стоматологическую помощь всем, кто там живет, или где очень трудно получить доступную либо финансируемую государством стоматологическую помощь.

Если обратиться к типологии ценностей Б.С. Ерасова, то данная подгруппа включает: 1) витальные ценности: здоровье, жизнь; 2) социальные: равенство, трудолюбие, дисциплина; 3) моральные: любовь к окружающему миру, к ближнему, добро; 6) эстетические: красота.

Охватить в рамках одной статьи весь существующий в современных лексикографических источниках объем информации, в данном случае неологизмов в медицинском дискурсе, не представляется возможным. Задача состояла в том, чтобы обобщенно (сжато) представить ключевые положения о ценностях в современном обществе. Глобальные ценности (здоровье, благополучие, любовь, равенство, красота) являются вечными ценностями. Но, анализируя неологизмы, замечаем, что мир становится гуманнее: отдаление от принципов антропоцентризма; забота о природе; осознанная забота о своем здоровье, иногда переходящая в чрезмерную озабоченность; забота о ближнем и др. Все перечисленное доказывает, что данный пласт лексики однозначно заслуживает внимания и дальнейшего более детального исследования.

Библиографический список

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2007.

2. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3.

3. Шевякина С.В. Языковые средства трансформации ценностно-ориентационного лингвокультурного пространства (на материале интернет-дискурса психологии ЗОЖ): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2023.

4. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>
5. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>

«ФИТОПОРТРЕТ «КАРТОФЕЛЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ)

В статье представлен фитопортрет «Картофель», отражающий разнообразие диалектных номинаций травянистого растения в кубанских говорах, его применение в быту и этномедицине.

Ключевые слова: диалект, кубанские говоры, региональная лексикография, фитозарисовка, фитоним, фитопортрет.

Одним из способов лингвистической презентации растений является *фитопортрет*, под которым понимается разноаспектный анализ одного растительного образа [11, с. 18]. Для создания фитопортретов кубанских фитонимов нами была разработана модель из 12 рубрик: 1) введение, 2) диалектные наименования растения / дерева / кустарника в кубанских говорах, 3) гиперо-гипонимическая парадигма, 4) диалектные фитоморфони́мы, 5) этимология (в том числе народная), 6) словообразовательное гнездо, 7) образный потенциал фитонима, 8) использование в быту, 9) применение в медицине, 10) обряды и религиозные праздники, 11) фольклор, 12) народные приметы и сельскохозяйственные прогнозы, связанные с растением. Отсутствие в фитопортретах некоторых структурных частей не исключается, однако при описании растительной реалии необходимо стремиться к её наиболее полному анализу. Минимальное количество рубрик для фитопортрета – 7.

Данная статья, посвященная лингвокультурологическому описанию картофеля, продолжает серию фитопортретов, опубликованных на материале кубанских говоров [см. также: 3, с. 7–20; 7, с. 160–163]. Основой для презентации отдельного растительного образа в жанре *фитопортрета* послужили материалы региональных словарей, а также этнографические и фольклорные источники. Представим фитопортрет «Картофель».

Введение: картофель – многолетнее травянистое растение кустовой формы высотой от 50 до 80 см, родиной которого является Южная Америка. Светолюбивое и требовательное к влажной почве растение цветёт в июне-августе цветками, имеющими разнообразную окраску: белую, розоватую или фиолетовую. Оптимальное время для посадки корнеплода – начало мая. Его плодоношение начинается в сентябре.

Диалектные наименования картофеля в кубанских говорах: лексические диалектизмы – *барабу́ля, бу́льба*; структурные варианты общенародных слов *картофель* и *картошка* – *карто́'пля', карто́'ха, карто́'хля, картоши́'на, картыши́'.*

Лексемы *барабу́ля, карто́'ха* и *картоши́'на* фиксируются на востоке и юго-востоке Краснодарского края, где исторически складывались кубанские говоры с южнорусской языковой основой. Слово *карто́'пля'* распространено в кубанских говорах с украинской языковой основой (запад и юго-запад Краснодарского края), в которые оно вошло из материнского языка [8, с. 112].

Существительное *карто́'хля* зарегистрировано в двух районах края – Красноармейском и Темрюкском. Единичные фиксации имеют фитоним *картыши́'* (ст-ца Марьянская) и фитоним *картошо́'нка* (ст-ца Бесстрашная). Не получила широкого распространения на Кубани номинация *бу́'льба* (Новокубанский район).

Диалектные фитоморфонимы (части растений): *боды'лка* 'стебель картофеля', *гы'(и')ч(к)а* 'картофельная ботва', *листя'нка* 'молодые листья картофеля', *лушпа'йки*, *шко'рки* 'картофельные очистки', *огу'дина* 'ботва картофеля'.

Гиперо-гипонимическая парадигма: гиперонимы – *барабу'ля*, *бу'льба*, *карто'пля'*, *карто'ха*, *карто'хля*, *картоши'на*, *картыши'*. Гипонимы – *марака'нка* 'сорт раннего картофеля', *сви(ы)ня'ча(я) карто'шка* 'мелкий картофель, пригодный для корма свиней'.

Составное наименование *сви(ы)ня'ча(я) карто'шка* встречается на всей территории бытования кубанских говоров. Фитоним *марака'нка* имеет единичную фиксацию в селе Успенском.

Этимология (в том числе народная): название «картофель» заимствовано из немецкого языка (ср. Kartoffel), куда пришли итальянские слова *tartufolo*, *tartuffel* 'трюфель'. М. Фасмер отмечает, что итальянское название перенесено на картофель ввиду внешнего сходства корнеплода с клубнями деликатесного гриба [ср. 9, с. 204].

Номинация *барабу'ля* представляет собой структурный вариант украинизма *баробо'ля* 'картофель', который, в свою очередь, является фонетическим видоизменением названия немецкой земли Brandenburg, через которую картофель распространялся на восток [4, с. 137]. Лексема *бу'льба* заимствована из польского языка, ср. *bulba*, *bulwa* 'клубень, луковица' [10, с. 240]. По мнению украинских этимологов, фитоним происходит от индоевропейского корня **bol-* / *bul-* 'грудка, глыба, бульба, нарост, выпуклость' [4, с. 291–292]. Наименование сорта раннего картофеля *марака'нка* - фонетическое видоизменение литературного названия сорта *америка'нка*, выведенного в США во второй половине XIX века.

Анализируя происхождение фитоморфонима *гы'(и')ч(к)а* 'картофельная ботва', украинские этимологи отмечают его связь, с одной стороны, с праславянскими словами **gukъ*, *гысь* 'стрелка лука', с другой, со словами **gyža*, *gyzель* 'бедро, верхняя часть ноги' [4, с. 511]. Лексическая единица *лушпа'йка* восходит к старославянскому слову *лоуспа* 'усик, ости колоса растения; чешуя' и праславянскому слову **lousp-a*, имеющему индоевропейский корень **leu* 'отделять, разделять, отрывать' [5, с. 311]. Лексема *шко'рки* является видоизменением церковнославянского слова *ско'ра* 'кожа, шкура, мех, кора' [10, с. 650]. Украинские этимологи указывают на наличие в фитоморфониме *бадилля* 'сухой стебель' праславянского корня **bad-/bod-* [4, с. 112], который содержится в глаголе **bodti* 'бить, колоть' [Там же: 237].

Словообразовательное гнездо: на Кубани зафиксирован только один дериват, образованный от существительного *карто'п(х)ля* – прилагательное *картон(х)ля'ный* 'картофельный'.

Образный потенциал наименования картофеля: лексема *карто'ха* является компонентом устойчивого сравнения *нос картохой* 'о широком, толстом книзу носе' (ср. с общенародным *нос картошкой*).

Применение в быту: главная ценность картофеля – его питательность, которая обеспечивается высоким содержанием углеводов. Блюда из него по значимости и калорийности не уступают хлебу. См., например, показательное высказывание информанта: «*Карто'хля е – пражывём*» (пос. Кучугуры). Существенной частью стола кубанцев картофель становится к концу XIX века [6, с. 174]. Приведём фрагмент рассказа информанта о прошлой жизни: «*Ну быт був ду'жэ прасты'й, о'чинь всё про'ста-про'ста. От ще колы' я мала' була', ба'бушка расска'зувала, но вот вана' сваё де'цтва када' вспамина'ла, гава'рила, шо у ни'х ище' и тари'лак да'жэ тада' не' бы'ла. И вары'лы ото' карто'плю, вары'лы карто'шку и ута'к высыпа'лы на сти'л пасриди'ни*

(ма́ма высыпа́ла йши́). И ба́тько пэ́рвым брав оту́ карто́плю, а ужэ́ патом де́тям мо́жна бы́ла йши́ бра́ты» (ст-ца Кущёвская).

Распространённое и простое в приготовлении блюдо – картофель, сваренный в кожуре – *ря́бчики / картошка в(у) ко́жушка́х / в(у) ши́не́лях / в(у) шко́рках*: «Ба, свари сегодня рябчиков» (ст-ца Мостовская). «Я люблю картошку в шини́лях» (ст-ца Передовая). «На кабы́ци звары́ла чаву́нчик карто́шкы в шко́рках» (ст-ца Старощербиновская).

Картофель и варили, и жарили: «Карто́хлю и вары́лы, и жа́рылы у потсо́лничном ма́сли» (ст-ца Марьянская). Из жареного картофеля с овощами делали жарёнку: «Внук лю́бить жарёнку. Цэ́ карто́шка с овоща́мы» (ст-ца Марьянская). Из картофеля также готовили пюре, которое на Кубани имеет диалектные наименования с прозрачной внутренней формой: *толчэ́нка / толчу́ха, топту́ха*: «А тада́ бо́льшы вары́ли за́тирку, талчу́ху – карто́шку талчэ́ную» (ст-ца Передовая). «– Шо на ужын? – Тапту́ха» (ст-ца Передовая). Картофель являлся основным ингредиентом распространённого на Кубани блюда – соус ‘тушёное мясо с картофелем и овощами’: «Со́ус? Так э́та мя́са с карто́шкой ту́шат» (пос. Пашковский). Такое блюдо считалось праздничным: «Ра́ньшы само́ основнэ́ на сва́йби було́ со́ус – мя́са и карто́шка» (с. Екатериновка).

Из овоща делали *картопля́ники* ‘лепёшки из картофеля, в которую подмешивалось немного муки’ и *карто́фельники* ‘котлеты, приготовленные из картофельного пюре, муки и лука’. Картофельные лепёшки сельские жители Кубани готовили в голод 1932-1933 гг.: «Груша́ники бы́ли и картопля́ники – и вы́жыли» (ст-ца Ширванская).

Мелкой картошкой кормят животных, чаще всего свиней, отсюда составное наименование *свиня́ча(я) карто́шка*: «– А почему называют свиня́ча карто́шка? – Свиня́ча карто́шка – свине́й ко́рмим» (ст-ца Отважная).

Из картофеля получают крахмал, который в кубанских говорах называют *картоп(х)ля́ная мука́*: «Картопля́на мука́ – цэ́ крахма́л» (ст-ца Старотитаровская).

Применение в этномедицине: на Кубани картофелем, сваренным в кожуре, лечат ангину: «Анги́на – па́рыльсы нат карто́шкой. Карто́шку в мунди́ри, отва́ривалы карто́шку в ка́жушка́х, и чи́стый листо́чик бума́шки ма́слам по́сным нама́жыши, а туди́ карто́шы ну чи́ там две пато́вчэ́и, пало́жыши и пря́м да го́лава ти́ла, до шы́и, абы шоп нэ́ спыкты́ шы́ю» (ст-ца Марьянская). Картофель используют при ожогах как жаропонижающее средство: *Карто́филь если опэ́че́и руку, то прыла́жуют. Он каг бы смягча́я ожо́г, выта́скывае́т там жар, нэ́ так бо́льна* (ст-ца Незамаевская). Картофель помогает при изжоге: *Карто́филь, ну если ижжо́га. Карто́филь, там каг бы крахма́л, надо сы́сты. Прыныма́ли* (ст-ца Незамаевская).

Фольклор: фольклористами Кубани записаны две загадки, отгадкой которых являются картофельные клубни: 1) *Курочка пустодом // Свила гнездо под двором. // Яйца несёт, // В землю кладёт*; 2) *У поли большом, // Пид зелёным кустиком // Лежат в зелени яички – // Снэсли их нэ́ птычки*. В основу малого фольклорного жанра легло сопоставление овальных плодов картофеля с яйцами.

Наименование растения встречается в пословице «Любовь не картошка, не выбросишь в окошко». Её значение очевидно: сильное и искреннее чувство нельзя «выбросить» из сердца и забыть подобно выброшенному картофелю.

Народные приметы и сельскохозяйственные прогнозы, связанные с растением: в кубанских говорах распространены приметы прогностического характера, связанные с будущим урожаем овоща: «На Евдошку сажают картошку». Считалось, что урожай картофеля, посаженного на Евдошку / Явдошку ‘День святой преподобной

Евдокии – 14 марта', будет обильным. На тёплого Алёшку 17 марта могли выбирать картошку, готовить ее к массовой посадке [1, с. 135]. Хотя бы «сорок ямок картошки» следовало посадить на День Сорока святых 9 марта [ср. 2, с. 136].

Составленный фитопортрет демонстрирует разнообразие диалектных наименований картофеля и его частей, вхождение большинства из них в активный словарь сельских жителей Краснодарского края, широкое применение растения в разных сферах жизни.

Библиографический список

1. Бондарь Н.И. Календарные праздники, обряды и фольклор // История, этнография, фольклор Кубани: Т. 5. Ростов-на-Дону, 2020. С. 117–162.
2. Бондарь Н.И. Календарные праздники, обряды и фольклор // История, этнография, фольклор Кубани: Т. 1. Краснодар, 2015. С. 121-141.
3. Борисова О.Г., Литвиненко Д.А. «Региональный лингвоботанический словарь с этнокультурными данными» как источник создания галереи фитопортретов и фитозарисовок // Русская речь. 2023. №. 2. С. 7-20.
4. Етимологичний словник української мови: в 6 т. Т. 1 / гол. ред. О. С. Мельничук. Киев, 1982.
5. Етимологичний словник української мови: в 6 т. Т. 3 / гол. ред. О. С. Мельничук. Киев, 1989.
6. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / отв. редактор К. В. Чистов. М., 1967.
7. Литвиненко Д.А. Фитозарисовка «Чабрец» (на материале словаря кубанских фитонимов) // Исследовательские парадигмы в современной филологии: Материалы VII Всероссийской конференции молодых учёных. Краснодар, 2022. С. 161–163.
8. Словник української мови: в 11 т. Т. 4 / гол. ред. И.К. Билодид. Киев, 1973.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1986.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., Прогресс, 1987.
11. Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. СПб., Наука, 2010.

О.В. Матвеев
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В. А. ВОДАРСКОГО

В статье представлен жизненный и научный путь дореволюционного филолога В. А. Водарского, одного из первых собирателей кубанской диалектной лексики и фразеологии.

Ключевые слова: *В.А. Водарский, дореволюционная филология, кубанские говоры.*

Среди дореволюционных собирателей восточнославянской диалектной лексики в кубанских и терских станицах сегодня практически забыто имя филолога Вячеслава

Александровича Водарского (1873–1943). Между тем он какое-то время жил в Кубанской области и обучал майкопских реалистов русской словесности.

В. А. Водарский родился 19 февраля 1873 г. в г. Кизляре в семье военного. Когда Вячеслав учился в гимназии, скончался отец. Мать, получив «вдовый вид» – удостоверительный документ для вдов, переехала с двумя сыновьями в г. Ставрополь. Историк-архивист, сотрудник Государственного архива Ивановской области О. И. Захарова отмечает, что, обучаясь в ставропольской гимназии, В. А. Водарский познакомился с осетинским просветителем и поэтом Костой Хетагуровым, читал ему свои первые стихи [1, с. 100].

После окончания гимназии юноша поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В столице он с головой окунулся в общественно-просветительскую жизнь. Об этом говорит факт вручения ему в начале марта 1896 г. благодарственного листа за проведение в Петербургской городской думе благотворительного «Базара Масленицы» для пособий недостаточно обеспеченным семьям служащих городского общественного управления [15, с. 205]. В то же время он участвовал в студенческом движении, за что был исключен из университета и на два года выслан к матери в Ставрополь [14, с. 100]. Здесь он давал уроки, работал в газете «Северный Кавказ» вместе с К. Хетагуровым, вёл в этом издании отдел хроники.

Мечтая получить филологическое образование, В. А. Водарский в 1899 г. опять поступил в Санкт-Петербургский Императорский университет. На этот раз более зрелый студент целиком ушел в кропотливую научную работу. Необходимость зарабатывать на жизнь привела его к известному исследователю русского летописания академику А. А. Шахматову, который в то время редактировал выпуски академического «Словаря русского языка». Кроме того, А. А. Шахматов руководил Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук, организовал изучение диалектов и памятников письменности. В. А. Водарский делал для А. А. Шахматова выписки из летописей, архивных документов, выборки из текстов, т. е. занимался незаметной, но необходимой черновой работой [14, с. 100].

Затем по рекомендации ученого В. А. Водарский был приглашен в качестве домашнего секретаря к академику-слависту А. Н. Пыпину. Литературовед, этнограф, историк общественного движения в России и славянских литератур А. Н. Пыпин был членом редакции и самым плодовитым сотрудником журнала «Вестник Европы», пользовался большим моральным авторитетом среди русской общественности.

Помимо учебы в университете и секретарской работы Вячеслав Александрович и сделал первые шаги в науке. По-видимому, во время каникул он не только посещал родных в Ставрополе, но и проводил полевые исследования в Терской области. Известны его записи фольклорных и лексических материалов в 1901 г. станицах Червленной и Старогладковской, которые он впоследствии опубликует в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа».

В 1902 г. в ведущем этнографическом журнале страны «Живая старина» была опубликована его работа «Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии», выполненная по результатам экспедиции в деревню Юрцино Ореховской волости в 1901 г. [13]. В перечень зафиксированной лексики В. А. Водарский включил слова, «наиболее интересные, т.е. не вошедшие в словарь Даля, либо вошедшие, но не с тем значением» [3, с. 392]. В год окончания университета собиратель был отмечен Русским Императорским географическим обществом, которое по итогам года присудило В. А. Водарскому малую серебряную медаль по отделению этнографии «за статьи в «Живой старине» [4, с. 192]. С 20 августа 1903 г. он был утвержден в чине коллежского асессора [16, с. 223].

В Государственном архиве Краснодарского края сохранилось тоненькое дело В. А. Водарского. Здесь сохранилось прошение попечителю Кавказского учебного округа дворянина Водарского от 3 июня 1903 г. В прошении говорилось: «Окончив историко-филологический факультет по славянско-русскому отделению, имею честь покорнейше просить Вас, Ваше Превосходительство, предоставить мне место учителя русского языка в одной из вверенных Вашему Превосходительству гимназий (мужских)» [7, л. 1]. Согласно списку личного состава Кавказского учебного округа на 1904 г. Вячеслав Александрович был зачислен в майкопское реальное училище с 15 августа 1903 г. учителем русского языка с жалованием 134 р. в год [12, с. 70–71].

Работая в майкопском Алексеевском реальном училище, В. А. Водарский большое внимание уделял методическому обеспечению своих уроков. Качество его занятий привлекли внимание даже попечителя Кавказского учебного округа. Последний сделал распоряжение о публикации некоторых методических разработок В. А. Водарского в качестве приложений к изданию «Циркуляров по управлению Кавказским учебным округом». Так, в приложении к № 3 «Циркуляров» за 1908 г. были напечатаны разработки уроков русской словесности преподавателя В. А. Водарского по пушкинским поэмам «Медный всадник», «Галуб» и «Полтава» [8]. В приложении к № 6 за тот же год был издан урок по драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» [9].

В Майкопе В. А. Водарский не забывал и свои ученые занятия. Большой интерес учитель проявлял к кавказским древностям. В 1903 г. появилась в печати его работа о раннесредневековом христианском храме X в. на отрогах горы Шоан [2]. Поскольку в 7 км от храма находилось родовое село К. Л. Хетагурова Георгиевско-Осетинское, можно предположить, что научная поездка В. А. Водарского была предлогом, чтобы посетить ссыльного, больного и крайне нуждающегося в материальном плане поэта.

В 1903 г. вышла его статья «Рифмы Пушкина» в «Филологическом вестнике», «Материалы для словаря пушкинского прозаического словаря» (172 с.), которые изданы отдельной книгой в 1905 г. [15, с. 222]. Продолжая оставаться сотрудником нового издания Академического словаря русского языка, В. А. Водарский фиксировал лексику русских говоров в Кубанской и Терской областях. В 1908 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» вышла его работа «Слова великорусского наречия, записанные в стан. Михайловской, Кубанской области». Зафиксированные диалектизмы размещены в алфавитном порядке, снабжены ударениями и окончаниями в мужском и женском родах, нередко проиллюстрированы малыми жанрами станичного фольклора. Так, прилагательное *ла'сый* 'охочий до чего-либо' В. А. Водарский пояснил загадкой: «Лежит ласа, простеглася, как встанет, небо достанет» (дорога) [16, с. 45]. Слово *прико'л* 'кол, вбитый в землю для привязывания' учитель характеризовал следующей загадкой: «Стоят кони на приколе – не пьют, не ядят, все гладкие стоят» (плетень) [16, с. 47]. Для объяснения местного названия печной трубы *дед* В. А. Водарский привел загадку: «Стоит дед над кручей, заткнута ж...а онучей» [11, с. 44]. Интересна свадебная лексика михайловцев: *бесе'да* 'родные и знакомые, присутствующие на свадьбе', *кова'ть* 'подносить (на свадьбе) водку', *схода'тай* 'староста, тот, кто идет сватать невесту; таким берут человека опытного, умеющего хорошо говорить, «делать разные предлоги»'. Немало записанных В. А. Водарским слов были связаны с материальной культурой станичников: *дежа'* 'кадушка, в которой месят тесто; делается обычно на три пуда муки: на три "всхода"', *зага'та* 'стенка, заборчик, делаемый из соломы', *заку'та* 'маленький сарай', *нави'лин* 'что можно зараз взять на вилы', *но'вина* 'сбор зерна, производимый духовенством после уборки хлеба', *пу'нька* 'помещение без окон для хранения чего-либо', *пятки'* 'снопы, сложенные так: три внизу – на них два, один сверху', *серя'к* 'зипун', *шпорова'ть* 'мазать стены избы глиной'. Ряд

слов иллюстрируют понятийный аппарат, связанный с домашними животными: *здухови'на* 'у мерина ног возле здуховины пятно', *кось* 'кричат на жеребенка, прогоняя его', *оцё* 'так кричат на поросенка, прогоняя его', *олё* 'кричат на свинью', *паць* 'так зовут поросенка', *пырь* 'так кричат на овцу, прогоняя её', *чух* 'так кричат, зовя свинью', *сосуно'к* 'лошадь 1-го года', *стрижа'к* 'лошадь 2-х лет, ибо на 2-м годе её стригут', *третья'к* 'лошадь трех лет', *ло'шадь* 'конь четырех лет'.

Таким образом, В. А. Водарский стоял у истоков кропотливого изучения кубанского диалекта с южнорусской основой, которое продолжается до сих пор.

В том же году в «Сборнике для описания местностей и племен Кавказа» была напечатана работа В. А. Водарского «Особенности говоров станиц Терской и Червлёной». Для анализа исследователь привлек собственные записи фольклорных материалов в Терской области в 1901 г., а также тексты, записанные собирателем Д. Еланским и офицером Ф. С. Панкратовым. В. А. Водарский отметил, что «говор этих двух станиц относится к великорусскому, или, лучше сказать, к южно-великорусскому акающему наречию. Говор этот сильно акающий» [15, с. 81]. Учитель рассмотрел способы произношения станичниками гласных и согласных, характер построения прилагательных, местоимений, наречий, глаголов и предлогов, выделил способы склонения членов и употребления частицы *та*, морфологические и синтаксические особенности. Помимо этого, он привел список диалектных слов жителей станиц Терской и Червлёной с объяснениями, напр.: *азялфи'р* 'испорченное слово зефир', *витаво'й* 'о ружье: "витовой ствол", т. е. с винтообразным нарезом внутри', *изойти'* 'в выражении "раны кровью изошли" – много крови вышло из ран', *кога'чить* 'о гусях: кричать', *кло'кчить* 'об орлах: кричать', *моска'лик* 'уменьш.-ласк. москаль', *прибры'знуть* 'в выражении "на шашки удалью прибрызнем": наострим шашки удалью', *шипёхонько* 'важно' и др. Материалы В. А. Водарского наряду с другими дореволюционными публикациями терской лексики представляют важный источник для изучения динамики и особенностей бытования говоров терских казаков.

Не менее интересны работы В. А. Водарского в области фольклористики. В 1903 г. в журнале «Живая старина» был напечатан зафиксированный Вячеславом Александровичем заговор против домашних насекомых [13, с. 496]. В 1908 г. В. А. Водарский опубликовал тексты песен, записанные им ещё в студенческую пору в терских станицах [14]. 26 текстов были зафиксированы в ст-це Червлёной, 6 – в ст-це Старогладковской. Тексты снабжены комментариями с указанием уже известных вариантов как на Тереке, так и в других областях России. Отдельные диалектные слова автор публикации сопроводил пояснениями.

В 1907 г. В. А. Водарский женился, но семейная жизнь у него не сложилась [14, с. 101]. По-видимому, это обстоятельство способствовало тому, что он сначала покинул Майкоп, а затем и Кавказ. Летом 1908 г. В. А. Водарский получил предложение перебраться в Тифлис. За заслуги на ниве кавказского просвещения он был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. [15, с. 205], чином надворного советника.

Затем В. А. Водарский служил в Кутаисском реальном училище [10, с. 222], директор которого 5 июля 1911 г. писал: «Учитель русского языка Кутаисского реального училища Водарский относится к своим обязанностям аккуратно, старается следить за педагогической литературой, внимателен к нуждам учащихся, вежлив, корректен по отношению к сослуживцам и предан делу службы вообще» [7, л. 27].

Из Кутаиса В. А. Водарский перебрался во Владимирскую губернию, где в 1912 г. уже преподавал в шуйской мужской гимназии [11, с. 288]. В учебных заведениях Шуи он проработал около 30 лет, встречался с К. Д. Бальмонтом, переписывался с В. Д. Бонч-Бруевичем и О. Л. Книппер-Чеховой, написал ряд работ о творчестве Л. Н. Толстого,

А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, книги и статьи о жизни и наследии А. С. Пушкина, издал сборник частушек Московской, Владимирской, Костромской, Саратовской и других губерний и пр. [17, с. 220]. Скончался В. А. Водарский 14 марта 1943 г., похоронен в г. Шуе [14, с. 102].

Кавказские страницы жизненного пути и научного наследия В. А. Водарского нуждаются в дальнейшем углубленном прочтении, однако уже сегодня очевидно, что он принимал деятельное участие в формировании местного интеллектуального пространства, активно содействовал просвещению, способствовал развитию собирательского направления в восточнославянском языкознании Кубанской и Терской областей.

Библиографический список

1. Алфавитный список лиц, удостоенных наград Императорского Русского географического общества со времени его основания по 1905 год включительно. СПб., 1905.
2. Водарский В. Древний храм на горе Шоане // Живописная Россия. Иллюстрированный вестник отчизноведения, истории, культуры, государственной, общественной и экономической жизни России. 1903. Т. 3. С. 114–129.
3. Водарский В. Заговор для уничтожения находящихся в доме тараканов, сверчков и мокриц (Записано в Кубанской области) // Живая старина. 1903. Вып. 3. С. 496.
4. Водарский В.А. Песни, записанные в Червленной и Старогладковской станицах Терской области в 1901 году // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 39. Отд. II. С. 57–80.
5. Водарский В.А. Особенности говоров станиц Терской (Сунженского отдела Терской обл.) и Червленной (Терской обл.) // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 39. Отд. II. С. 81–100.
6. Водарский В. Слова великорусского наречия, записанные в стан. Михайловской, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 43–39.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 427. Оп. 2. Д. 267.
8. Из уроков по русской словесности в VI классе реального училища: «Медный всадник», «Галуб» и «Полтава», Пушкина. (Преподавателя В.А. Водарского) // Приложение к Циркуляру по управлению Кавказским учебным округом за 1908 год (Отдел I. № 3). С. 23–31.
9. Из уроков русской словесности в VI классе реального училища. Преподавателя В.А. Водарского. «Борис Годунов» Пушкина // Приложение к Циркуляру по управлению Кавказским учебным округом за 1908 год (Отдел I. № 6). С. 63–76.
10. Кавказский календарь на 1911 год. Тифлис, 1910.
11. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год. Владимир, 1912.
12. Личный состав Кавказского учебного округа к 1-му января 1904 года. Тифлис, 1904. Ч. I.
13. Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии (Деревня Юрцино, Орехинская волость. Записаны в 1901 году. Сообщил Вячеслав Водарский // Живая старина. 1902. Вып. 3–4. С. 392–412.
14. О.З. Собиратель народной мудрости // Ивановский архив: Краевед. науч.-попул. альманах / ред.-сост. О.И. Захарова. Вып. 1. Иваново, 1996. С. 100–102.
15. Розанова Л.В. Шуйские родники. Шуя, 2007.

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В РУССКОЙ И МАЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье дается сопоставительный анализ традиционных для носителей разных языков зоонимов, восприятие которых обеспечивает адекватность их восприятия иностранными студентами, приезжающими на обучение из Мали. Исследуются аспекты сходства и отличия, определяются направления их анализа при изучении практического курса русского языка.

Ключевые слова: лингвокультура, картина мира, мировидение, символ, номинация, коннотация, фразеологизм.

Проблема восприятия иностранными учащимися языка и культуры страны изучаемого языка очень важна. Традиционные образы животных и птиц и связанные с коннотации – это часть картины мира носителей языка. Приезжая учиться в Россию, иностранный студент обязательно сталкивается с подобраными лексическими единицами и всегда отмечает их сходство или отличие лексем от родного языка.

В данной статье мы анализируем образы животных и птиц в русской и малийской лингвокультурах. Ведь это, как нам кажется, позволяет зафиксировать и что-то общее, и нечто специфическое, в мировидении разных народов.

Мали – далекая африканская страна. Большинство населения говорит на французском языке, поэтому сравнительный анализ, проведенный нами, предполагает сопоставление описываемых образов животных и птиц с французским и бамбара – языком большинства населения.

Большое влияние на культуру в Мали оказывает религия – ислам, поэтому в бытовом поведении русских и малийцев много отличий. Например, за семейной трапезой члены семьи едят руками из одного блюда. Дело тут не в незнании столовых приборов или этикета, а в символическом значении этого обряда: такая совместная еда является символом единения и напоминанием о том времени, когда еды было недостаточно. В русской же бытовой культуре большая ориентация на европейский этикет. Этот бытовой пример сразу помогает понять, насколько разным может быть мировосприятие у двух разных народов.

Наиболее распространенными образами домашних животных у русских являются корова, лошадь, свинья, собака, кошка, коза, баран, овца, а у малийцев корова, собака, кошка, коза, козел, баран, осел и буйвол. Лошадей в Мали нет.

Рассмотрим, например, образ коровы в русской и малийской лингвокультурах. Исторически русские почитали корову, которая была для семьи гарантом сытости, даже олицетворением богатства. Поэтому в текстах устного народного творчества ее называют «матушкой», часто благодарят. В русском языке есть фразеологизм «дойная корова». Так называют безотказным источник дохода.

В восприятии малийцев корова – это, во-первых, толстая, добрая мама, а во-вторых, символ богатства. Когда хвалят хорошую мать, говорят, что она как корова – это сравнение выражает уважение. Имеющий коров для малийцев – это умелый работник, достойный человек. Люди говорят: не спешите судить, какой он и что может, а посчитайте сначала, сколько у него коров. У малийцев нет сравнения толстой, неповоротливой и

ленивой женщины с коровой, как в русском языке. Это объясняется тем, что малийцы на коровах пашут. Как и бык, это тягловая сила. Отсюда возникает и фразеологизм «не ставь плуг перед коровой», который используют, когда хотят остановить поспешные действия, предупредить: «Не спеши!»

Важен для малийцев и образ буйвола. Это символ трудолюбия, исполнительности, безотказности. В русском языке образ буйвола связан с представлением о силе и упрямстве. Для русской лингвокультуры в этом смысле более актуален образ лошади, который ассоциируется с представлением о силе, выносливости, трудолюбии. Не зря говорят: устал, как лошадь, рабочая лошадка.

Похожие коннотации для русских и малийцев связаны с образом осла, который ассоциируется с представлением об упрямом или тупом человеке. Но малийцы используют это сравнение в отношении ребенка, а назвать взрослого человека ослом – это очень большое оскорбление. Оценочный компонент отражен в пословице: «Когда осел тебя ударит, не отвечай, а то сам уподобишься ослу». Есть также пословица: «Осел не рождает, когда людей много». Её употребляют в значении «этого нельзя сказать при всех».

Совпадают коннотации для русских и малийцев, связанные с образом козла, – это грязный, дурно пахнущий человек. А вот образы козы отличаются. Для русских, с одной стороны, козочка – это легкая, изящная девушка, а с другой – «упрямая, глупая, злобная женщина». Для малийцев же это девушка фривольная, легкомысленная, что осуждается в обществе.

Русские любят кошек и собак, которые часто живут в доме как полноправные члены семьи и всеобщие любимцы. В Мали эти животные живут только во дворе. Есть даже поговорка: когда собака в доме, ангелы не прилетят. Есть и примета: если собака коснется чего-либо в доме, этот предмет становится нечистым, поэтому хозяйка сто раз помоеет этот предмет, чтобы смыть след собаки. В некоторых племенах собак едят, как лакомство. Считается, что мясо собаки защищает мозг человека от воспаления. Как и для русских, собака для малийцев – символ верности, преданности. Есть поговорка, что собака умрет за своего хозяина. О ее преданности говорит такая пословица: «Если видишь хвост собаки, жди и самого хозяина».

Как и для русских, для малийцев кошка, особенно черная, – символ колдовства. И в русских, и в малийских сказках ведьмы часто оборачиваются черными кошками. Люди говорят: «Если кошка живет в доме, то ее хозяин – колдун». Считается вредной и шерсть кошки: она вызывает астму. Если сравнивают человека с кошкой, то говорят: «Бойся воды, как кошка». У русских же в современном употреблении преобладают положительные коннотации: кошка – ласковая, своенравная, живучая.

Что касается домашних птиц, то у русских как символы используются образы петуха, курицы, гуся, утки, индюка. В малийской культуре они также присутствуют, актуальны также образы голубя и павлина.

Наименование петуха в русском языке обнаруживает сходство со словом «петь». В русских сказках петух является предвестником будущего или защитником от нечистой силы. Для малийцев образ петуха связан с сексуальностью: это тот, кто бежит за каждой юбкой. Ценится и его легкий характер. Когда хотят сделать комплимент мужчине, говорят: «Этот петух даже не различает, где дерево, а где женщина».

В русском языке сравнение человека с курицей означает, что человек неумный, недалекий. Пословицы фиксируют такие негативные коннотации: скажешь курице – а она всей улице; пишет, как курица лапой. У малийцев с этим образом также связано много отрицательных коннотаций: рождает каждый год, как курица; тупая, как курица, памяти нет, как у курицы. Считается даже, что если дать ребенку съесть голову

курицы, то он вырастет тупым, несообразительным. Но в то же время малицы отмечают незлопамятность как свойство курицы. Хорошую, заботливую мать также сравнивают с курицей.

Много сходства у русских и малийцев в восприятии образов гуся и индюка. Гусь движется медленно. Для русских сравнение человека с этой птицей говорит о надменности, важности персоны. О такой манере ходить малийцы говорят: «Ходишь, как старая гусыня». Это выражение имеет шутливый характер.

Как и для русских, индюк для малийцев – надутый, сердитый человек, которого легко вывести из себя.

Отличаются коннотации слова голубь в русском и малийском культурном контексте. Для русских голубь – символ мира, добрый вестник в христианстве, а для малийцев образ голубя – это символ несчастья и распада семьи.

Для русских употребление слова павлин в сравнении с человеком означает такие свойства, как глупость, надменность, важность. Русские также говорят «ворона в павлиньих перьях» о человеке, который смешон, потому что хочет казаться важнее, чем есть на самом деле. А малийцы сравнивают с павлином девушку, которая, зная, что она красивая, гордо держится.

Из диких животных у русских популярны образы медведя, лисы, зайца и волка. В малийской культуре эти животные мало известны. Популярны образы льва, тигра, пантеры, слона, зебры, гиппопотама.

Образы льва, тигра и пантеры объединяет коннотация силы. Но если лев храбрый, сильный и жестокий, то тигр злой, хитрый, коварный, а пантера умная, хитрая и жестокая. Смелого воина сравнивают со львом: дрался как лев, как и в русском языке. Для русских слово «тигр» ассоциируется с храбростью, а пантера – с гибкостью, грациозностью.

Слон для малийцев символизирует характер богатого человека, который в достижении цели не остановится ни перед чем: не остановишь, как слона. Для русских важнее ассоциация с габаритами этого животного, представление о больших возможностях и удаче часто передает выражение «доволен как слон», чрезмерно доволен чем-либо.

Образ зебры имеет двойственный характер. С одной стороны, это комплимент: красивая, как зебра. Но, с другой стороны, это характер лицемерный. Малийцы говорят: черное не скроешь, даже если хочешь казаться белым, как зебра. В русской лингвокультуре этот образ не представлен.

Особое место в символике народа бамбара имеет гиппопотам – это сама страна Мали. Гиппопотам для малийцев – это символ мира, терпения и силы. А для русских этот образ остается экзотическим.

Название столицы Мали – Бамако – связано с образом крокодила. Буквально слово «бамако» переводится как «на спине крокодила». Это связано с легендой происхождения города.

Негативной окраской наделен образ кролика. О сплетниках говорят: уши длинные, как у кролика. Для русских это символ плодовитости: плодятся как кролики, – так говорят о многодетной паре.

Что касается диких птиц, малийцы используют образы орла и попугая. Как и в русском языке, орел – могучая птица, а попугай – болтун, повторяющий чужие слова. Отличаются коннотациями образы стервятника и колибри. Стервятник для малийцев – образ безвольного человека, который ждет, когда подвернется случай поживиться. Но в этом образе есть и положительные коннотации: стервятник имеет много терпения, умеет ждать, чтобы добиться цели. Есть и народная примета: кто ест мясо

стервятника, тот защищен от сглаза. Но у некоторых народностей мясо стервятника вызывает отвращение, так как он питается падалью. В представлении русских образ стервятника связан с алчностью, жестокостью. Красивые птички колибри для малайцев – символ несчастья: кто держит их в доме, того ждут неприятности.

Образ змеи для малайцев, как и для русских, ассоциируется с коварным, лицемерным человеком. Об этом говорит русская пословица: «Пригрели змейку, а она тебя за шейку». Образ ящерицы для сравнения с человеком у русских не актуален. А у нас это женщина с плохой фигурой – абсолютно плоская, поскольку символом красоты для малайцев традиционно считается женщина с пышными формами.

В русском языке много ласковых обращений связано с образами животных и птиц: котик, ласточка, птенчик, цыпленочек, зайка. Это в малайской культуре не принято.

Проведенный нами анализ показал, что для русских и малайцев коннотации, связанные с образами животных и птиц, имеют и сходства, и отличия. Подобное сопоставление зоонимов в разных культурах учит взаимному уважению, поэтому полезно и интересно, а в практике преподавания русского языка как иностранного позволяет адекватно воспринимать и оценивать такие номинации.

Библиографический список

1. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. М., 2020.
2. Матвеев С.А. Французско-русский, русско-французский словарь с произношением. М., 2020.

Г.И. Немец
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ К УСТНОМУ ТУРУ ОЛИМПИАДЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена методическим принципам работы со студентами-иностранцами в рамках подготовки к Олимпиаде по русскому языку. В ней рассмотрен пример ведения дискуссии по теме «Роль образования в профессиональной деятельности» с использованием разнообразных клише.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, Олимпиада по РКИ, диалогическая речь, дискуссия.*

Олимпиада по русскому языку – это та форма внеаудиторной работы, которая дает студенту-иностранцу ощущение не только состязания, но и радости от умения свободно общаться на изучаемом языке с другими участниками, организаторами, членами жюри. Участие в Олимпиадах по русскому языку как иностранному является уже большим достижением для студента, который не только демонстрирует свои коммуникативные навыки, но и представляет университет, в котором обучается по тому или иному направлению на иностранном (русском) языке.

Цель любой внеаудиторной работы в сфере РКИ – усилить мотивацию к изучению русского языка и снять имеющийся психологический барьер, препятствующий полноценной коммуникации. «Правильно организованная и качественно проведенная внеаудиторная работа поможет существенно расширить лингвокультурные знания и обогатить представления иностранных учащихся, а значит, обеспечит формирование соответствующих компетенций» [1, С. 59]. Олимпиада по РКИ – это внеаудиторное мероприятие, в котором участвуют студенты с достаточно высоким уровнем владения русским языком. Между тем и им необходима мотивация к дальнейшему совершенствованию имеющихся навыков, стремление не останавливаться на достигнутом в области изучения русского языка как иностранного.

Участие в Олимпиаде любого уровня: вузовского, межвузовского, всероссийского – подразумевает подготовку как к письменному, так и к устному этапу. Устный тур Олимпиады, включающий разные способы речевого взаимодействия, ориентирован главным образом на диалог, отдельные элементы которого требуют особого внимания. Тематика студенческих олимпиад, как правило, предполагает обращение к таким разговорным темам, как «Образование» и «Будущая профессия», хотя конкретная информация о профессиональной деятельности может быть существенно скорректирована преподавателем в соответствии с профилем обучаемых (гуманитарный / естественно-научный) во время работы над содержанием и формой диалогической речи. Диалог, представляющий не только обмен мнениями собеседников, но и отстаивание определенной точки зрения (содержащий интенции согласия / возражения), является той моделью, которая наилучшим образом отражает реальную коммуникацию по общественно значимым вопросам. В основе учебной дискуссии в рамках данной тематики лежат две распространенные установки: (1) – «Получать образование необходимо в вузе. Такое образование гарантирует трудоустройство», (2) – «Можно учиться самостоятельно. Образование не является гарантией получения работы». При этом диалог может выглядеть следующим образом.

(1) – *По моему мнению, доступное образование – огромное достижение человечества. Высшее образование приносит человеку большую пользу. Во-первых, университет может «научить учиться», дает студенту общие навыки, которые помогут ему находить нужную информацию самостоятельно и критически воспринимать то, что он видит и слышит. Во-вторых, университетские знания обязательно принесут пользу, если человек понимает, зачем они ему и каким образом пригодятся в жизни. Качественное образование гарантирует хорошую работу. Кроме этого, образование делает жизнь человека интереснее и насыщеннее. Оно его развивает.*

(2) – *Нельзя не согласиться с тем, что образование важно, но хотелось бы возразить, что учиться нужно прежде всего для себя, иначе вас будет ждать разочарование. Как известно, высшее образование не является гарантией того, что вы найдете себе работу. Большинство безработных в России – люди с высшим образованием. Это приводит к «утечке мозгов», к ситуации, когда имеющие образование вынуждены искать работу за границей.*

(1) – *Это не совсем так. Конечно, высшее образование – это не стопроцентная гарантия трудоустройства, но для некоторых профессий оно просто необходимо. Высшее образование – это перспективно, это вклад в будущее. Даже если вы и не мечтаете о том, чтобы получить высокую должность сразу, карьерная лестница с самого низа может привести вас к тому, что следующая ступень потребует от вас диплома. А без него на текущем месте вы быстро достигнете карьерного потолка.*

(2) – *Я не могу с этим согласиться. Принято считать, что без высшего образования сейчас никуда, а с ним доступны все хорошие рабочие места. Но это иллюзия. Высшее*

образование – хорошая база для успеха в будущем, но явно не гарантия высокой заработной платы. *Кроме того*, предсказать спрос на будущую профессию почти невозможно. Из-за стремительного прогресса и развития случается так, что востребованная специальность в начале учения теряет свою актуальность к его окончанию. А теоретические знания часто устаревают прямо во время учебы. Почти 60 % выпускников работают не по той специальности, которую они получали в вузе. Зачем нужно получать образование, тратить лучшие годы на изучение информации, которая никогда не пригодится в жизни. Можно иметь несколько дипломов, а в итоге – работать не по специальности.

(1) – *У меня есть возражение*. В любом случае, высшее образование престижно. Диплом о высшем образовании повышает самооценку и социальный статус, даже если вы и не набрали большого запаса знаний. *К тому же* это зачастую обязательный пункт вашего резюме или просто неплохое дополнение при знакомстве с другими людьми. Поставьте себя на место работодателя. Кто у вас лично вызовет больше доверия: кандидат с магистерской степенью или человек, бросивший вуз?

(2) – *У меня иная точка зрения*. Высшее образование иногда становится психологическим барьером, который не дает человеку дальнейшего выбора. Бывает так, что после получения диплома, даже если работа вам не понравилась, менять сферу деятельности и начинать все с нуля кажется уже слишком поздно. Сюда же относится вариант, когда выпускники подолгу сидят без работы, пытаясь найти что-то по специальности. Ведь устроиться в другое место считается не слишком престижным.

(1) – *Тем не менее* образование позволяет приобрести жизненный опыт. Помимо знаний по конкретным дисциплинам учеба в вузе дает много практических умений и навыков, связанных с коммуникацией. Это последний этап перед взрослой жизнью, и он наиболее приближен к ее условиям. Нужно планировать время чтобы все успеть, находить выходы из сложных ситуаций, договариваться с людьми, усваивать большой объем информации и выбирать оттуда только необходимое.

(2) – *И все-таки я не могу согласиться с утверждением*, что образование дает жизненный опыт. Образование дает знания, а опыт приходит во время работы. Работодатели всегда ищут специалиста с опытом работы, а где молодежь его может приобрести? Единственный выход – совмещать учебу и работу. Но студент, когда начинает работать, думает не об опыте, а о финансовой самостоятельности. Ведь проезд, жилье, еда, учебные материалы и, конечно, развлечения требуют средств. Это если вы учитесь на бюджете. Учеба по договору достаточно дорога. Не все могут ее себе позволить, а получить квоту или поступить на бюджетное место очень трудно.

(1) – *Что бы ни говорили* про сложности поступления на бюджет, возможность учиться бесплатно действительно есть. Нужно только хорошо учиться в школе, иметь большое желание получать образование в другой стране на чужом языке, а для российских школьников условие одно – необходимо успешно сдать Единый государственный экзамен (ЕГЭ).

(2) – *Все равно* человеку, чтобы получить высшее образование (хоть платно, хоть бесплатно), придется потратить время, изучая не только профильные предметы, но и «совершенно лишние».

(1) – *Не думаю, что это так*. Я убежден(а), что «лишних» знаний не бывает. Приобретая различные знания, даже те, которые вам кажутся ненужными, вы расширяете свой кругозор. На какие-то вещи взгляд может измениться, можно заинтересоваться чем-то новым, во что потом вы уйдете с головой. При этом очень важна сама университетская атмосфера.

(2) – *Я бы хотел(а) возразить, что* в стенах университета в течение всего обучения студент тратит очень много сил и нервов. Он живет в состоянии стресса. Эти сессии, зачеты и экзамены хорошенько выжмут из него все соки, а нервные клетки, как известно, не восстанавливаются. Думаю, что гораздо полезнее заниматься самообразованием. В учебных заведениях не получить ни финансовой грамотности, ни житейской мудрости. Этому нужно учиться на практике и желательнее у людей, выбранных именно вами. При таком подходе учиться можно всю жизнь. За считанные недели прославилась простая японская пенсионерка Масако Вакамия. А всё потому, что в 81 год сохранила молодой ум и тягу к знаниям. Несмотря на почтенный возраст, она записалась на курс программирования «для чайников» и уже спустя шесть месяцев с начала обучения создала свою первую игру для смартфона.

(1) – *Конечно, учиться никогда не поздно, но не думаю, что это лучший вариант.* Познавать новое проще, безусловно, в молодости, хотя и в старости можно изобретать и развиваться. Другое дело, что самостоятельно могут заниматься единицы. Основную информацию, *безусловно*, можно найти самому, но вузы дают много полезных знаний, получить которые без преподавателя практически невозможно.

(2) – *Я не разделяю эту точку зрения.* Некоторым людям университетская система не подходит, потому что они мыслят нестандартно. При этом отсутствие высшего образования не помешало их карьере. Можно вспомнить Уолта Диснея, который бросил школу в 16 лет, гениального Генри Форда, не получившего образования вообще, Джона Рокфеллера, который окончил трехмесячные бухгалтерские курсы, а в результате стал первым долларовым миллионером.

(1) – *Возможно*, высшее образование не является крайне необходимым для предпринимателя, но карьерная дорога и жизненный путь станут с ним намного легче. Все успешные предприниматели стараются постоянно учиться. Жизнь быстро меняется, постоянно появляется много нового, и нам необходимы новые знания, чтобы удержаться на плаву. Расширение кругозора, интеллектуальное развитие, коммуникабельность, умение найти выход из сложной ситуации путем переговоров и прочее. Вот, что дает нам процесс образования.

Представленная модель диалога направлена на активизацию лексики, связанной с тематикой Олимпиады, а также тех грамматических конструкций и клише, которые помогают парировать собеседнику. Каждый участник диалога, постепенно выстраивая собственную логическую цепочку, пытается разрушить систему доводов оппонента. При этом важным компонентом убедительной аргументации являются примеры, которые продумываются заранее и включаются в диалог в тот момент, когда это уместно и наиболее эффективно.

Таким образом, методика подготовки иностранных студентов к устному туру Олимпиады по РКИ имеет общую коммуникативную направленность, предполагает обучение активному речевому взаимодействию участников диалога с использованием разнообразных клише, лексики, соответствующей заданной тематике, и актуальных грамматических моделей. Кроме того, предложенная развернутая система аргументации позволит студенту выработать собственную логически выстроенную позицию относительно обсуждаемой проблемы, что чрезвычайно важно для студента-иностранца и его самореализации в языковой и профессиональной сферах.

Библиографический список

1. Милюк Н. М. Язык и культура: от теории к практике: учеб. пособие. М., 2017.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсенова Дарья Андреевна – магистрант кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Ахмадсафина Елена Михайловна – магистрант кафедры русского языка как иностранного Кубанского государственного университета

Балан Чеслава – магистрант кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Байбуз Галина Владимировна – ассистент кафедры лингвистики Кубанского медицинского университета

Беданоква Зулейхан Кимовна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Адыгейского государственного университета

Белоусова Ольга Анатольевна – преподаватель кафедры русского языка Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова

Бирюкова Полина Сергеевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Борисова Ольга Геннадиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Буданова Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Буянова Людмила Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета

Володина Дарья Евгеньевна – преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков №1 Кубанского технологического университета

Вульфович Борис Григорьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Гусева Светлана Эдуардовна – преподаватель английского и испанского языка

Дробан Виктория Владиславовна – соискатель кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Ерицян Седа Робертовна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Исаева Лидия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Кабаньян Белла Семеновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянорусского языкознания Кубанского государственного университета

Ким Ин Гю – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета

Коваленко Александра Александровна – студентка факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета

Кокора Юлия Васильевна – преподаватель Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

Копоть Лилия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета

Костина Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой современного русского языка Кубанского государственного университета

Котовец Мария Александровна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Криворучко Ирина Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кубанского аграрного государственного университета

Лесняк Дарья Сергеевна – студентка института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Липириди София Христофоровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Литвиненко Дарья Александровна – преподаватель русского языка и литературы Краснодарского музыкального колледжа им. Н.А. Римского-Корсакова

Любина Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Мартиросова Анастасия Витальевна – магистрант кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета

Маймуна Матерь – аспирант кафедры истории России Кубанского государственного университета

Милюк Нина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Кубанского государственного университета

Мищенко Анна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Мызников Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН

Немыка Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного

Немец Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Кубанского государственного университета

Нехорошева Оксана Александровна – аспирант кафедры современного русского языка Кубанского государственного факультета

Новикова Екатерина Сергеевна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Остроухова Ксения Сергеевна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Пономаренко Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Петренко Анна Сергеевна – студентка филологического факультета Адыгейского государственного университета

Петрова Анастасия Игоревна – магистрант кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Петросян Марина Сергеевна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Почтарева Тамара Сергеевна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Разумова Лина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры европейских языков Российского государственного гуманитарного университета Института лингвистики

Рябинина Алевтина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета

Сегал Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Сердюкова Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета

Силина Екатерина Олеговна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Сокур Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета

Сомова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедра истории литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета

Хамраева Алена Александровна – учитель русского языка и литературы МАОУ СОШ №11

Чернова Ирина Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета

Шетгэля Виктор – кандидат филологических наук, доцент Дирекции образовательных программ МГПУ Московского городского педагогического университета

Шитухина Анастасия Юрьевна – студентка романо-германского факультета Кубанского государственного университета

Штанченко Злата Алексеевна – студентка факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета

Шишкин Борис Андреевич – аспирант кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета

Шушура Елена Евгеньевна – студентка филологического факультета Кубанского государственного университета

Эркенова Амина Нюр-Магомедовна – ассистент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета

Янг Сун Ен – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета

Научное издание

**КОНТИНУАЛЬНОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

**Материалы IX Всероссийской научной конференции
Краснодар, 22–25 ноября 2023 г.**

Подписано в печать 20.11.2023. Выход в свет 22.11.2023.

Формат 60 x 84 1/16.

Печать цифровая. Уч.-изд. л. 11,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 156

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149